

**Атлас аналитических
центров:
русистика за рубежом**

Rethinking Russia, 2016

Содержание

Введение	4
Методология исследования	13
Экспертиза на аутсорсинг: «think tanks» как формат экспертной поддержки принятия государственных решений	22
Дипломатия вторых треков: русистика как фактор «мягкой силы»	30
Глобальный обзор: русистика на карте мира	36
Региональные обзоры	
США	41
Европа	57
Азия	71
Тренды и перспективы	82
Приложение: Россия в проектах зарубежных аналитических центров	84

Введение

Ричард Саква

Профессор Университета Кента в Кентербери

В период усиления глобальной конкуренции и охлаждения взаимоотношений как никогда важную роль начало играть владение достоверной и точной информацией, носящей непредвзятый, объективный характер. В этом контексте «мозговые центры» занимают довольно неоднозначную позицию. Они не только выполняют функцию «генератора знаний», но и уделяют особое внимание ее анализу. Многие исследовательские институты гордятся своим беспристрастным подходом и независимостью, другие же отличаются ангажированностью и приверженностью заранее определенной позиции. Другими словами, с точки зрения многообразия, «мозговые центры» можно сравнить с гражданами демократического сообщества. Некоторые из них хорошо осведомлены о происходящих событиях, заинтересованы в достижении справедливости и стремятся узнать правду, в то время как другие считают своим долгом и обязанностью защищать статус-кво, отстаивать определенные привилегии или же преследовать некую иную цель. Таким образом, «фабрики мысли» представляют собой отдельное сообщество, где на глобальном уровне ведутся дискуссии и обсуждения по поводу тех или иных вопросов.

Подобное разнообразие и многообразие амбициозных задач в полной мере отражено в данном внушительном исследовании, проведенном международным аналитическим центром Rethinking Russia. «Мозговые центры» занимают промежуточное положение между консалтинговыми компаниями, чья зависимость от рыночной конъюнктуры общепризнанна, и университетами, которые традиционно ориентированы на сохранение беспристрастного подхода к анализу, если не глубинного поиска истины. В данном сборнике рассматривается процесс генерации знаний сетью организаций, имеющих привилегированное положение в обществе. «Мозговые центры» - это важнейшие институты, где сосредоточены знания, опыт и навыки и где активно продвигаются те или иные точки зрения и подходы. Помимо исключительно просветительских, они выполняют ряд других функций. Если мы будем сравнивать научно-исследовательские институты и интеллигенцию в современном мире, то некоторые центры подходят под описание так

называемых «традиционных интеллектуалов», о которых писал Антонио Грамши (то есть тех, кто выступает за независимое изучение социальных феноменов), а другие – под описание «органических интеллектуалов», отражающих расстановку сил в обществе.

Когда речь заходит о русистике, такое разделение становится еще более весомым. Долгое время Россия не вписывалась в западную эпоху «модерна». Безусловно, она не отвергала достижения Запада, но в то же самое время старалась найти ту модель интеграции, которая помогла бы сохранить традиции и отличительные признаки российского общества. Из-за такой осторожной позиции исследования России приобретают все более многоаспектный характер, а сами аналитики становятся более восприимчивыми к самым различным трактовкам и мнениям.

Из-за того, что после 1991 года Россия начала терять свой статус «великой державы», исследования страны больше не рассматривались в качестве приоритетных (при этом как объект исследования Россия не перестала быть привлекательной для аналитиков).

Это нашло свое отражение в резком сокращении числа экспертов разведывательных служб в Соединенных Штатах: если в разгар Холодной войны их количество составляло примерно 13 тысяч человек, то в 2012 их насчитывалось не более 1000 человек. Число экспертов, по прогнозам, может опять резко вырасти в связи с появлением отдельных признаков, свидетельствующих о возобновлении почти полувекowego противостояния. Потеря Россией своих позиций также оказала непосредственное влияние и на учебные курсы, посвященные российским исследованиям: их число начало стремительно снижаться после окончания противостояния капиталистического и социалистического блоков. Теперь, когда Россия вновь воспринимается как некая сложная проблема, если не угроза, интерес к исследованиям страны вновь растет. Принцип «знай своего врага» никогда полностью не преобразовывался в концепцию «знай своего друга».

В этой связи «мозговые центры» выполняют важную роль. Будучи разнородными по своей структуре, они производят знания о социальном окружении. В этой аналитической работе под научно-исследовательскими институтами понимаются «независимые или автономные учреждения, цель которых заключается в консультировании государственных лиц, принимающих решения по вопросам внешней политики и международных отношений» (стр. 8). Это хорошее определение, но оно не отражает то, как многие «мозговые тресты» пытаются формировать не только государственную политику, но и общественное мнение, предпочтения людей и их взгляды.

Проблема, связанная с исследованиями России, усугубляется и общим упадком в сфере регионоведения и страноведения. Эта область традиционно была одной из важнейших в анализе отдельных стран и регионов и включала в себя изучение языков, литературы и культуры, а также исторический экскурс и исследование политической жизни. Отчасти на этот традиционно холистический подход негативно влияет серьезное снижение уровня владения иностранными языками, по крайней мере, в англо-саксонском мире.

Ухудшение языковых навыков – это один из самых больших камней преткновения на пути к глубокому пониманию любой зарубежной страны. А в случае с российскими исследованиями эта проблема стоит наиболее остро.

Предметом настоящего исследования являются 637 аналитических центров в 85 странах. Столь широкая выборка оправдана, так как позволяет собрать обширный материал по проблематике.

Независимый анализ крайне важен для принятия взвешенных политических решений, однако, как показывает исследование, с момента возникновения первого экспертно-аналитического центра данные организации подвергаются критике. Первый центр, созданный в 1831 году по инициативе герцога Веллингтона, существует и поныне. Сейчас он официально называется Королевский объединенный институт оборонных исследований (RUSI), и, таким образом, является на сегодняшний день старейшим аналитическим центром в мире. Как показывает исследование, самые первые центры подобного рода подвергались критике за попытки навязать обществу зависимость от мнения экспертов, подрывая тем самым принципы демократии. Сегодня со стороны общества также часто слышна критика в отношении принципов технократического управления, хотя при этом нередко имеет место другая крайность: в условиях современного капиталистического общества движущей силой при формировании политического курса слишком часто выступает не экспертное мнение, а идеология.

Это исследование свидетельствует о большом разнообразии аналитических центров, существующих в мире. Те из них, что были основаны в первой четверти двадцатого века, теперь являются всемирно признанными авторитетными учреждениями. «Фонд Карнеги за международный мир» был создан в 1910 году, и сегодня его подразделения можно найти буквально в любом уголке мира. Он осуществляет свою деятельность и в Брюсселе, и в Индии, и во многих других местах, но в первую очередь в Москве. Московский Центр Карнеги является одним из самых уважаемых российских источников, где можно получить независимый экспертный анализ ситуации в стране. При этом следует заметить, что он оказывается в своеобразной ловушке. На центр со всех сторон оказывается политическое давление: как справа, так и слева, начиная от радикальных либералов и заканчивая неоконсерваторами. Также не стоит забывать об определенном бюрократическом давлении сверху.

«Королевский институт международных отношений» был учрежден в 1920 году. Его программа по Евразии и России (для меня большой честью является участие в этой программе в качестве член-корреспондента) включает в себя впечатляющий перечень публикаций и встреч, посвященных России и региону в целом. При этом и эта программа не избежала общей участи и подверглась воздействию разногласий на политической почве, жертвой которых стал в известной мере беспристрастный научный подход. Линия размежевания проходит между теми, кто все еще признает за социальной и политической системой определенный потенциал развития и выступает за сотрудничество с российским руководством, и теми, кто категорически отвергает идею любого взаимодействия, открыто осуждая все действия властей.

В исследовании отмечается, что «некоторые аналитические центры превратились в политически ангажированные институты», и это действительно так. В работе приводятся некоторые значимые примеры, но, пожалуй, не представлена более полная информация.

В настоящее время существует целый ряд аналитических центров, которые заточены для работы в условиях «новой холодной войны», и их деятельность направлена на то, чтобы создать все необходимые условия для возобновления подобного конфликта.

Эти структуры традиционно оправдывают все большую радикализацию системы безопасности атлантического сообщества и пропагандируют ее ценности.

Такие центры можно отнести к инструментам «мягкой силы» в классическом определении этого термина, данном Джозефом Найем. То есть, следует говорить о структурах, работающих на «укрепление власти гегемона несиловыми методами». Впоследствии сам Най утверждал, что и Россия, и Китай неправильно истолковали его определение. В данной главе термин «мягкая сила» будет предусмотрительно рассматриваться с критических позиций.

В целом, это комплексное и важное исследование, которое знакомит нас со сложным миром современных аналитических центров. Учитывая, что наша страна является одним из важнейших акторов среди демократических обществ, нам будет весьма полезно проанализировать и понять, какие процессы и трансформации происходят внутри данных организаций, как меняется их роль в обществе и в формировании современной политической повестки дня. Поскольку роль политических партий как главного института, занимающегося сбором информации о политических предпочтениях в обществе и их формированием, несколько снизилась, аналитические центры во многом берут на себя роль выразителей социальных и политических требований. Таким образом, эта работа, играет важную роль, помогая нам понять, что представляет собой один из важнейших элементов современного политического сообщества.

Томас Грэм

Управляющий директор компании Kissinger Associates

В эпоху масштабных изменений на глобальной арене РФ, которая постепенно возвращает себе статус «великой державы», необходимо иметь более полное понимание отношения к ней со стороны других стран. И для России, и для других государств успех во внешней политике во многом зависит от того, как международное сообщество воспримет их действия и отреагирует на них. Что другие государства знают о России и ее приоритетах? Какие цели, по их мнению, она преследует? Считают ли они, что интересы России согласуются с их интересами или же они прямо противоположны? Как они оценивают потенциал России на сегодняшний день и в долгосрочной перспективе? Какие действия может предпринять российское руководство для формирования наиболее привлекательного образа страны, способствующего продвижению национальных интересов? Именно этими вопросами должен задаваться Кремль.

В этом контексте недавно опубликованный доклад «Атлас аналитических центров: изучение России за рубежом» (*"Think Tank Atlas: Russian Studies Abroad"*) вносит значительный вклад в понимание роли иностранных научно-исследовательских институтов в формировании общественного мнения и государственной политики в Соединенных Штатах и ключевых странах Европы и Азии.

Как указывают авторы доклада, после окончания Холодной войны Соединенные Штаты практически перестали исследовать Россию.

В последние два-три года многие влиятельные политические игроки, крупные бизнесмены и научные сотрудники в Соединенных Штатах начали жаловаться на очевидный недостаток экспертов по России и в целом на неспособность лиц, принимающих внешнеполитические решения, предугадать ее действия на Украине и в Сирии. На сегодняшний день широко обсуждается возможность возобновления подготовки русистов, правда, уже исходя из предположения, что Россия в будущем будет оставаться ключевым игроком в международных

отношениях. Только время покажет, каких конкретно результатов удастся достичь по итогам данных дискуссий.

Вместе с тем исследования России перестали рассматриваться в качестве приоритетных не по причине того, что страна более не вызывала интерес у аналитиков, как принято считать. Скорее изменился сам интерес. В период биполярной конфронтации Советский Союз рассматривался как государство с чужеродной идеологией, шедшей вразрез с американскими ценностями, и как игрок, стремящийся оспорить статус США как глобального гегемона. Чтобы адекватно реагировать на те или иные действия СССР, лицам, принимающим решения в США, были нужны эксперты, специализировавшиеся на России или СССР. Интерес к России как таковой был весьма значительным.

В конечном счете на обучение десятков тысяч экспертов по России были выделены миллионы долларов. Именно в это время при Гарвардском и Колумбийском университетах появились крупные научно-исследовательские центры, занимающиеся Россией, был основан американский стратегический центр RAND, уделявший особое внимание изучению СССР, а исследования русского языка получили щедрое финансирование.

После окончания Холодной войны интерес к России не угас. Так, администрация Клинтона сделала российское направление приоритетным в своей внешней политике.

Но в некотором смысле Соединенные Штаты вели себя так, как будто знали ответы на серьезные вопросы, касающиеся развития мира после окончания американо-советского противостояния. С отходом от положений марксизма-ленинизма Россия неизбежно должна была встать на путь становления демократии и создания свободного рынка по американским лекалам. В этом и заключался «конец истории». И поэтому они проявляли интерес не к России как таковой, их интересовало не реальное положение дел в стране. Американцы делали акцент на тех знаниях, которыми они должны были поделиться с россиянами, чтобы облегчить и ускорить этот неизбежный переход. Степень влияния глубинных основ российской культуры, истории и мысли на выстраивание траектории развития не бралась серьезно в расчет. Практически никто не был готов признать, что Россия могла избрать иной путь. Экспертное сообщество при поддержке правительства и средств массовой информации активно искало подтверждения своей правоты касательно перехода в соответствии с американским сценарием. Мало внимания было уделено тому, что действительно происходило в России. И практически совсем без внимания остался российский внешнеполитический курс (учитывая, что на тот момент Россию списали со счетов как глобально незначимого игрока). Увлечшись теориями, американцы не увидели реального положения дел.

Однако после финансового кризиса 1998 года и в самые первые годы президентства Владимира Путина стало ясно, что переходный процесс протекает не так, как ожидали американские аналитики. Среди прочего, Путин стремился увязывать текущие события, особенно в политической сфере, с богатыми историческими традициями. Он заявил, что, восстанавливая свою политическую систему, Россия не будет слепо подражать Западу. По его словам,

в России сложится собственная демократическая система, причем со своими особенностями. Эксперты по вопросам «демократического транзита» оказались неготовыми в интеллектуальном плане к подобному развитию событий. Для них это было всего лишь отклонением от правильного курса реформ, и они никогда не прилагали никаких усилий к тому, чтобы внимательно изучить данное явление.

И поэтому, несмотря на свои исследования российской жизни, американское экспертное сообщество не понимало сути происходящего в стране, потому что не считало Россию влиятельным игроком на международной арене. На протяжении почти четверти века проблема заключалась все же не в снижении интереса к России как к предмету изучения, основной проблемой было отсутствие акцента на самой России в данных исследованиях.

Сегодня, когда Россия вновь вышла на первый план в качестве значимого глобального игрок с особенной политической системой, перед американцами стоит задача не столько выделить больше средств на исследование российской действительности, сколько вновь начать изучение реального положения дел в России.

Соединенным Штатам нужны эксперты, которые действительно разбираются в происходящем в стране. Многого можно сделать непосредственно в США, но определяющим аспектом для успешности работы будет взаимодействие на международном уровне с аналитическими центрами и институтами в Европе и Азии, и, конечно, в самой России, хотя бы и потому, что Россия сыграла много разных ролей в разных странах по всему миру, тем самым повлияв на представление о себе местного населения в каждой из этих стран. Интеллектуальное взаимодействие обогатит дискуссию и положительно отразится на глубине нашего понимания российской жизни. Подобное многоплановое видение поможет нам самим ответить на ряд серьезных вопросов о России, о сути ее политической системы и ее роли как глобального игрока. Данное издание содержит большое количество информации, которая будет интересна и полезна аналитическим центрам и другим учреждениям, намеревающимся выстроить настоящие международные связи, чтобы изучать российскую действительность. Это прекрасная отправная точка для исследований.

**Ян Ваславский, кандидат политических наук,
директор Rethinking Russia**

В годы холодной войны экспертный интерес к Советскому Союзу на Западе был весьма высоким, что легко объясняется причинами, носящими историко-объективный характер. Этот интерес обусловил появление и развитие советологии – отдельного междисциплинарного направления, в рамках которого изучался Советский Союз, его общественно-политический строй, экономика и культура.

«Конец истории», иллюзии о возможности эффективного однополярного мира, недалёковидное списание России из ряда ведущих мировых держав, по сути, «размыли» экспертное сообщество.

Впрочем, если советологи в силу закрытого характера советской системы были ограничены в каналах получения информации, что естественным образом снижало потенциал исследований, то сегодня эксперты, занимающиеся изучением России, располагают гораздо более внушительным арсеналом источников информации и инструментарием для анализа.

Однако парадокс ситуации, сложившейся в 1990-е и 2000-е годы, заключается в том, что на Западе экспертный интерес к России, государству-продолжателю СССР, стал падать сразу после исчезновения Советского Союза с политической карты мира.

«Конец истории», иллюзии о возможности эффективного однополярного мира, недалёковидное списание России из ряда ведущих мировых держав, по сути, «размыли» экспертное сообщество: спрос на услуги советологов сильно упал, а молодые и перспективные специалисты стали выбирать другие регионы и страны в качестве сферы своих интересов.

За последние 25 лет стали очевидны, как минимум, три серьёзные проблемы, возникшие в связи с вышеописанным развитием событий. Во-первых, советологи «старой школы» потеряли стимулы к систематическому повышению квалификации и поддержанию себя «в тонусе». Сегодня многие из них понимают внутреннюю и внешнюю политику Москвы немногим лучше отдельных журналистов иностранных СМИ, использующих применительно к

России застарелые стереотипы и клише. Во-вторых, из-за отсутствия достаточного притока новых кадров образовался внушительный провал в поколениях специалистов, фиксируется серьезный дефицит молодых, но уже зрелых исследователей России, тех, кто начал свою карьеру в 1990-е и 2000-е годы. В-третьих, нельзя исключать, что кризис данной дисциплины оказал влияние на развитие международной ситуации и динамику отношений ведущих держав. Он выразился, прежде всего, в ухудшении качества экспертизы для принятия внешнеполитических решений, ослаблении кадрового потенциала аналитических центров, органов власти, СМИ и т.д. Иными словами, источники текущих разногласий следует искать не в последнюю очередь в уменьшении уровня взаимопонимания и учета интересов друг друга, чему в том числе способствует работа экспертов.

Сегодня вполне объяснимо стремление западных элит лучше понять Россию, особенности ее общественно-политического и экономического развития, а также процесса принятия внутри- и внешнеполитических решений.

Вместе с тем нарастание конфронтационных трендов в мире предопределило возрождение интереса к России, которое наблюдается, как минимум, последние 3-4 года. Сегодня вполне объяснимо стремление западных элит лучше понять Россию, особенности ее общественно-политического и экономического развития, а также процесса принятия внутри- и внешнеполитических решений. Однако это стремление не всегда подкреплено наличием соответствующих исследовательских и экспертных ресурсов, компетентных кадров и должным уровнем взаимодействия с российским исследовательским сообществом. Последний элемент в контексте глобализации образовательной, научной и экспертной сред является крайне важным для успешного восстановления позиций русистики за рубежом. Только в контексте конструктивного международного обмена мнениями, постоянного экспертного диалога возможно говорить о повышении уровня взаимопонимания между странами, правящими элитами и исследовательскими сообществами.

В свете вышеописанных проблем, Международный аналитический центр Rethinking Russia посчитал проект «Атлас аналитических центров» крайне своевременным. В проекте проанализировано общемировое состояние русистологии на современном этапе, дана характеристика положения дел в отдельных регионах и странах. Для осуществления проекта была собрана уникальная база данных аналитических центров, в поле интересов которых входят исследования России.

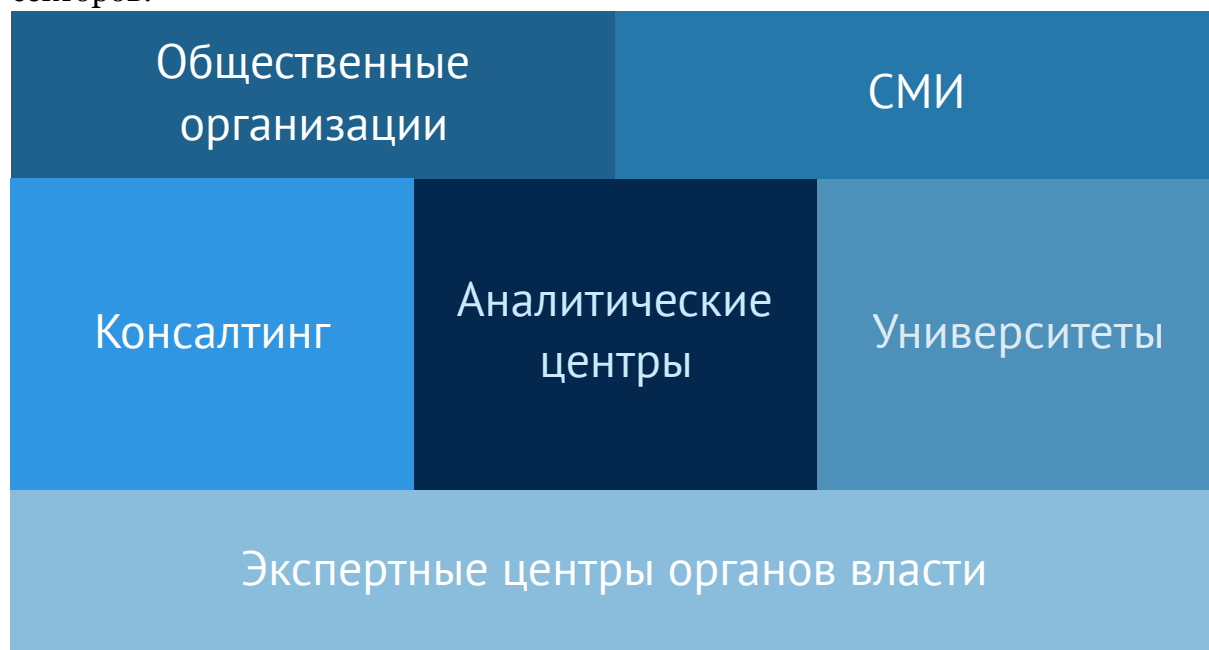
Методология исследования

Татьяна Сорокина, куратор проекта

Что такое «think tank»¹?

Проблема определения понятия «аналитический центр» состоит, во-первых, в том, что подобные организации, по своей природе, являются гибридными², т.е. действуют на пересечении государственного, частного и некоммерческого секторов.

Во-вторых, аналитические центры, функционируя по всему миру, трансформируются под действием различных социокультурных контекстов. Значительная часть исследований «*think tanks*» как в США, так и в Европе, посвящена

¹ Термин «*tanks*» не имеет общеупотребительного, устоявшегося перевода на русский язык, среди множества вариантов наиболее популярны: «мозговой центр», «исследовательский центр», «фабрика мысли», «экспертно-аналитический центр», «центр прикладного анализа» и др. В настоящем докладе для обозначения think tanks авторы преимущественно используют термин «аналитический центр».

² См. например, Thomas Medvetz, Hybrid intellectuals: Toward a theory of think tanks and public policy experts in the United States, University of Berkley research paper, 2006.

изучению отдельных страновых моделей³. Исторически аналитические центры получили распространение именно в США, а американские центры до сих пор удерживают лидерство как по численности, так и по уровню развитости исследовательской инфраструктуры⁴.

В-третьих аналитические центры выполняют настолько разнообразные функции, что они периодически могут мимикрировать под другие типы организаций: структурные подразделения университетов, «мозговые центры» политических процессов (выборных кампаний или крупномасштабных политических и экономических реформ), консалтинговые компании, общественные (чаще, правозащитные) организации или, в некоторых случаях, - СМИ. Эксперты аналитических центров могут выступать в роли академических исследователей, предпринимателей (предлагающих на «рынке идей» свои продукты политикам, финансовым донорам, и журналистам), специалистов по публичным коммуникациям⁵. Выделение «*think tanks*» как особой группы организаций в этом случае происходит по принципу исключения.

В исследовательской среде нет консенсуса даже по принципиальному вопросу: должны ли «*think tanks*» быть независимыми? В конце 1980-х годов профессор Джорджтаунского университета Кент Уивер дал определение аналитического центра, которое долгие годы использовалось в качестве базового. Аналитические центры, по Уиверу, - «негосударственные, некоммерческие исследовательские организации, в значительной степени автономные от органов власти, а также интересов компаний, отдельных групп интересов и политических партий⁶». Согласно данному определению, аналитические центры:

1. Обладают организационной автономностью;
2. В своей деятельности следуют принципам беспристрастного анализа (академический подход).

Подход Уивера, таким образом, во-первых, не включал в множество аналитических центров аффилированные с государством структуры и частные организации, во-вторых, не допускал возможности проведения анализа в интересах определенных групп, и, в-третьих, не определял основное назначение деятельности аналитических центров (участие в формулировании государственной политики, служение общественным интересам и т.д.). При всей ценности академического подхода такое «дистиллированное» определение дает слишком абстрактное представление о деятельности аналитических центров, фактически игнорируя реальность.

³ Hartwig Pautz, "Revisiting the think-tank phenomenon," *Public Policy and Administration*, October 2011 26. P. 420

⁴ Подробнее см. Раздел *Think Tanks как формат экспертной поддержки принятия государственных решений*.

⁵ Thomas Medvetz, "Public Policy is Like Having a Vaudeville Act": Languages of Duty and Difference among Think Tank-Affiliated Policy Experts", *Qualitative Sociology*, SPECIAL ISSUE ON KNOWLEDGE IN PRACTICE, December 2010, Volume 33, Issue 4, pp 549-562, open access, URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s11333-010-9166-9>, декабрь 2015

⁶ J. G. McGann, R. K. Weaver, *Think tanks and civil societies: Catalysts for ideas and action*, New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002 цитируется по Hartwig Pautz, "Revisiting the think-tank phenomenon," *Public Policy and Administration*, October 2011 26. P. 421

Поздние трактовки более гибко подходят к характеристикам аналитических центров:

1. Автономность сужается до финансовой независимости;
2. Снимается требование об отсутствии аффилированности: вместо этого выделяются отдельные типы аналитических центров (частные, аффилированные с государством, аффилированные с университетами, партийные аналитические центры, правозащитные аналитические центры и т.п.);
3. Определяется основное назначение деятельности – проведение прикладного публично-политического анализа;
4. В качестве потребителей продуктов аналитических центров подразумеваются либо органы власти в широком смысле, либо гражданское общество⁷.

В 2014 году руководитель Программы «Аналитические центры и гражданские общества» из Пенсильванского университета Джеймс Макганн определяет аналитические центры уже как «организации публично-политического анализа, которые осуществляют определяемые политикой исследования, анализ по внутренней и внешней политике, и таким образом позволяют публичным лицам принимать информированные взвешенные решения по вопросам публичной повестки⁸». Определение Макганна более специфично и ближе подходит к реальной практике функционирования аналитических центров по всему миру.

В рамках данного исследовательского проекта в качестве аналитических центров рассматриваются самостоятельные организации или автономные структурные подразделения, целью исследовательской деятельности которых является экспертная поддержка принятия государственных решений по вопросам внутренней и внешней политики.

Классификация

Существует несколько подходов к классификации аналитических центров. Наиболее распространенный подход, используемый Джеймсом Макганном, подразумевает выделение 7 категорий аналитических центров: автономные (независимые); квазинезависимые; аффилированные с государством; квазигосударственные; аффилированные с университетами; аффилированные с политической партией; корпоративные⁹.

В рамках данного исследовательского проекта классификация осуществлялась по трем группам критериев.

⁷ См. например, Andrew Selee, «Think Tanks: What Are They Good For?», *TIME Magazine*, Oct. 9, 2014, URL: <http://time.com/3481757/think-tanks-what-are-they-good-for/>, декабрь 2015

⁸ James G., McGann, 2014 Global Go To Think Tank Index Report, Think Tanks & Civil Societies Program, The Lauder Institute, The University of Pennsylvania, THINK TANKS AND CIVIL SOCIETIES PROGRAM, 2014, TTCSP, P.9

URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks, декабрь 2015

⁹ James G., McGann, 2014 Global Go To Think Tank Index Report, Think Tanks & Civil Societies Program, The Lauder Institute, The University of Pennsylvania, THINK TANKS AND CIVIL SOCIETIES PROGRAM, 2014, TTCSP, P.9

URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks, декабрь 2015

Критерии классификации аналитических центров

1. Ресурсная независимость	По соотношению источников финансирования
Центры с единственным спонсором	Финансируются частным лицом
Центры с основным спонсором	Наличие донора с долей пожертвований более чем 50% за прошедший год
Независимые центры	Несколько источников финансирования
2. Институциональная независимость	Степень аффилированности с университетом, органом власти, политической организацией
Аффилированные с университетом	Структурные подразделения других организаций
Аффилированные с органом власти	
Аффилированные с политической партией	
Аффилированные с частной компанией	
Автономные	Самостоятельные организационные единицы
3. Идеологическая ориентированность	Публично декларируемая или признанная исследовательским сообществом
Идеологически нейтральные	Публично декларируемая нейтральность совпадает с оценкой экспертного сообщества
Идеологически частично ориентированные	Публично декларируемая нейтральность не совпадает с оценкой экспертного сообщества
Идеологически ориентированные	Публично декларируется приверженность определенной системе взглядов

Анализ практик аналитических центров показал, что выделение отдельных типов по каждой группе критериев не имеет прикладной ценности. Так, например, идеологически ориентированные или институционально аффилированные центры, часто имеют один главный источник финансирования, потому на основании указанных критериев было идентифицировано несколько наиболее часто встречающихся типов аналитических центров.

Матрица типов аналитических центров

Тип / Критерий	Ресурсная зависимость	Институциональная зависимость	Идеологическая ориентированность
1. Независимые	Несколько доноров, вклад ни одного из доноров не составляет более 50%	Центр публично не аффилирован ни с одной из организаций, действует как самостоятельная организационная единица	Центр публично декларирует себя независимым, оценка совпадает с позицией исследовательского сообщества
2. Финансируемые частным лицом	Один источник финансирования – частное лицо	В большинстве случаев - автономные	Идеологически частично независимые
3. Частично независимые	Существует один или несколько основных доноров	Близок к какой-либо организации, но публично не аффилирован	Идеологически независимые или частично независимые
4. Государственные	Основной донор - государство	Является структурным подразделением органа власти / квазиНКО / подведомственной организацией, или государство - основой заказчик	Степень независимости различна
5. Университетские	Степень независимости различна	Публично аффилирован с университетом	Степень независимости различна
6. Партийные	Основной донор – политическая партия	Публично аффилирован с политической партией	Идеологически ориентирован
7. Корпоративные	Основной донор – частная компания	Является структурным подразделением частной компании или частная компания – основной заказчик	Степень независимости различна

Исследования России за рубежом

«*Area Studies*» (англ. регионоведение, регионалистика¹⁰) – особое направление исследований аналитических центров, которое выступает как «зонтичный» термин для обозначения нескольких связанных областей знания¹¹.

Учитывая тот факт, что процесс накопления знаний об определенных странах и регионах мира берет свое начало еще с первых исторических попыток установления международных контактов, регионалистика – далеко не новое направление исследований. Однако до начала XX века оно развивалось преимущественно в рамках дипломатии. Становление регионалистики как отдельного направления исследований диктовалось внутренними потребностями отдельных государств. Так, например, в США развитие регионалистики часто трактуется как попытка преодоления узости американских представлений о других культурах и ограниченности европоцентричного подхода в социальных науках. Вплоть до 1940 года в США было защищено всего 60 диссертаций по незападным культурам, причем большая их часть была посвящена историческим исследованиям¹². Дэвид Энгерман в своей книге «Знай своего врага: расцвет и упадок американских советологов» описывает анекдотичный случай. В 1948 году в самом начале холодной войны во вновь созданном Центральном разведывательном управлении США работало 38 экспертов по СССР. Из них только 12 как-то говорили по-русски, у 1 эксперта была степень Ph.D., а профили подготовки первых советологов различались от инженерных наук до библиотечного дела¹³. В настоящее время в США действует государственная программа изучения иностранных языков, а также грантовые программы по региональным исследованиям, *area studies* преподаются в качестве отдельных учебных дисциплин, а в программах академического обмена ежегодно участвует более 200 000 иностранных студентов и десятки тысяч исследователей¹⁴, специалисты по регионалистике работают в сфере аналитики для нужд государства.

Исследования России (англ. «*Russian Studies*» русистика, россиеведение) в большинстве случаев попадают в одно из следующих направлений:

1. Углубленное изучение языка – сравнительная филология, лингвистика,
2. Изучение истории и культуры – история, социальная антропология, культурология, общее страноведение,
3. Сравнительные социальные, экономические и политические исследования, характеризующиеся идеографическим подходом к анализу.

¹⁰ Michael D. Kennedy, “A Manifesto (of sorts) for Area Studies”, *The Journal of the International Institute*, Volume 4, Issue 3, Summer 1997, URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.4750978.0004.302>, декабрь 2015

¹¹ David L. Szanton, ed., *The Politics of Knowledge: Area Studies and the Disciplines* (GAIA Books Serie, published in association with University of California Press, Berkeley, 2002), PDF e-book, P.5, URL: <http://escholarship.org/uc/item/59n2d2n1#page-1>, декабрь 2015

¹² Ibid, P.5,

¹³ David C. Engerman, *KNOW YOUR ENEMY: The Rise and Fall of America's Soviet Experts* (New York: Oxford University Press, 2009), Amazon Kindle, loc. 130

¹⁴ David L. Szanton, ed., *The Politics of Knowledge: Area Studies and the Disciplines* (GAIA Books Serie, published in association with University of California Press, Berkeley, 2002), PDF e-book, P.6, URL: <http://escholarship.org/uc/item/59n2d2n1#page-1>, декабрь 2015

В фокус данного проекта попали исследования последней категории, - так или иначе затрагивающие внешнеполитические вопросы, а также социальные, экономические и политические процессы современного российского общества.

Анализ открытых источников

Исследовательская группа Rethinking Russia проанализировала ключевые аналитические центры, которые в той или иной степени исследовали социально-экономические и политические процессы в России на протяжении последних шести лет (2010 – 2015 годы). Анализ проводился в сентябре – декабре 2015 года. Поиск по открытым источникам осуществлялся на английском, французском, испанском, немецком, китайском, корейском, японском, русском языках.

Отбор центров для включения в базу данных проходил в два этапа.

Для включения в список при отборе было проанализировано несколько тысяч аналитических центров, которые упоминаются в международных рейтингах, исследовательских сетях или проектах. В частности, в качестве первичных

источников анализа использовались: *Global Go To Think Tank Index*¹⁵, база аналитических центров Школы Кеннеди Гарвардского университета¹⁶, репозиторий отчетов аналитических центров каталога Совета Европы¹⁷, рейтинг финансовой прозрачности аналитических центров *Transparify*¹⁸, многочисленные базы аналитических центров, официальные сайты аналитических центров, а также прочие открытые источники. В качестве первичных источников данных рассматривались официальные сайты аналитических центров, все прочие источники классифицировались как вторичные и использовались только при условии двойной верификации из независимых материалов.

В результате объектами анализа стали 637 аналитических центров в 85 странах мира. В зависимости от **глубины исследований России** аналитические центры были разделены на 5 групп (в порядке убывания).

Основной фокус	Анализ политики / экономики / общества РФ - основное направление деятельности
Направление исследований	Россия - одно из направлений исследований. Существует отдельное подразделение / группа исследователей, которые исследуют вопросы РФ - Center / Department for Russian Studies
Аналитика по событиям	РФ исследуется в контексте громких событий в международной повестке, систематического анализа не ведется
Сравнительные исследования	РФ - один из кейсов в сравнительных обзорах по тематике центра.
Редкие упоминания	РФ иногда упоминается в контексте исследований, но отдельно тематика не рассматривается.

Исследовательская деятельность аналитических центров также дифференцировалась в зависимости от **регулярности публикаций**.

Регулярная	Аналитика и организация тематических мероприятий по РФ ведется регулярно и систематически
Нерегулярная	Отчеты и информация о событиях появляются от случая к случаю

Отдельно была проанализирована **частота публикаций** о России на сайтах аналитических центров.

Часто	Публикации и инфо о событиях по РФ появляются чаще чем раз в год
Периодически	Раз в 1-2 года
Редко	Раз в 3-6 лет

Региональная группировка аналитических центров проводилась по классификации ООН.

Результаты анализа представлены в разделе «Глобальный обзор».

¹⁵ McGann, James G., 2014 Global Go To Think Tank Index Report , Think Tanks & Civil Societies Program, The Lauder Institute, The University of Pennsylvania, THINK TANKS AND CIVIL SOCIETIES PROGRAM, 2014, TTCSP
URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks

¹⁶ Поиск по аналитическим центрам – Школа Кеннеди, Гарвард. URL: http://guides.library.harvard.edu/hks/think_tank_search

¹⁷ Каталог библиотек Совета Европы. URL: http://ec.europa.eu/eclas/F/?func=find-a-o&local_base=TTR

¹⁸ Независимый проект по оценке финансовой прозрачности аналитических центров Transparify. URL: <http://www.transparify.org/>

Экспертные интервью

В ходе анализа открытых источников по всем частям света было установлено, что наиболее динамично современная русистика развивается в США, странах Европы и некоторых странах Азии. В каждом из указанных направлений (стран) региональные эксперты проекта провели собственное исследование, основанное на серии глубинных полуструктурированных интервью.

Всего было проведено 45 интервью со специалистами по русистике, руководителями крупнейших аналитических центров, общественными деятелями, представителями университетов, а также представителями бизнес-сообщества США, Канады, Франции, Чехии, Швейцарии, Италии, Китая, Японии, Республики Корея, Индии и Бразилии. Основной целью интервью была оценка реального влияния аналитических центров на процесс принятия внешнеполитических решений соответствующих государств.

50%	Руководители и эксперты аналитических центров
25%	Представители университетов
15%	Общественные деятели и лидеры мнений
10%	Представители бизнеса

Региональные эксперты проекта, которые интервьюировали респондентов отмечают, что, во-первых, некоторые известные русисты часто крайне неохотно дают согласие на интервью, и, во-вторых, большинство респондентов согласилось высказать свое мнение только на условиях анонимности.

Агрегированные результаты интервью представлены в соответствующих региональных обзорах Доклада.

Экспертиза на аутсорсинг «Think tanks» как формат экспертной поддержки принятия государственных решений

Игорь Истомин, кандидат политических наук,
старший преподаватель МГИМО МИД России

Точная датировка появления аналитических центров, специализирующихся на разработке предложений для осуществления государственной политики, остается предметом научных дискуссий. Американские авторы описывают анекдотичные случаи вклада экспертов в принятие решений в период Гражданской войны в США. Появление же первых специализированных институтов в Соединенных Штатах относят к концу XIX столетия и началу «прогрессивной эры»¹. Между тем на статус старейшего центра прикладного анализа в мире претендует британский *Королевский институт объединенных служб* (англ. Royal United Services Institution). Эта организация была основана еще герцогом Веллингтоном в 1831 году (первоначально под названием Военно-морского и военного музея). Вместе с тем его первоначальная деятельность несколько отличалась от функций, традиционно присущих «мозговым центрам»².

Вне зависимости от обоснованности претензий различных институтов на первенство в данном вопросе, очевидно, что «*think tanks*» как феномен получили широкое распространение гораздо раньше появления самого термина. Уже в первой половине XX века в США и Великобритании сформировались достаточно влиятельные и известные организации, ставившие целью повышение эффективности деятельности государства, в том числе на международной арене. В качестве своей миссии они видели ограничение влияния частных интересов и групп из бизнес кругов на правительственную политику.

Парадокс ситуации в том, что их появление зачастую спонсировалось крупнейшими предпринимателями, которые видели в различных формах

¹ К первым «мозговым трестам» в американской литературе относят такие организации как Гражданская федерация Чикаго (позже переименованная в Национальную гражданскую федерацию), созданная в 1894 г., Бюро индустриальных исследований – 1904 г., Фонд Рассела Сейджа – 1907 г. (См. Abelson D.E. A Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy – Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2006. – P. 52-54).

² O’Connor D.P. Between Peace and War: British Defence and the Royal United Services Institute, 1831-2010. London: RUSI, 2011.

благотворительности и нарождавшейся корпоративной социальной ответственности способ мягкого перераспределения богатства в обществе для предотвращения революционных выступлений³. «Призрак революции» в начале XX века бродил не только по Европе, но и (в куда меньших масштабах, конечно) по США.

Первые аналитические центры нередко обвиняли в попытках установления экспертократии и подрыве демократических устоев западных обществ.

Многие из созданных в тот период организаций сохранили и укрепили свой авторитет в последующие годы. Они и сегодня удерживают статус наиболее значимых экспертных институтов мира. В их числе *Фонд Карнеги за международный мир* (англ. Carnegie Endowment for International Peace), созданный в 1910 году, *Институт Брукингса* (англ. Brookings Institution, 1916 год), *Королевский институт международных отношений в Лондоне — Чаттем Хаус* (англ. The Royal Institute of International Affairs — Chatham House, 1920 год), *Совет по международным делам в Нью Йорке* (англ. Council on Foreign Relations, 1921 год)⁴.

В большинстве случаев такие организации изначально финансировались за счет частных, а не правительственных средств. Отношение государства и широкой общественности к ним оставалось весьма настороженным. Первые аналитические центры нередко обвиняли в попытках установления экспертократии и подрыве демократических устоев западных обществ⁵. Роль крупного бизнеса в их создании явно не способствовала устранению таких опасений.

Само же выражение «*think tank*» закрепилось лишь в середине XX века и первоначально относилось к организациям, возникшим из опыта взаимодействия американских гражданских исследователей с военными в годы Второй мировой войны. После ее окончания экспертные группы, мобилизованные правительством, были преобразованы в независимые институты (такие как *Корпорация РЭНД* (англ. RAND Corporation) и *Центр военно-морского анализа*), которые тем не менее продолжали получать государственное финансирование на проведение исследований в сфере национальной безопасности⁶.

Потребность в глобальной экспертизе

Повышение роли США в глобальной политике придало Вашингтону статус крупнейшего потребителя разнородной аналитической продукции. Относительная открытость американской политической системы и заинтересованность различных ее участников в постоянной подпитке эмпирической аргументацией также способствовали закреплению за Соединенными Штатами лидерства в развитии системы экспертных институтов. Со временем прижившийся термин

³ Поршакова А.А. Развитие концепции политического руководства американским обществом в годы «прогрессивной эры» // Исторический образ Америки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию программы Фонда Фулбрайта. МГУ им. Ломоносова, Москва, 31 января - 3 февраля 1994 г. / отв. ред. Е.Ф. Язьков, А.С. Манькин. – М.: Ладомир, 1994. – С. 262-267

⁴ Их позиции в рейтинге ведущих аналитических центров мира см. McGann J. 2014 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania. 01.03.2015. URL: http://repository.upenn.edu/think_tanks/8 P. 68.

⁵ Raucher A. The First Foreign Affairs Think Tanks // American Quarterly. – 1978. - №4.

⁶ Диксон П. Фабрики мысли. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 77-134.

«*think tanks*» стал применяться в отношении всего быстро разрастающегося сообщества многообразных институтов прикладного анализа.

Война во Вьетнаме и экономические сложности начала 1970-х годов привели к дискредитации в американском обществе основных государственных институтов и, прежде всего, военных. Они негативно отразились в том числе на уровне бюджетной поддержки аналитических разработок в интересах правительства⁷. Золотая эпоха финансируемых федеральным правительством институтов завершилась.

Параллельно в США наметилась новая волна экспертных центров, которые характеризовались гораздо большей вовлеченностью в политические дискуссии и нередко более явной идеологической позицией по сравнению с институтами, возникшими в предшествующий период. Такие организации как консервативный *Фонд наследия* (англ. Heritage Foundation) или появившийся уже в 2000-х годах либеральный *Центр за американский интерес* (англ. The Center for American Interests) выступали не просто за повышение эффективности государственной политики, но и отстаивали вполне очевидную повестку дня⁸.

Дело в том, что снижение роли государства сопровождалось повышением готовности частных кругов использовать аналитические центры в качестве институтов достижения собственных интересов. Подобное отношение, конечно, не означало превращение аналитиков в послушных исполнителей заказных работ с заранее известным результатом. Речь, скорее, идет о партнерстве (хотя и не всегда равноправном), в котором доноры не вмешиваются в непосредственное управление аналитическими организациями и заинтересованы в поддержании их репутации как независимых центров экспертного знания⁹.

Вместе с тем широкую известность получил случай едва не приведший к исчезновению *Американского института предпринимательства* (англ. American Enterprise Institute) – одного из наиболее авторитетных экономических аналитических центров послевоенных десятилетий. В 1980-х годах чересчур академичный стиль работы организации вызвал недовольство спонсирующего его бизнеса. В результате организация оказалась на грани закрытия. Спасти ее удалось лишь полной сменой руководства и изменением принципов работы.

Большинство институтов внимательно относится к предпочтениям нынешних и потенциальных спонсоров и стремится отбирать специалистов, чьи взгляды согласуются с их базовыми установками.

Усвоив этот опыт, большинство институтов внимательно относится к предпочтениям нынешних и потенциальных спонсоров и стремится отбирать специалистов, чьи взгляды согласуются с их базовыми установками.

⁷ Кобринская И.Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. – М.: Международные отношения, 1986. – С. 28; Макарычев А.С. Идеи для политики: эволюция системы внешнеполитической экспертизы в США (середина 1940-х – начало 1960-х гг.). – Н.Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1998. – С. 29-35; Ricci D.M. The Transformation of American Politics. The New Washington and the Rise of ThinkTanks. New Haven, London: Yale University Press, 1993.

⁸ Истомин И.А. Институциональная эволюция внешнеполитической мысли в США // Международные процессы. 2010. – №3.

⁹ Истомин И.А. Механизм научно-аналитического обеспечения внешнеполитического процесса в США // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – №6. С. 7.

Ориентация на политическую конъюнктуру также выражается в подборе тематических приоритетов аналитических центров. В частности, в вопросах внешней политики прикладная аналитика достаточно точно отражает региональные приоритеты американской стратегии. В 2000-х годах широкое распространение получили исследования Ближнего Востока и международного терроризма. В последнее десятилетие на фоне роста опасений, вызванных подъемом Китая, наблюдается приток интереса к Азиатско-тихоокеанскому региону, вопросам заключения и реализации преференциальных торговых соглашений и региональным конфликтам в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Напротив, интерес к России после окончания холодной войны существенно снизился и лишь в последнее время (на фоне ухудшения двусторонних отношений) наблюдается некоторая реанимация исследований в этой сфере¹⁰.

Наряду с упомянутыми особенностями организации современной прикладной аналитики в США, борьба за средства частных спонсоров побуждает аналитические центры уделять больше внимания распространению и популяризации своих исследований. Сегодня в ряде крупных организаций расходы на эту деятельность превышают затраты непосредственно на исследования¹¹.

Наблюдаемые тенденции усложнения практик деятельности «мозговых центров» позволили американскому социологу Томасу Медветцу охарактеризовать современные «*think tanks*» как гибридные организации¹². Они находятся на пересечении политической, научной, деловой и журналистской сфер деятельности и таким образом инкорпорируют различные функции. По сути, они формируют разношерстную группу объединений, которые в разной степени вовлечены в осуществление прикладных разработок, формулирование идеологических конструктов, политическое комментирование, неформальный лоббизм, проведение более глубоких научных исследований.

Think tanks находятся на пересечении политической, научной, деловой и журналистской сфер деятельности и, таким образом, инкорпорируют различные функции.

Приток частного финансирования и расширение функционального значения «мозговых центров» стимулировал стремительный рост их количества в США. По оценкам исследования, организованного Пенсильванским университетом, в 2014 году в Соединенных Штатах насчитывалось 1830 подобных организаций¹³. Большинство из этих институтов возникло в период с начала 1970-х по начало 2000-х годов¹⁴. В последнее время наблюдается насыщение американского рынка «мозговых центров» — период взрывного роста закончился, наблюдается даже их некоторая консолидация.

¹⁰ Истомин И.А. Как американские эксперты по России влияют на политику США. 01.12.2015. URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/kak-amerikanskiye-eksperty-po-rossii/>

¹¹ Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза в США // Сравнительная политика. – 2015. -№1; Wiarda H.J., Skelley E.M. The crisis of American foreign policy: the effects of a divided America. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. – P. 95-99.

¹² Medvetz T. Think tanks as an emergent field // New York: Social Science Research Council. – 2008.

¹³ McGann J. 2014 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania. 01.03.2015. URL: http://repository.upenn.edu/think_tanks/8 P. 57.

¹⁴ Rich A. Think Tanks, Public Policy and the Politics of Expertise – New York: Cambridge University Press, 2004. P. 15.

Политизация и выход за океан: транснационализация аналитических центров

На фоне относительной стабилизации количественного состава аналитических центров происходит их дальнейшая эволюция в сторону расширения профильной специализации. В 2000-х годах ряд крупных аналитических центров (прежде всего, *Центр за американский прогресс* и *Фонд наследия*) пошли по пути создания аффилированных фондов, выведенных из-под действия традиционных ограничений, которым обязаны подчиняться аналитические центры. Большинство «think tanks» зарегистрированы в США как некоммерческие организации, что не позволяет им непосредственно участвовать в политической борьбе, заявлять о поддержке каких-либо законопроектов или кандидатов. К новым активистским филиалам эти требования не относятся – таким образом, их создание становится еще одним шагом на пути политизации экспертизы¹⁵.

Большинство «think tanks» зарегистрированы в США как некоммерческие организации, что не позволяет им непосредственно участвовать в политической борьбе.

По сути, часть аналитических центров сегодня превратилась в институты той самой идеологизированной политики, для противодействия которой формировались первые институты прикладного анализа. Естественно, широкое вовлечение экспертных и околоэкспертных кругов в политическую борьбу негативно сказывается на репутации и общественном авторитете всех практико-ориентированных исследований¹⁶.

Другой тенденцией, характеризующей те крупные аналитические центры, которые не стремятся к превращению в активных игроков американской политики, стала транснационализация их деятельности. Она предполагает выход за национальные пределы и попытки формирования международной сети филиалов в ключевых регионах мира. Первым по этому пути пошел еще в 1990-х годах *Фонд Карнеги за международный мир*, но сегодня отделения за рубежом располагают и многие другие институты, включая *Институт Брукингса* и *Корпорацию РЭНД* (по схожему пути пошел и британский *Международный институт исследования безопасности* (англ. The International Institute for Strategic Studies)).

Подобная тенденция порождает свои противоречия. В ряде случаев аналитические институты со штаб-квартирой в США начинают рассматриваться как инструменты проецирования американской интеллектуальной гегемонии¹⁷. Руководство тех стран, в которых размещаются их филиалы, порой относятся к ним с большим недоверием даже несмотря на то, что значительную часть штата составляют местные эксперты. В то же время аналогичное подозрительное отношение к ним формируется и в самих США.

¹⁵ Smith B. How to fight liberals: Imitate them. Politico. 05.01.2012. URL: <http://www.politico.com/story/2012/01/how-to-fight-liberals-imitate-them-071099>

¹⁶ Рич Э., Уивер К. Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro et Contra. – 2003. - №2. С. 84-85.

¹⁷ Войтоловский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. – 2006. – №2.

Прикладная аналитика, ориентированная на конкретного заказчика из числа лиц, принимающих решения, всегда предполагает толерантность по отношению к его мировоззрению и идиосинкразиям. В условиях транснационализации центры вынуждены соответствовать повестке дня нескольких государств одновременно. Не меньшие противоречия, чем иностранные филиалы «мозговых центров», вызывает готовность иностранных правительств финансировать прикладную экспертизу в США. Зарубежные игроки, как группы интересов в самих Соединенных Штатах, научились использовать эту деятельность в качестве инструмента лоббирования собственных целей¹⁸.

Прикладная аналитика, ориентированная на конкретного заказчика из числа лиц принимающих решения, всегда предполагает толерантность по отношению к его мировоззрению и идиосинкразиям.

Попытки американских институтов расширить масштаб операций за пределами США связаны не только с тем, что им становится тесно на рынке экспертизы в Соединенных Штатах, но и с одновременным ростом запроса на подобные услуги за рубежом¹⁹. Так, за последние два десятилетия существенно возросло число центров, обслуживающих растущие потребности Европейского Союза в прикладной аналитике²⁰.

В Брюсселе сформировался мощный кластер экспертных институтов, включающий такие организации, как *Брейгель* (англ. BRUEGEL, от Brussels European and Global Economic Laboratory), *Центр европейских политических исследований* (англ. Centre for European Policy Studies), *Международная кризисная группа* (англ. International Crisis Group), *Европейский центр международной политической экономики* (англ. European Centre For International Political Economy). В то же время ряд центров, ориентированных на консультирование интеграционных институтов, рассредоточен в других европейских столицах: в качестве примера стоит привести *Европейский совет по международным делам* (англ. European Council on Foreign Relations) с основным офисом в Лондоне и *Институт исследований безопасности ЕС* (англ. European Union Institute for Security Studies), расположенный в Париже.

За последние два десятилетия существенно возросло число центров, обслуживающих растущие потребности Европейского Союза в прикладной аналитике.

Вместе с тем, по-настоящему фундаментальные изменения наблюдаются в «восходящих» странах. Лидером в этом отношении становится Китай, который за последнее десятилетие сформировал масштабную сеть исследовательских институтов²¹ и по количеству «мозговых центров» вышел на второе место в мире (429 организаций по оценкам Пенсильванского университета). В список

¹⁸ Lipton E., Williams B., Confessore N. Foreign Powers Buy Influence at Think Tanks // The New York Times. September 6, 2014.

¹⁹ О национальных традициях экспертных организаций см. Think tank traditions. Policy research and the politics of ideas / ed. by D. Stone, A. Denham. – Manchester, New York: Manchester University Press, 2004.

²⁰ McGann J. Think Tanks: the Global, Regional and National Dimensions // Think Tanks in Policy Making – Do They Matter. Briefing Paper Shanghai, Special Issue. Friedrich Ebert Stiftung. September 2011. P. 9; Missiroli, A., Ioannides I. European Think Tanks and the EU Berlaymont Paper no. 2. Brussels: Bureau of European Policy Advisers (BEPA), European Commission, September 2012. URL: <http://ssrn.com/abstract=2144865> P. 10-13.

²¹ Yang Ye. Feasible Paths of Development for Think Tanks in China // Think Tanks in Policy Making – Do They Matter. Briefing Paper Shanghai, Special Issue. Friedrich Ebert Stiftung. September 2011. P. 25-33.

первых пятнадцати стран по этому показателю входят также другие государства БРИКС и Аргентина²². В результате аналитические центры, которые традиционно рассматривались в качестве преимущественно англосаксонского феномена, все больше становятся глобальным явлением.

Аналитические центры в принятии государственных решений

В развивающихся странах и даже в Европе за модель в этом отношении зачастую берется американский пример. В то же время успех «мозговых центров» в оказании влияния на государственную политику в Соединенных Штатах в значительной степени обусловлен не их собственными характеристиками, а той средой, в которой они функционируют.

В частности, характерной чертой политической системы США остается следование «*принципу вращающихся дверей*»²³. В соответствии с ним практически на всех уровнях в правительственных ведомствах существует практика заполнения должностей внешними специалистами, а не карьерными бюрократами. Аналогичным образом многие государственные служащие периодически оставляют службу для работы в бизнесе или в тех же аналитических центрах.

Существуют серьезные опасения относительно прикладной ценности разработок «чистых» экспертов, а также их способности пробиваться со своими идеями к лицам, принимающим решения.

В результате эксперты, имеющие опыт практической работы, гораздо лучше понимают принципы функционирования правительственного аппарата, что помогает им в подготовке своевременных и применимых рекомендаций. Кроме того, они располагают обширными сетями контактов, которые дают им возможность доносить идеи до ответственных ведомств. Подобная мобильность отсутствует в большинстве других стран мира.

В этой связи существуют серьезные опасения относительно прикладной ценности разработок «чистых» экспертов, а также их способности пробиваться со своими идеями к лицам, принимающим решения. Если недостатками американской аналитики зачастую оказываются ее политизированность, конъюнктурный характер и недостаточная научная фундированность выводов, в других странах могут возникать проблемы прямо противоположные – чрезмерная абстрактность, несвоевременность или слабая применимость аналитических материалов. Нельзя также исключать периодических попыток использования институтов, претендующих на экспертный статус, в чисто пропагандистских целях.

Вместе с тем сегодня деятельность автономных институтов прикладного анализа, которые способны обеспечить правительство внешней экспертизой и не связаны ведомственными интересами, представляется необходимым элементом повышения эффективности государственных решений. В этой связи несмотря на то, что функционирование реальных «мозговых центров» нередко

²² McGann J. 2014 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania. 01.03.2015. URL: http://repository.upenn.edu/think_tanks/8 P. 57.

²³ Внешняя политика США. Электронный журнал Госдепартамента США. 2002. Том 7. №3. С. 46–48.

существенно отклоняется от идеальной модели беспристрастной экспертной структуры, они все больше превращаются в неотъемлемый элемент политической системы влиятельных международных игроков.

Дипломатия вторых треков

Исследования России как фактор мягкой силы

Алексей Долинский, кандидат политических наук,
докторант МГИМО МИД России

Термин *soft power* в политической науке появился в начале 1990-х, закрепляя в сущности давно понимаемую взаимосвязь между внешним восприятием политического актора и его способностью оказывать влияние. Гарвардский исследователь Джозеф Най предложил понимать под этим **термином способность добиваться от других желаемого поведения с помощью авторитета и привлекательности, а не подкупа или силы**.⁴³ Популярность концепции среди профессионалов подчеркивает, например, тот факт, что опросы преподавателей школ международных отношений называют Наю в числе Топ-5 наиболее значимых ученых последних 20 лет.⁴⁴ Довольно быстро термин получил распространение не только в среде политологов, но и среди профессионалов-практиков. Упоминания *soft power* появились во внешнеполитических документах США и КНР.

Мягкая сила - способность добиваться от других желаемого поведения с помощью авторитета и привлекательности, а не подкупа или силы.

В российских документах со временем также появилось упоминание «мягкой силы»⁴⁵, однако исторический контекст (период нестабильности в странах Ближнего Востока, часто называемый «арабской весной») привел к несколько нестандартной трактовке термина: «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии».⁴⁶ Такая формулировка, в частности, подразумевала (а в менее официальных текстах прямо указывала),

⁴³ Joseph S. Nye, Jr. *Soft Power*. *Foreign Policy*, No. 80, Twentieth Anniversary (Autumn, 1990), P. 166.

⁴⁴ https://trip.wm.edu/reports/2014/trp_2014/

⁴⁵ Термин «мягкая власть» (*soft power*) на русский язык он в разное время переводился как «мягкая мощь», «гибкая сила». Сейчас наиболее распространен перевод «мягкая сила», однако, по результатам личных консультаций с автором термина, представляется, что термин «власть», как способность добиваться от других желаемых действий, ближе к значению оригинала, чем «сила». Тем не менее в тексте используется термин мягкая сила как более распространенный.

⁴⁶ http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/o/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

что именно эти нестандартные инструменты были использованы зарубежными странами для смены режимов в ближневосточных государствах.

Российские компании также могли бы более активно содействовать деятельности международных think tankов, в частности финансируя связанные с Россией исследования.

Критика концепции мягкой силы исторически опиралась на несколько основных тезисов. Во-первых, мягкую силу трудно измерить, и в результате трудно оценить масштаб влияния, именно этого фактора на каждую конкретную международную ситуацию. Автор концепции Джо Най в ответ приводит пример Франции и Англии, имевших в 1939 году больше танков, чем нацистская Германия, но не сумевших ей противостоять, иллюстрируя таким образом иллюзорность измеримости источников политического влияния.⁴⁷ Во-вторых, трудно оценивать, что влияет на популярность и авторитет каждой страны. Например, все исследователи сходятся на том, что культура (высокая, популярная, бытовая) является фактором мягкой силы, однако, вместе с тем, очевидным представляется, что великая немецкая культура не могла компенсировать преступления Третьего Рейха с точки зрения его внешнего восприятия.

Состояние российской мягкой силы откровенно оставляет желать лучшего. Можно сомневаться в каждой конкретной отдельной оценке, но общий принцип однозначно свидетельствует, что собственная оценка россиянами роли их страны в мировой политике, экономике, культуре, науке и т.д. и внешняя оценка радикально различаются.

Между российскими исследователями продолжается дискуссия, является ли текущее состояние дел результатом объективных проблем в государственном управлении, экономике, внешней политике, или это результат информационной войны, ведущейся против России зарубежными странами.

Рейтинг национальных брендов Саймона Анхольта дает России 22-е место в 2015 г.⁴⁸ GlobeScan ставит Россию на 13-место из 17 стран, упоминаемых в опросе о позитивности их роли в мире (хуже только Израиль, Пакистан, Северная Корея и Иран).⁴⁹ Pew Research Center фиксирует преимущественно негативное отношение к России практически во всех 39 странах, где проводит опросы на всех континентах.⁵⁰

Между российскими исследователями продолжается дискуссия, является ли текущее состояние дел результатом объективных проблем в государственном управлении, экономике, внешней политике, или это результат информационной войны, ведущейся против России зарубежными странами.⁵¹ Однако независимо от ответа на этот вопрос, очевидно, что зарубежные общества

⁴⁷ Joseph S. Nye, Jr. Public Diplomacy and Soft Power, *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science* 2008; 616; 94. P. 95

⁴⁸ URL: <http://www.gfk.com/insights/press-release/usa-regains-position-as-top-nation-brand-from-germany-1/>

⁴⁹ URL: <http://www.bbc.com/news/27685494>

⁵⁰ URL: <http://www.pewglobal.org/2015/08/05/russia-putin-held-in-low-regard-around-the-world/>

⁵¹ URL: http://ecsocman.hse.ru/hsedata/2014/06/17/1310003821/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2013_2-final-11.pdf

относятся к России и россиянам не так, как россиянам бы хотелось и как было бы целесообразно с точки зрения достижения внешнеполитических целей.

Трудность оценки источников мягкой силы снижает эффективность концепции с точки зрения ее операционализации во внешнеполитической деятельности. В международных отношениях деятельность, направленную на развитие взаимодействия с зарубежными обществами, называют публичной дипломатией. «Публичная» в данном случае используется не как антоним тайной, а как направленная на широкую публику. В широком смысле публичная дипломатия направлена главным образом на развитие мягкой силы. Инструментами публичной дипломатии традиционно считается информационная работа посольств и всевозможных культурных представительств, зарубежное вещание, образовательные обмены, поддержка изучения языка и культуры. Однако как оценивать, какой именно компонент публичной дипломатии и в каких ситуациях оказывает наибольший эффект на восприятие страны и лучше всего способствует достижению внешнеполитических целей? Информационное Агентство⁵² и Государственный Департамент США несколько десятилетий изучают эффективность предпринимаемых ими мер, в том числе с помощью фокус-групп и других мер анализа обратной связи, однако, несмотря на большую исследовательскую работу, исчерпывающих результатов в оценке эффективности публичной дипломатии добиться по-прежнему не удалось. Отчасти это связано и с долгосрочностью этих мер: обменные программы дают эффект через десятилетия, когда участники обменов приходят к лидирующим ролям в своих государствах, и это создает пространство для конструктивного диалога. Однако одно из наиболее важных наблюдений, которое делают практики, - это констатация объективной трудности изменения уже сформированного о стране мнения даже у участника обмена, проводящего в стране несколько месяцев и более. Профессор публичной дипломатии Fletcher School Уильям Ру, признавая этот факт, сформулировал одну из важных максим публичной дипломатии: гарантированно добиться хорошего отношения участника программ публичной дипломатии к стране невозможно, однако возможно гарантированно добиться лучшего понимания страны.

Гарантированно добиться хорошего отношения участника программ публичной дипломатии к стране невозможно, однако возможно гарантированно добиться лучшего понимания страны.

В этом контексте исследования России могли бы стать важным фактором, определяющим отношение к стране и, как следствие, влияющим на ее роль в международных отношениях. Есть несколько основных механизмов мягкой силы, которые транслируют развитую систему изучения страны в ее мягкую силу. Во-первых, лучшее понимание страны – это основа для потенциального сотрудничества. Даже при не самом положительном отношении, хорошее знание страны позволяет находить форматы сотрудничества, поскольку делает взаимодействие прозрачным и предсказуемым. Напротив, **недостаток понимания создает препятствия, порождает неэффективные опасе-**

⁵² После серии сокращений по итогам Холодной войны было окончательно расформировано в 1999 г. Несколько тысяч сотрудников были переведены работу в Государственный Департамент.

ния, приводит к субоптимальным решениям. В идеальном формате независимые интеллектуальные центры консультируют свои правительства, а университетские также способствуют обучению новых поколений специалистов-практиков. Кроме того, и университеты, и исследовательские центры все чаще создают краткие программы уровня *executive education*, направленные на руководителей высокого уровня из государства и бизнеса, что также является каналом распространения информации о стране, только более эффективным, чем традиционная публичная дипломатия, потому что вызывает большее доверие.

Даже когда исследовательские центры не работают с правительством напрямую, они создают общий интеллектуальный контекст, критическую массу страновых знаний и компетенций.

Даже когда исследовательские центры не работают с правительством напрямую, они создают общий интеллектуальный контекст, критическую массу страновых знаний и компетенций. Это происходит через участие в совместных с практиками конференциях, публикацию академических и научно-популярных работ, общение с журналистами. Другими словами, когда ценное прикладное знание о стране существует, оно неминуемо просачивается. А вот когда его нет, быстро накопить его не получается. Исследовательская среда также может становиться потенциальным источником кадров для среды лиц, принимающих решения. Это касается в первую очередь молодых сотрудников, которые на раннем этапе своей карьеры часто проходят длительные стажировки или работают по несколько лет перед началом карьеры в бизнесе или государстве.

Когда существует относительно организованное сообщество исследователей России, регулярно профессионально общающихся с коллегами из изучаемой страны, они де-факто выступают каналом для двусторонней коммуникации, дипломатии вторых треков.

Когда существует относительно организованное сообщество исследователей России, регулярно профессионально общающихся с коллегами из изучаемой страны, они де-факто выступают каналом для двусторонней коммуникации, дипломатии вторых треков. Это позволяет вырабатывать эффективные международные решения, не привлекая на ранних этапах к участию официальных лиц и снижая таким образом общественное давление и риски для лиц, принимающих решения. Наконец, в тех случаях, когда публичная дипломатия не может эффективно выполнять функцию предоставления обратной связи на уровень лидеров, исследования и оценки зарубежных экспертов, в том числе публичные, могут быть наиболее заслуживающим доверия источником информации.

Если воспринимать мягкую силу предельно прагматично, то целесообразно говорить не о сложных категориях глобального лидерства, а о принятии прикладных решений в очень конкретных ситуациях: выбор партнеров в образовательных проектах, принятие решений об инвестициях, транспортных маршрутах, долгосрочных контрактах и т.д. Измерить составляющую мягкой

силы в каждом таком отдельном эпизоде невозможно, но именно из них состоит международное взаимодействие.

В различных форматах гранты для изучающих страну есть практически в каждом государстве с развитой публичной дипломатией: США, ФРГ, Великобритания и многие другие. Часто в них заложен какой-то региональный аспект.

В этом контексте многие страны сознательно пошли по пути поддержки зарубежных исследовательских программ. В различных форматах гранты для изучающих страну есть практически в каждом государстве с развитой публичной дипломатией: США, ФРГ, Великобритания и многие другие. Часто в них заложен какой-то региональный аспект. У Германского исторического института в Москве есть, например, даже премия за лучшие дипломы и кандидатские диссертации об истории российско-германских отношений.⁵³ Значительное количество государственных и негосударственных структур поддерживают исследователей, заинтересованных в изучении Японии. Среди них есть как те, которые специализируются на определенном регионе (например, фонд Сумитомо, предоставляющий гранты исследователям из Азии, или Центр глобального партнерства, поддерживающий проекты исследователей США) или универсальная стипендиальная программа для исследователей Японии за рубежом.⁵⁴

У исследователей России за рубежом на сегодняшний день арсенал исследовательских возможностей серьезно ограничен. Объективное снижение интереса к России в зарубежных странах привело как к общему снижению престижности и востребованности, так и сокращению объемов финансирования и на университетском, и на государственном уровне. Сама же Россия пока находится на начальном этапе создания системы поддержки изучения России за рубежом.

Есть всего несколько значимых институциональных источников поддержки исследований России. В 2007 г. был создан фонд «Русский мир», направленный на популяризацию русского языка и культуры за рубежом, а также поддерживающий научные проекты, связанные с изучением России.⁵⁵ Существующий с 2004 г. международный дискуссионный клуб «Валдай», объединяющий наиболее известных зарубежных исследователей России в рамках программ регулярных встреч, также запустил грантовую программу, которая, однако, не стала ни массовой, ни долгосрочной. Отдельного внимания заслуживают проекты Российского совета по международным делам, которые способствуют привлечению международных экспертов к исследовательским проектам, связанным с Россией. Кроме того, некоторые академические проекты получают поддержку фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Однако суммарный объем бюджетов всех этих структур не превышает нескольких десятков миллионов долларов, а непосредственно на

⁵³ <http://www.dhi-moskau.org/ru/stipendii-granty/premii.html>

⁵⁴ <https://www.jpfr.go.jp/e/program/intel.html>

⁵⁵ <http://russkiymir.ru/fund/>

зарубежные академические проекты могут быть выделены лишь несколько процентов из этой суммы.

Российские компании также могли бы более активно содействовать деятельности международных think tankов, в частности финансируя связанные с Россией исследования. Помимо непосредственных результатов для содействия изучению страны, это бы способствовало развитию дипломатии вто-рых треков и большему присутствию российского бизнеса в критической важной внешнеполитической среде. Например, один из старейших и наиболее влиятельных think tankов Council on Foreign Relations имеет корпоративное членство, в котором состоит множество международных компаний из самых разных стран, и российских в их числе в настоящий момент нет, хотя раньше были.⁵⁶ В современной России международная деятельность монополизирована государством, и это, конечно, снижает ее эффективность. В многоакторной международной среде XXI века вовлечение негосударственных акторов во внешнеполитическую деятельность является обязательным условием успеха.

Серьезной проблемой является нехватка информации о России в мировом бизнес-образовании. Согласно оценкам специализированного портала coursalytics.com, количество специализирующихся на России или являющихся выходцами из России преподавателей в ведущих мировых бизнес-школах катастрофически мало: речь идет о нескольких десятках в сообществе из нескольких тысяч человек. В результате, разумеется, представления выпускников о России носят ограниченный и искаженный характер.

Сознательная поддержка изучения России никогда не была частью публичной дипломатии нашей страны. Советский Союз не испытывал в этом необходимости, а в современной России пока еще не была выработана подобная политико-управленческая традиция. Вместе с тем, представляется совершенно очевидным, что такое решение является востребованным и необходимым, и его практическая реализация – это лишь вопрос политической воли.

⁵⁶ <http://www.cfr.org/about/corporate/roster.html>

Глобальный обзор Русистика на карте мира

Исследовательская группа Rethinking Russia

Наибольшее количество аналитических центров, которые в той или иной степени исследуют Россию, действует в США, Китае и странах Западной Европы. Частично это обусловлено тем, что именно указанные государства лидируют по уровню развитости исследовательской инфраструктуры.

РУСИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

Количество центров, исследовавших Россию в 2010-2015 гг.

Большая часть исследованных аналитических центров преимущественно занимается аналитикой по событиям, как правило, в международной повестке. Всего в 30 центрах из 637 публикуется информация о самостоятельных исследовательских проектах, тематика которых не обусловлена текущей внешнеполитической конъюнктурой. Как правило, такие центры создаются на базе университетских подразделений по «*Russian Studies*» или действуют в формате двусторонних исследовательских проектов. Причем, значительная часть подобных центров была основана еще в послевоенный период.

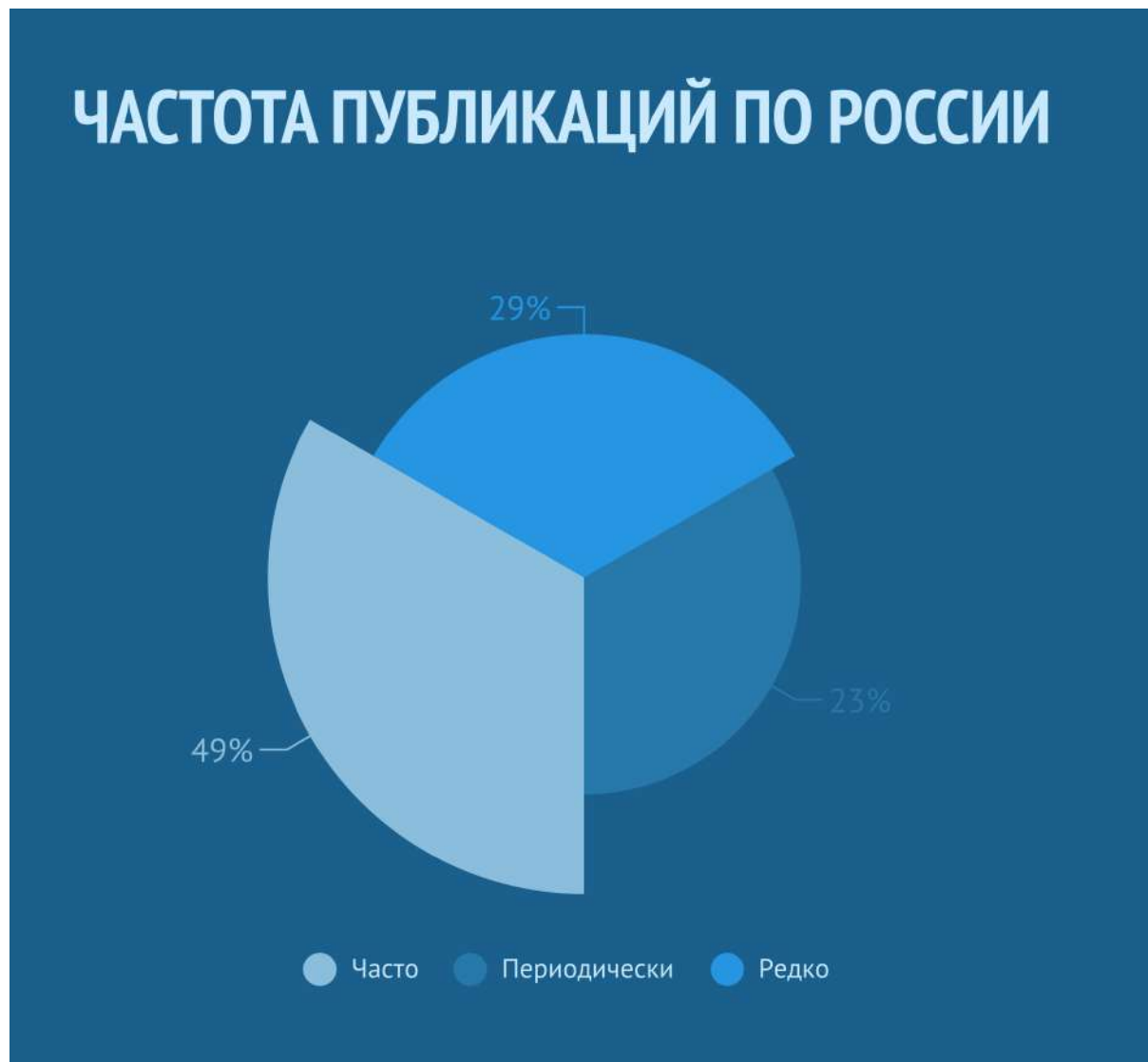
В качестве одного из направлений региональных исследовательских программ русистика представлена в 119 аналитических центрах, среди которых преимущественно представлены крупные институты прикладного внешнеполитического и экономического анализа.

Центры, публикующие аналитику по событиям, которые могут не обладать достаточными исследовательскими ресурсами (или не приоритизировать русистику как отдельное направление исследований), тем не менее создают определенный информационный фон, который посредством СМИ потенциально может оказывать влияние на восприятие образа России широкой публикой и представителями малого и среднего бизнеса (крупный бизнес, как правило, опирается на собственные исследования). В то же время 76% аналитических центров ведет исследования России нерегулярно. Споради-

ческий характер исследовательского интереса к России выражается в том, что накопление качественной экспертизы по данному направлению происходит крайне медленно.

Частота публикаций о России довольно высока. Почти половина (49%) исследованных центров часто (несколько раз в год) публикуют информацию о ситуации в России. Если учесть, что согласно последнему исследованию Джеймса Макганна, в мире существует 6618 аналитических центров, это составляет приблизительно 5% от всего массива аналитических центров мира.

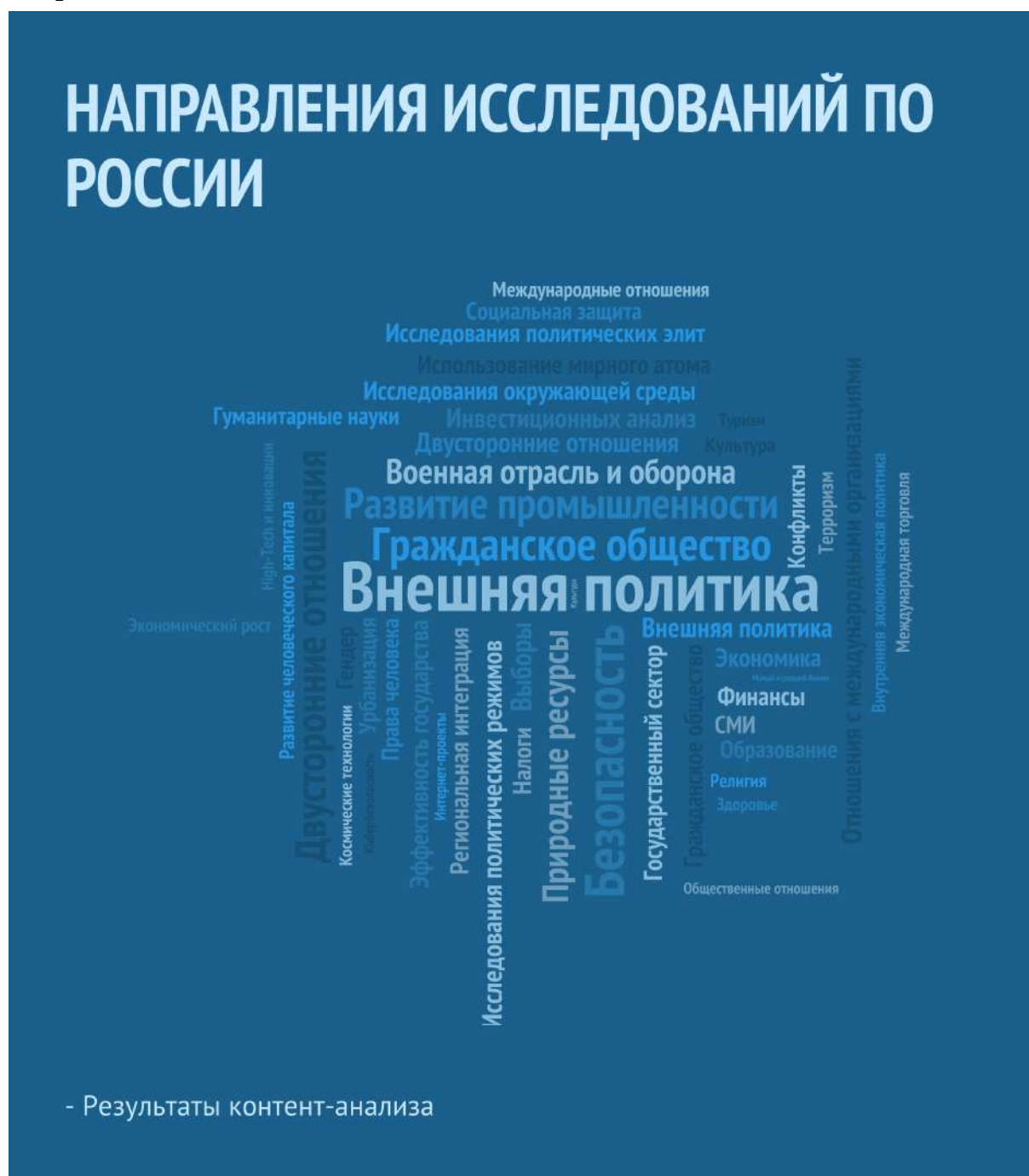

В странах БРИКС, СНГ ситуация с русистикой неоднозначна. Так, в ходе исследования выяснилось, что за исключением нескольких крупных центров прикладного внешнеполитического анализа исследовательские институты стран Латинской Америки проявляют крайне слабый интерес к русистике. В проанализированной выборке всего 5 аналитических центров публикуют информацию о релевантных проектах в Бразилии, и 8 - в Аргентине. Причем большая часть центров публикует информацию по России нерегулярно (12 из 13), а сама аналитика касается вопросов сотрудничества довольно поверхностно (в 8 из 13 центров - редкие упоминания России). Результаты анализа подтверждаются, в частности, свидетельствами бразильских экспертов, которые в интервью отмечают, что найти информацию о России довольно проблематич-

но, а само направление не слишком популярно в академической и исследовательской средах. Основные тематики, по которым ведутся исследования в Латинской Америке, - сотрудничество в рамках БРИКС и внешнеторговая политика России.

Аналогично положение русистики в странах СНГ, где практика создания отдельных исследовательских структур по вопросам сотрудничества с Россией не слишком распространена. Однако в этом случае ситуация, скорее, объясняется тем, что в исследовательском сообществе нет недостатка в русскоговорящих экспертах, которые обладают многолетними связями в российском исследовательском сообществе и получают информацию напрямую из российских источников.

Тематически исследования исследования касаются нескольких основных направлений.

В последние годы особенно активизировались исследования по внешнеполитической стратегии России, а также особенностям политического режима. Отдельное внимание уделяется исследованиям российских политических элит, причем зачастую результаты их носят скорее публицистический характер.

Несмотря на существующий интерес исследовательского сообщества к тому, что происходит в России, необходимо признать, что анализ носит несистематический характер, а большая часть публикаций связана с последними изменениями во внешнеполитической стратегии России: превалируют оценочные характеристики и оперативные комментарии. Причины сложившейся ситуации различаются в зависимости от типа аналитического центра и условий его функционирования, однако основными проблемами, с которыми сталкиваются исследователи становятся отсутствие финансирования и недостаток молодых исследователей на программах по «*Russian Studies*» (подробнее — в соответствующих разделах Доклада). Последнее заметно и по тому, что в качестве экспертов зарубежных аналитических центров часто выступают несколько широко известных авторитетных русистов или непосредственно российские эксперты-международники.

Региональный обзор: США

Александр Лившин, доктор исторических наук,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

У экспертов нет однозначного мнения относительно экспертно-аналитического и научно-исследовательского уровня развития нынешнего сообщества «пост-советологов». Ясно одно – чередующиеся периоды кризисов и «перезагрузок» в отношениях России и Запада рождают приливы и отливы спроса на качественную экспертизу в области «*Russian Studies*». Сама по себе эта ситуация не является слишком здоровой, поскольку столь высокая зависимость от текущей конъюнктуры заслоняет стратегические задачи изучения одной из крупнейших стран мира, имеющей, к тому же, второй по значению в мире военно-стратегический потенциал. Кроме того, интерес к России повышается за счет негативно-конфронтационного восприятия нашей страны; в этом же, по-видимому, заключаются и перспективы наращивания финансирования «*Russian Studies*». Кроме того, подъем запроса на деятельность экспертов по России уже не в первый раз происходит в условиях преобладания создаваемого СМИ негативного информационного фона, влияющего на психологический климат и политические эмоции в западном мире и, в первую очередь, в США.

Аналитические центры США: определение и роль в обществе

«*Think Tanks*» — как их определяют ведущие американские специалисты, — неправительственные, некоммерческие исследовательские организации, обладающие значительной организационной автономией по отношению к государству и центрам общественных интересов, таким как фирмы, группы интересов, политические партии¹.

Аналитические центры не только зависимы от внешних стейкхолдеров, включая государство, но и стремятся к максимальной вовлеченности в процесс принятия решений, т.е. к определенной аффилированности с государством.

¹ James G. McGann, R. Kent Weaver. *Think Tanks and Civil Societies: Catalysts for Ideas and Action*. 2000

В данном определении сомнения вызывают, однако, основные критерии: (1) некоммерческая (организация может быть таковой лишь в узком организационно-правовом смысле, т.к. сотрудники мотивируются, в том числе, и прибылью); (2) аналитические центры не просто зависимы от внешних стейкхолдеров, включая государство, но и стремятся к максимальной вовлеченности в процесс принятия решений, т.е. к определенной аффилированности с государством.

Ряд исследователей, включая Паутца², предлагает более комплексный набор признаков современного аналитического центра. По их мнению, «*think tanks*» — это неправительственные организации — интеллектуально, организационно и финансово автономные, образованные с целью влияния на политические решения. У них нет возможности самостоятельно принимать решения; они провозглашают политическую нейтральность, хотя обычно не скрывают политических пристрастий. Часть не специализируется на собственных исследованиях, а вторично перерабатывает чужие исследования; у ряда других — собственная мощная исследовательская база. Они информируют о процессах и тенденциях в других странах и, таким образом, стимулируют процесс обучения политике. Они стремятся изменить политику путем представления интеллектуальных аргументов, а не путем лоббистской закулисной деятельности. Они предлагают идеи, развивают и поддерживают исследовательские сети, снабжают политиков экспертными знаниями. Они превращают идеи в товар, распространяют их среди государственных управленцев, бизнесменов, ученых. Они «строят мосты» между различными стейкхолдерами политического пространства не как пассивные посредники, а как центры формирования концептуального дискурса. Они стремятся к финансовому благополучию, иным выгодам и привилегиям (например, доступу к государственной информации).

Аналитические центры выполняют ряд важных функций, которые не может выполнить бюрократический аппарат государства.

В США широко распространено мнение, что аналитические центры выполняют ряд важных функций, которые не может выполнить экспертно-аналитическая часть бюрократического аппарата государства. В частности, они более раскованы и смелы в своих оценках и в попытках заглянуть в будущее, увидеть новую перспективу, предложить нестандартное и инновационное политическое решение. Помимо этого, преимуществами «фабрик мысли» является способность более эффективно налаживать сетевые взаимодействия внутри экспертного сообщества, организовывать и функционально поддерживать все звенья консультирования по вопросам политики: сбор информации — генерирование идей — выработку предложений.

При этом во всем мире, в том числе в США, меняется ландшафт «*policy advice*» (англ. политическое консультирование), соответственно, требуется переосмысление феномена аналитических центров. Экспертиза, аналитика и советы политикам и государственным управленцам становятся уделом все возрастающего числа агентов. Границы между классическими «*think tanks*»,

² Н. Pautz. Think-Tanks, Social Democracy and Social Policy. 2012

университетскими центрами и консалтинговыми фирмами становятся все более размытыми.

« 1990-е годы были трудным десятилетием. С исчезновением советского врага и в ожидании появления России, основанной на свободном рынке и демократии, зачем тратить государственные средства и деньги фондов на российские и евразийские исследования, на поддержку студенческих обменов? Ирония в том, что, как только стало возможным свободно ездить в Россию и обсуждать (там) прежде табуированные темы, спрос на наши знания стремительно упал. »

**Анджела Стент, директор Центра Евразии, России и Восточной Европы Джорджтаунского университета.
Стент работала в администрациях президентов Клинтона и Буша.**

Angela Stent. Why America Doesn't Understand Putin. Washington Post. March 14, 2014
https://www.washingtonpost.com/opinions/why-america-doesnt-understand-putin/2014/03/14/81bc1cd6-a9f4-11e3-b61e-8051b8b52d06_story.html

Исследователи России, занятые в экспертно-аналитических центрах – как независимых (или квазинезависимых), так и находящихся внутри государственного аппарата – не только проводят исследования, но и анализируют политику и предлагают решения. «*Policy analysis*» (англ. анализ политики) применяется для оценки качества и эффективности решений, вырабатываемых и реализуемых государством. Это процесс, посредством которого специалисты идентифицируют и оценивают альтернативные политики или программы, нацеленные на решение политических, военно-стратегических, социальных, экономических и иных проблем. В части целей деятельности данный процесс схож с оценкой программ: необходимо определить, какие решения приносят ожидаемые результаты, а какие – нет. Однако специалисты в области анализа политики анализируют не столько конкретные программы, сколько политику в отношении той или иной проблемы, демонстрируя структурированный, проблемно-ориентированный подход к вопросам государственного управления и требуемым решениям. В США этот подход разграничивает аналитические центры и исследовательские центры, в том числе, в университетах.

Первоочередной задачей аналитических центров не является производство нового знания (это не классический научный центр!), а применение уже имеющихся знаний из разных областей максимально системно.

Как правило, «*think tank*» в США ориентирован на содействие тем, кто принимает решения. Первоочередной задачей аналитических центров является не производство нового знания (это не классический научный центр!), а максимально системное применение уже имеющихся знаний из разных областей. Нередко аналитические центры предоставляют для ознакомления общественности свои отчеты по конкретным проблемам, бесплатно рассылают такие отчеты многим заинтересованным организациям и лицам. Таким образом, аналитические центры являются центрами формирования мнений и оценок, как для элиты, так и для широких групп общества.

Кризис в «Russian Studies» в США – спрос рождает предложение?

Многие авторитетные американские комментаторы нынешнего состояния дел в сфере российских исследований сходятся на том, что в данной области экспертных знаний в США наблюдается существенный кризис, который носит комплексный характер. Самыми заметными формами проявления кризиса (и, одновременно, его причинами) являются нехватка финансирования и очевидный кадровый голод. По мнению, высказанному в экспертном интервью известным специалистом по России, основными проблемами в сфере «*Russian Studies*» являются «снижающаяся государственная поддержка научных исследований, бóльший (чем к России) интерес студентов к другим регионам – Китаю и Ближнему Востоку, – усложнившиеся условия проведения исследований в самой России».

Третья из перечисленных причин – усложнение условий для работы «пост-советологов» внутри России – выглядит чужеродно в ряду кризисных факторов. Большинство информированных экспертов обращает внимание на ресурсы (включая правительственное финансирование) и кадры.

Два этих фактора тесно переплетены: снижение ресурсного обеспечения в области «*Russian Studies*», разумеется, не могло не сказаться на возможностях трудоустройства специалистов и на притоке в отрасль молодых исследователей. Между тем, обе проблемы, как и нехватка новых концептуальных подходов, свежих идей и, в целом, «нового видения» России, связаны с падением спроса на экспертизу в области изучения России. Следовательно, для понимания процессов, происходящих в «*Russian Studies*», важно понять, насколько эта область знаний и консультирования по вопросам политики (англ. «*policy advice*») подвержена колебаниям конъюнктуры на американском рынке страноведческой экспертизы.

«*Большинство американских экспертов, включая меня самого, предоставляли неверную информацию либо предоставляли ее не вовремя. Это относится к неспособности предсказать крушение СССР или, в недавнее время, российское вмешательство в Сирии.*

Из экспертного интервью

Согласно недавнему отчету Ассоциации по славистским, восточно-европейским и евразийским исследованиям (ASEEES), в последние годы наблюдается значительное снижение интереса к исследованиям России, особенно, в политических науках. К такому выводу ASEEES пришла на основании опроса исследователей в области социальных наук ведущих американских университетов: с утверждением о том, что интерес к исследованиям России значительно снизился, согласилось 80% опрошенных. Наличие такой тенденции подтверждают даже представители широко известных программ с многолетней репутацией из Гарварда и Беркли.

Кризис русистики частично вызван девальвацией регионалистики в целом. С 1990-х годов в американской академической среде наблюдается серьезный уклон в количественные методы исследования и девальвация ценности регионалистических и страноведческих исследований.

По мнению Стивена Хэнсона³ и Блэра Рубла⁴, глубокий кризис русистики, развивающийся с начала 1990-х годов, вызван совпадением трех факторов: падением интереса к России со стороны политиков после крушения СССР с одновременным ростом запроса на изучение иных угроз, особенно в исламском мире; атаками на интеллектуальную состоятельность международного регионоведения и страноведения; распространившимися среди «широких кругов общественности» стереотипами о слабой и криминализованной России, не способной влиять на мировые дела⁵. Указанные авторы также отметили, что «быстрая потеря Россией статуса сверхдержавы» покончила с приоритетом, который отдавался ее изучению в США.

Однако ситуация резко изменилась в 2014-2015 годах. В настоящее время, как отмечают многие специалисты, спрос на знания в области российской политики, экономики, военного строительства, заметно вырос и продолжает расти. Некоторые оптимистически настроенные эксперты полагают, что после «долгого периода пренебрежения» программы в области изучения России «восстанавливают свое прежнее значение»⁶. В качестве одного из примеров приводится восстановление программы стипендий Института Кеннана.

« Интерес к России существенно вырос после событий 2014-2015 годов. Появилось больше запросов на (публичные) выступления и участие в различных подобных мероприятиях. »

Из экспертного интервью

Данная точка зрения выглядит явным преувеличением, особенно с точки зрения ресурсного обеспечения «*Russian Studies*». Но рост внимания к аналитике по России очевиден. Один из экспертов в интервью обращает внимание на внешние проявления роста интереса к аналитическому продукту, предлагаемому специалистами по России. Причины лежат на поверхности – присоединение Крыма, события на Украине, действия России на сирийском и в целом ближневосточном направлении формируют запрос на понимание мотивов этих действий и возможных последствий как для самой России, так и для западного мира.

В связи с последними изменениями возникает вопрос: достаточно ли интеллектуальных ресурсов и знаний у современной американской русистики, чтобы откликнуться на новое колебание спроса на экспертизу и адекватно анализировать происходящие процессы? Разные специалисты отвечают на этот вопрос по-разному. Руководитель российских исследований в одном из наиболее авторитетных вашингтонских аналитических центров в экспертном интервью признается, что «современный уровень экспертизы является более чем достаточным». По мнению эксперта, главной проблемой является «операционализация» исследований в процессе осуществления политики – а это, в свою очередь, зависит от лиц, принимающих решения, и от их целей.

³ В прошлом возглавлял ведущий центр русистики Вашингтонского университета

⁴ Директор программ центра Вудро Вилсона, в прошлом – директор института Кеннана

⁵ Hanson, Stephen E., Ruble, Blair A. Rebuilding «Russian Studies» Problems of Post-Communism. Vol. 52, Iss. 3, 2005

⁶ Four different visions for the future of «Russian Studies» in America. Russia Direct. Feb 16, 2015

<http://www.russia-direct.org/debates/four-different-visions-future-russian-studies-america#>

«Нынешний уровень экспертизы достаточен для удовлетворения потребностей в информации, необходимой для принятия решений. Все важнейшие аналитические центры в Вашингтоне располагают одним или несколькими опытными специалистами по России... Правительственные учреждения продолжают нанимать людей с учеными степенями в области «Russian Studies», хотя и в меньших количествах, чем в годы холодной войны.»

Из экспертного интервью

Оптимистической точки зрения на нынешний уровень качества американской русистики придерживается и профессиональное сообщество в целом в лице Ассоциации славистских, восточноевропейских и евразийских исследований. В упомянутом ранее докладе о состоянии исследований России в США, подготовленном ASEES в июле 2015 года, также подчеркивается, что уровень обучения в сфере русистики и соответствующих научных исследований «остаётся в США высоким»⁷. Авторы доклада отмечают, что у американских исследователей имеются многочисленные возможности публиковать свои научные результаты, они часто посещают Россию, сотрудничают с российскими учеными, действуют магистерские и аспирантские программы в области «Russian Studies». Помимо указанных позитивных факторов, по мнению авторов доклада, благотворную роль играет «тематическое и методологическое разнообразие» в российских исследованиях⁸.

С другой стороны, не секрет, что одной из причин комплексного кризиса «Russian Studies», включая снижение финансирования, явилось то, что на экспертов по России и СССР в 1990-е годы обрушился вал критики за неспособность предсказать скорый крах коммунистического режима и распад Советского Союза.

В итоге региональные исследования в целом, и особенно «постсоветология», подверглись активной критике в политическом и исследовательском сообществах как нерелевантные сферы научного интереса. В рамках академического дискурса региональные особенности стали считаться несущественными для широкого круга социальных исследований, а специалистов по страноведению и регионоведению все чаще стали называть просто «компаративистами», нивелируя их страновой или региональный фокус и отрицая необходимость высокого уровня компетенции в вопросах истории, культуры, социальной и национальной психологии. Действительно, крушение СССР, не предсказанное почти никем из экспертов, поставило под большой вопрос способность специалистов по России глубоко анализировать происходящие в экономике, политике, межнациональных отношениях процессы и давать обоснованные рекомендации лицам, принимающим решения. По мнению ряда экспертов, в настоящее время невысокое качество научного и аналитического продукта в области изучения России в условиях нарастающего кадрового кризиса и разрыва между поколениями специалистов еще более снизилось.

⁷ The State of «Russian Studies» in the United States. An Assessment by the Association for Slavic, East European and Eurasian Studies. July 2015. P. 4

<http://aseees.org/resources/reports-surveys>

⁸ Ibid

Подъем запроса на деятельность экспертов по России уже не в первый раз происходит в условиях преобладания создаваемого СМИ негативного информационного фона, влияющего на психологический климат и политические эмоции в западном мире и, в первую очередь, в США. Интересным в этом смысле выглядят результаты опроса специалистов по России, проведенного ASEEEES⁹. 30% опрошенных либо полностью, либо частично согласны с тем, что результаты исследований имеют необъективный антироссийский характер, тогда как противоположного взгляда придерживаются 38% респондентов (еще 32% высказали нейтральную позицию).

Сторонников оценки «*Russian Studies*» как непредвзятого и нетенденциозного больше, но, как мы видим, ненамного; при этом мы говорим о серьезных исследованиях, способных повлиять на принятие решений, а не о позиции СМИ. Значительная часть специалистов по России, согласно исследованию ASEEEES (до трети), отмечает влияние стереотипов холодной войны на качество, характер и направленность исследований. Серьезной проблемой, выявленной в ходе анализа итогов опроса, является также недостаток «глубоких знаний» о России¹⁰. Все эти тенденции в условиях антироссийских колебаний политических эмоций в американском обществе лишь неминуемо усугубляются, негативно влияя на беспристрастность экспертизы и глубину анализа.

Подверженность важнейшей интеллектуальной и экспертной сферы не столько сменам интеллектуальной парадигмы, сколько колебаниям политической конъюнктуры не может не вызывать тревогу. Можно согласиться с мнением Анджелы Стент, которая считает, что, стимулирование русистики в США должно исходить из того обстоятельства, что у наших стран есть соприкасающиеся интересы по фундаментальным вопросам Ирана, Сирии, Афганистана, Арктики и т.д.¹¹.

ЭКСПЕРТЫ СЧИТАЮТ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ АНТИРОССИЙСКИМИ

Позиция экспертов по отношению к утверждению: «Большая часть исследований России, проводимых американскими социологами, носит антироссийский характер», % опрошенных

- Источник: Association for Slavic, East European and Eurasian Studies, "The State of Russian Studies in the United States", July 2015, P. 39

⁹ The State of «Russian Studies» in the United States. An Assessment by the Association for Slavic, East European and Eurasian Studies. July 2015. P. 39

<http://aseees.org/resources/reports-surveys>

¹⁰ Ibid. P. 40

¹¹ Angela Stent. Why America Doesn't Understand Putin. Washington Post. March 14, 2014

https://www.washingtonpost.com/opinions/why-america-doesnt-understand-putin/2014/03/14/81bc1cd6-a9f4-11e3-b61e-8051b8b52d06_story.html

Ассоциации по русистике — ASEEEES

Объединение экспертов по России в ассоциации происходило одновременно с процессом становления советологии как одного из направлений исследований в *area studies* («региональные исследования»), появлением реферируемых журналов и учреждением специализированных исследовательских центров. Первая волна интереса к СССР и становления советологии пришлось на период после Второй мировой войны, когда эксперты по внешней политике на Западе осознали необходимость налаживания сотрудничества с Советским Союзом. В США в этот период были основаны крупнейшие на сегодняшний момент центры русистики – в университете Джорджа Вашингтона, Джорджтаунском университете и Университете Джонса Хопкинса. В это же время (1949) начал издаваться ведущий реферируемый журнал по проблемам советологии *Soviet Studies* (в настоящее время *Europe-Asia Studies*, издательство *Routledge Taylor & Francis Group*). Вторая волна интереса пришлось на предперестроечный период: конец семидесятых – середину восьмидесятых годов 20 века.

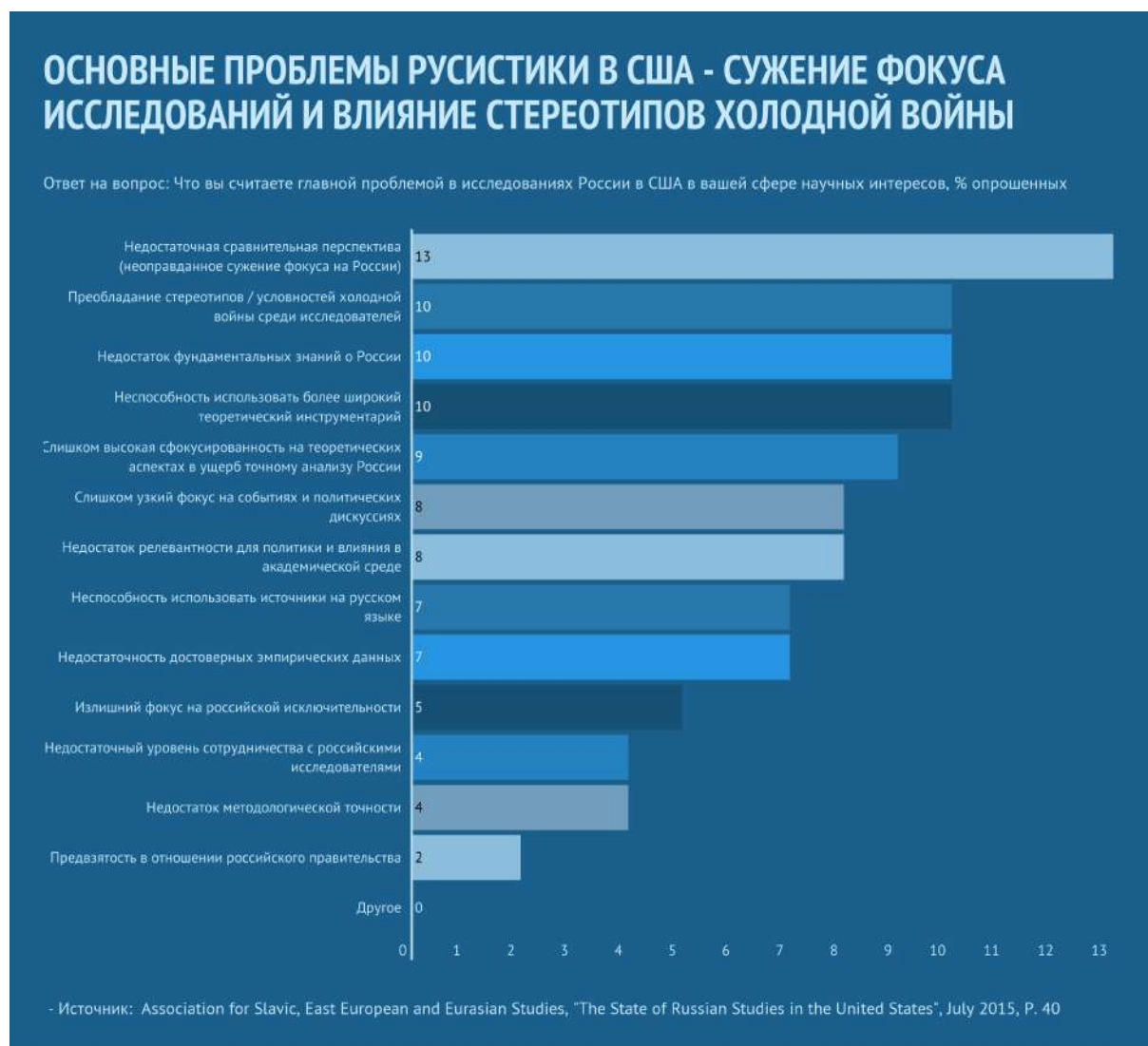
В 1948 году была основана Американская ассоциация по развитию славистики (*AAASS, American Association for the Advancement of Slavic Studies*). С распадом СССР и резким снижением роли его правопреемницы России в международных отношениях интерес к России стал стремительно угасать. Профессиональное сообщество экспертов-советологов отреагировало на это соответственно: спектр интересов реферируемых журналов был существенно расширен за счет включения в него евразийских, восточно-европейских и балтийских исследований. Часть изданий сменила фокус на постсоветские и постсоциалистические исследования. Следуя этому тренду, *AAASS* несколько раз предпринимала попытки смены названия, и в с 2010 году стала Ассоциацией по славистским, восточно-европейским и евразийским исследованиям (*ASEEEES, Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies*).

В настоящий момент Ассоциация объединяет более 3000 участников по всему миру, поддерживает преподавание, проведение тематических исследований и их публикации. *ASEEEES* издает журнал *Slavic Review*, а также организует ежегодные встречи для специалистов по евразийской и восточно-европейской политике. В состав *ASEEEES* входит 55 исследовательских центров и университетов из США, Италии, Германии, Японии, Чехии, Венгрии, Швеции, России. Также ассоциация распределяет гранты для молодых исследователей, регулярно проводит встречи и вебинары для членов Ассоциации и для широкой аудитории.

ASEES регулярно проводит исследования по русистике. В 2015 году было опубликовано исследование по образованию в сфере русистики в США, согласно результатам которого, несмотря на сохранившийся уровень интереса, процесс замещения профессорско-преподавательского состава предыдущего поколения происходит довольно медленно.

В мире существует еще несколько ассоциаций русистов и славистов. В частности, Британская ассоциация русистики (*BASEES, British Association of Slavonic and East European Studies*), Ирландская ассоциация русистов (*IARCEES, Irish Association for Russian, Central and East European Studies*), однако американская ассоциация остается наиболее влиятельной в экспертной среде.

В фундаментальном смысле эти вопросы не зависят от текущей политической конъюнктуры, — так же, как и проблемы глобального экономического роста, глобальной легальной и нелегальной миграции (в настоящее время проблема беженцев, прибывающих в Европу, заслонила в общественном сознании то обстоятельство, что именно США и Россия являются двумя странами в мире, принимающими наибольшее количество как легальных, так и нелегальных внешних мигрантов). Россия и США стоят перед многими общими вызовами, при этом одним из главных является угроза религиозного экстремизма и международного терроризма. Стереотипы холодной войны вряд ли будут являться подспорьем в выработке эффективного аналитического инструментария, способствующего принятию политических решений по урегулированию этих и многих других проблем.

Финансирование русистического исследования: динамика внешнеполитических интересов США

Один из ведущих экспертов по России в США в интервью отметил, что неясно, насколько нынешний рост внимания СМИ и общества к нашей стране способен позитивно сказаться на повышении уровня исследовательского и экспертного обеспечения процесса принятия решений. Это зависит, по мнению эксперта, от

того, способно ли оживление интереса к России повлиять на увеличение финансирования русистики из государственных и частных источников.

Между тем, в последние несколько лет специалисты бьют тревогу по поводу значительного снижения финансирования исследований России. В Соединенных Штатах – крупнейшем центре сосредоточения аналитических центров сегодня – финансирование академических исследований, связанных с Россией, значительно сократилось. Среди бюджетных расходов Государственного Департамента с 1983 года – т.е. со времени нахождения у власти администрации президента Рональда Рейгана – существовала статья на изучение Восточной Европы и стран бывшего СССР. Это была так называемая «восьмая статья» (Title VIII), которая финансировала программу обучения соответствующих специалистов и проведение исследований. Финансирование по «восьмой статье» составляло незначительную, по американским меркам, сумму – 5 млн. долларов США в год (для сравнения стоимость обеспечения функционирования дипломатического аппарата США – \$ 44,3 млрд. долларов США в 2012 году)¹². Однако в 2012 году, при принятии бюджета на новый финансовый год, внешнеполитическое ведомство США было освобождено от обязанности финансировать статьи расходов по Title VIII; необходимые средства теперь можно было выделять, а можно было и переключить на иные нужды. В результате с 2013 года финансирование по статье Title VIII вовсе было прекращено.

Недавно оно было восстановлено, но объем распределяемых средств составляет только половину прежнего. Еще одна программа, в прошлом значительно стимулировавшая развитие американской школы русистики – Title VI (главным образом, изучение языков; программа была создана как ответ на запуск в СССР первого спутника и была призвана повысить конкурентоспособность США в мире) – также значительно сократилась за последние годы, а на 2016 год запланировано ее сокращение еще на 35%. Некоторые американские центры финансируют свои исследования посредством частных пожертвований или эндаументов, однако большинство исследователей полагаются на федеральные гранты Title VI от Департамента образования США и Title VIII от Государственного департамента США.

Как отмечает Александр Габуев, правительство США сокращает также грантовое финансирование проектов, связанных с Россией – в 2014 году на сайте grants.gov можно было обнаружить лишь восемь проектов, как-либо относящихся к России. Если бы исследователь хотел подать заявку по тематике России в конце 2015 года, ему было бы доступно только шесть таких возможностей.

В целом, в экспертном сообществе США есть понимание, что «для выживания российских исследований в XXI веке необходимо, чтобы их финансовая поддержка продолжила оставаться приоритетом федерального правительства США и основных (финансирующих исследования) негосударственных фондов»¹³.

¹² Габуев А. Ярые советчики. Кто в Вашингтоне разбирается в России. Коммерсант-Власть. 19.05.2014. <http://www.kommersant.ru/doc/2469723>

¹³ Stephen E. Hanson and Blair A. Ruble. Rebuilding «Russian Studies». Problems of Post-Communism, 52:3. P. 56

Проблема притока новых кадров, мешающая формированию «нового видения» России

Стивен Хэнсон и Блэйр Рубл полагают, что последнее поколение специалистов, подготовленных и нанятых на работу еще в период существования СССР, стремительно приближается к пенсионному возрасту, а университеты не нанимают новых исследователей России в количестве, необходимом для их замены¹⁴.

«Старение» экспертного сообщества связано не только с тем, что недостаточен приток молодых специалистов. Некоторые эксперты обращают внимание и на обратную зависимость, ставшую особенно заметной в ходе и после экономического кризиса 2008 года. Многие возрастные специалисты просто не могут себе позволить, с экономической точки зрения, выйти на пенсию, что приводит к кадровому застою и затруднению в притоке в российские исследования молодых экспертов¹⁵.

Авторы упомянутого доклада ASEES о состоянии исследований России в США также считают, что кризис проявляется, в первую очередь, в «упадке интереса и снижении числа студентов». По их мнению, «прослойка экспертов стала тонкой в политических исследованиях (в области изучения России)¹⁶».

Вместе с тем, эксперты обращают внимание на отсутствие достаточных перспектив трудоустройства у выпускников университетов, выбравших изучение России своей специализацией в магистратуре и аспирантуре.

Между тем, проблема кадрового голода не связана исключительно с проблемой финансирования. Как считает Анджела Стент, речь идет об общем сдвиге научной парадигмы в региональных и страноведческих исследованиях. Следует отметить, что этот сдвиг в той или иной степени характерен и для других областей социальных наук в США и на Западе в целом. В академических трудах по политической регионалистике и страноведению, как и в соответствующем научном дискурсе возобладали «абстрактные модели» и количественные методы, напоминающие «игру в числа». Все это, по мнению А. Стент, имеет мало общего с изучением реального мира политики той или иной страны. В сравнении со статистически измеряемыми количественными параметрами маловажными становятся такие параметры, как глубокое знание истории, социокультурных особенностей, национальной психологии той или иной страны. Можно предположить, что на качестве русистики этот сдвиг парадигмы сказывается наиболее болезненно, поскольку речь идет об изучении очень своеобразной и часто парадоксальной страны, имеющей глубокие историко-культурные особенности.

На это же обстоятельство указал в своем экспертном интервью руководитель программы российских исследований в вашингтонском экспертно-аналитическом центре. По мнению данного специалиста, «чрезмерные

¹⁴ Stephen E. Hanson and Blair A. Ruble. Rebuilding «Russian Studies». Problems of Post-Communism, 52:3.

¹⁵ «Russian Studies» programs in the United States need a boost. Russia Direct. Mar. 27, 2015. <http://www.russia-direct.org/opinion/russian-studies-programs-united-states-need-boost>

¹⁶ The State of «Russian Studies» in the United States. An Assessment by the Association for Slavic, East European and Eurasian Studies. July 2015. P. 4 <http://aseees.org/resources/reports-surveys>

требования к использованию количественных методов в диссертациях» отбивают желание у талантливых молодых ученых заниматься международной регионалистикой и страноведением. В результате, по высказанному в экспертном интервью мнению, многие молодые люди, «очарованные российской историей, внутренней и внешней политикой России, отказываются от ее изучения».

«Только очень храбрый и преданный аспирант захочет стать экспертом по России, если он или она стремится найти работу в академическом мире.»

Анджела Стент, директор Центра Евразии, России и Восточной Европы Джорджтаунского университета

Angela Stent. Why America Doesn't Understand Putin. Washington Post. March 14, 2014
<https://www.washingtonpost.com/opinions/why-america-doesnt-understand-putin/2014/03/14/81bc1cd6-a9f4-11e3->

Приоритетные темы исследований

В целом на состояние русистики накладывает большой отпечаток то, что эксперты называют «разрывом между страноведением и социальными науками¹⁷». Специалисты в области социальных наук считают, что методологии современного американского страноведения и регионоведения недостаточно научны; те же, в свою очередь, полагают, что социологи, политологи, экономисты и географы «не облагают глубиной понимания России».

«Многие молодые люди, «очарованные российской историей, внутренней и внешней политикой России, отказываются от ее изучения».

Из интервью с руководителем программы российских исследований в вашингтонском «think tank»

Подлинный кризис переживают специализации, связанные с изучением экономики России, а также социологические, антропологические и географические исследования. В 2009 году в США было защищено всего 4 диссертации по экономике России и 5 диссертаций по русистике – ничтожно мало для того, чтобы обеспечить приемлемый потенциал исследований в этих ключевых сферах знания. Количество аспирантов, работающих над диссертациями по экономике России, более чем в пятьдесят раз уступает количеству лингвистов и специалистов по русской литературе.

Ядром русистических исследований могут стать центры по изучению российской культуры и истории.

Некоторые эксперты не видят в столь вопиющем перекосе большой проблемы. Так, Роберт Легволд – один из наиболее авторитетных американских специалистов по России – полагает, что Соединенные Штаты нуждаются в экспертах, способных помочь преодолеть стереотипное восприятие российской политической системы. Эта задача требует разносторонне подготовленных специалистов, но если уж в их знаниях должно быть «ядро», то это должны быть русская история и литература. Первая поможет понять масштаб

¹⁷ «Russian Studies» programs in the United States need a boost. Russia Direct. Mar. 27, 2015. <http://www.russia-direct.org/opinion/russian-studies-programs-united-states-need-boost>

исторических преобразований, которые происходят в России, а вторая – понять менталитет и эмоции русских¹⁸.

Причина, которую особенно подчеркивает Роберт Легволд, отдавая приоритет изучению истории и культуры в российских исследованиях, связана с фундаментальными тенденциями развития социальных наук в США. По его мнению, социальные науки в российских исследованиях (добавим, как и социальные науки в целом, во всех остальных областях) «перестали задавать большие вопросы, сосредотачиваясь вместо этого на узких проблемах, требующих большей аналитической точности», что не ведет к комплексному пониманию России и объяснению происходящих в ней процессов¹⁹.

Россия в Арктике: экспертиза США

Борис Ананьев, аналитик проекта

В последнее время Арктический регион привлекает все больше внимания экспертного сообщества разных стран, а также лиц, отвечающих за практическую реализацию политического курса. Это можно объяснить как возможностями, которые открывает Арктика с точки зрения ресурсного обеспечения, так и потенциальными вызовами и угрозами в регионе. В этой связи очевидно, что в экспертном сообществе США, как страны, имеющей непосредственный интерес в регионе, сложились исследовательские группы по изучению Арктики, а также деятельности России в Арктике, как одного из главных акторов в регионе. Также следует отметить, что изучение деятельности России в Арктике среди исследовательских центров США разнопланово. Иными словами, этот вопрос изучается с позиций международного морского права, экологического права, стратегии национальной безопасности, в том числе энергетической, и в ряде других аспектов.

Одним из исследовательских центров, который занимается изучением деятельности России в Арктике, является «Центр изучения боевых действий на море». В рамках исследовательских проектов данного центра рассматриваются вопросы арктической безопасности и конфликтного потенциала, а также морского права в регионе. Результаты деятельности публикуются в соответствующем ежегоднике центра, обсуждаются в рамках Мэханского форума, а также активно распространяются в социальных сетях.

Кроме того, в рамках данного направления можно выделить «Центр стратегической и бюджетной экспертизы», изучающий новейшие атомные субмарины РФ, а также ядерный потенциал России, в том числе применительно к возможностям его размещения в Арктике. Центр изучает Россию в сравнительной перспективе, соотнося данные со статистикой по другим акторам региона.

Наконец, предметный интерес к России в Арктике демонстрирует «Коалиция за развитие экономики, основанной на принципах экологической ответственности». Данный центр проводит исследования деятельности России в регионе, прежде всего, с точки зрения экологической обстановки, а также применительно к вопросу о полезных ископаемых и нефтегазовой промышленности России. Центр проводит тематические конференции, а также присуждает награду имени Джоан Бавария.

¹⁸ Four different visions for the future of «Russian Studies» in America. Russia Direct. Feb 16, 2015

¹⁹ Ibid.

Однако наметившаяся тенденция не может не вызывать тревогу. Фактическое забвение исследовательских тем, связанных с изучением социально-экономических процессов, связано, помимо прочего, со слабой востребованностью этих специализаций как в плане трудоустройства (незначительные объемы торговли между Россией и США, слабая взаимосвязанность экономик, недостаточная бизнес-активность с обеих сторон), так и в контексте спроса на рынке политического консультирования. Даже участие России в БРИКС – интеграционной структуре, включающей крупнейшие развивающиеся рынки – не влияет на восприятие России как страны с малозначительной экономикой как сейчас, так и в будущем. Этот перекокс ослабляет потенциал развития российских исследований в плане освобождения от стереотипов, движения в сторону большей объективности и понимания экономических мотивов тех или иных действий российского руководства.

По этажам администрации: связь исследовательской и экспертно-аналитической деятельности с политическим консультированием и принятием решений

Механизмы, формы, способы, а также глубина влияния американского экспертного сообщества на принимаемые решения, касающиеся России, требуют тщательного анализа, который, однако, затруднен, поскольку большинство открытых материалов носит фрагментарный характер и не дает полноты картины.

Специфика работы с экспертным сообществом в США различается в зависимости от предпочтений действующей администрации. Эксперты консультируют представителей низового и среднего уровней политических назначенцев, которые, в свою очередь, лоббируют решения верхнего уровня политического руководства.

Ключевой специалист по России из вашингтонского аналитического центра отвечая на вопросы экспертного интервью, высказал мысль, что в США отсутствует единая модель взаимодействия между лицами, принимающими решения, и экспертным сообществом. Насколько политики восприимчивы к экспертным рекомендациям, зависит во многом от «институциональных и личных связей» между конкретным лицом, принимающим решения, и специалистами из аналитических центров. Влияние аналитических центров на процесс принятия решений, полагает другой ведущий специалист по России, «варьируется в разные периоды и в зависимости от области экспертизы», однако в целом аналитические центры «... могут иметь большое влияние (на принятие решений), когда для этого складываются благоприятные условия». Хотя, как отметил в экспертном интервью другой специалист по России, политики любят «прислушиваться к тем результатам исследований, которые совпадают с их точкой зрения».

Высокую значимость в Вашингтоне также традиционно придают личным отношениям политиков и их доверенных консультантов. Эти отношения, как правило, устанавливаются между политиком и экспертом еще на этапе его восхождения к власти: в период выборных кампаний. В результате, попадая в

администрацию, политик приводит за собой сеть доверенных лиц и экспертов. Нынешний президент США Барак Обама, к примеру, в значительной степени полагается на мнение узкого круга экспертов, с которыми он познакомился во время губернаторской кампании в Иллинойсе.

Специалисты по российским исследованиям отмечают в экспертных интервью, что каждая американская администрация имеет свой собственный «любимый» аналитический центр. Так, по мнению видного эксперта по России, ставка на экспертизу, предоставляемую Фондом «Новая Америка» (англ. New America Foundation) и Институтом Брукингса, более характерна для администраций Демократической партии, тогда как рекомендации Американского института предпринимательства и Института Хадсона (англ. Hudson Institute) пользуются спросом, когда в Белом Доме находится президент-республиканец. Экспертизой Центра Стратегических и Международных Исследований (англ. CSIS) пользуются как демократические, так и республиканские администрации. То же самое можно сказать и о Фонде Карнеги, хотя последний все же более популярен у демократов.

Между тем, ряд специалистов видит модель воздействия руссиеведческой экспертизы на деятельность по выработке политических и управленческих решений скорее не как модель персонализированного процесса передачи знаний «от человека к человеку», а как процесс распределения экспертных рекомендаций по различным этажам политико-административной пирамиды в США. По мнению авторитетного специалиста по России, высказанному в экспертном интервью, влияние анализа политик и консультирования по вопросам политики на лиц, принимающих решения, скорее носит не прямой, а опосредованный характер. Возникает своего рода цепочка воздействия аналитических центров, считает специалист, которая воздействуют на нижние и средние этажи политико-административной системы, а те, в свою очередь, влияют на решения ключевых акторов в политическом процессе.

Высокую значимость в Вашингтоне традиционно придают личным отношениям политиков и их доверенных консультантов.

Большинство американских специалистов отмечает существенное значение, которое имеют для аналитического обеспечения принятия решений экспертно-аналитические подразделения непосредственно самих государственных ведомств – Государственного Департамента, Пентагона, Министерства торговли, спецслужб. Возможность пользоваться многочисленными источниками информации – как открытыми, так и закрытыми, близость к ключевым фигурам, принимающим решения – все это обеспечивает ключевую роль экспертов внутри госаппарата. Важно отметить, что в США все «субсообщества» специалистов по России – университетские круги, исследователи из аналитических центров, специалисты аналитических подразделений государственных ведомств – тесно переплетены и взаимосвязаны; специалисты время от времени переходят из одного круга в другой, обеспечивая большую кадровую гибкость и интеллектуальное взаимодействие.

Как уже отмечалось, значительное воздействие на состояние российских исследований оказывает общий психологический климат в американском

обществе, доминирующие политические эмоции, вызываемые образом той или иной страны в общественном сознании. Этот образ формируется, в первую очередь, средствами массовой информации. По мнению большинства опрошенных американских экспертов, СМИ черпают комментарии по российской проблематике, прежде всего, у действующих политиков и государственных чиновников, у отставных чиновников, а лишь затем – у экспертов из аналитических центров и представителей академических кругов. Обычно, полагают опрошенные эксперты, СМИ стремятся «сбалансировать позиции и точки зрения». Это означает, что по возможности мнение «консервативного» специалиста по России должно быть уравновешено мнением представителя «либеральных» экспертных кругов. Однако зачастую происходит далеко не так: газеты и электронные СМИ «цитируют своих любимчиков среди экспертов, не пытаясь добиться баланса мнений».

Опрошенные эксперты отмечают, что их связи с российским экспертным сообществом не ослабли в последнее время; наоборот, ряд американских специалистов подчеркнул, что эти связи становятся более интенсивными. Поскольку в экспертном опросе принимал участие ряд ведущих специалистов из американских аналитических центров и академических кругов, нельзя с уверенностью утверждать, что интенсификация связей с российским экспертным сообществом в равной мере характерна и для «рядовых» или начинающих свою профессиональную карьеру американских исследователей.

«*Россия – легкая мишень для американских СМИ. Частично это объясняется тем, что у нас нет той степени экономического сотрудничества, которая есть, например, с Китаем. Россия может возмутиться, и совершенно оправданно: к чему такие двойные стандарты? Китай менее демократичен, их СМИ менее независимы, в Китае больше нарушений прав человека, чем в России, так почему же все эти факты не освещаются в отношении Китая? И американские СМИ и правительство США в определенной степени сдерживаются [в отношении Китая – RR] – они, конечно, никогда этого не признают – но они сдерживаются, потому что они серьезно инвестируют в Китай в экономическом плане, а в отношении России – нет.*

Из экспертного интервью

Все специалисты по России, участвовавшие в экспертных интервью, отмечали достаточно высокий уровень своего взаимодействия с российским экспертным сообществом. У всех имеются коллеги в России, близкие по исследовательским интересам, с которыми они поддерживают регулярную связь. Формы взаимодействия назвались разные – обмен идеями, рецензирование и обсуждение научных работ, подготовка совместных публикаций. При этом частота поездок в Россию и личных встреч с российскими коллегами сильно варьируется – от одного или двух раз в год до «достаточно частых». Один из ведущих экспертов, однако, полагает, что появление Скайп и подобных сервисов делает поездки в Россию, с учетом длительности и утомительности перелета, чаще, чем раз в год, практически ненужными, хотя среди его американских коллег и «имеются исключения».

Региональный обзор

Европа

Анастасия Бордовских, кандидат политических наук,
старший научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова

Исследовательская инфраструктура стран Европы характеризуется рядом особенностей, которые в значительной степени отличают ее от американской. Существенно различаются также и модели взаимодействия аналитических институтов с властными структурами.

В то же время интерес к России со стороны европейских исследовательских центров в последние 10-15 лет существенно снизился по сравнению с советским периодом и даже эпохой 1990-х годов. Наметившийся в последние два года тренд на усиление внимания к российской повестке связан, прежде всего, с военно-дипломатической стратегией России на Украине и, позднее, в Сирии.

Исследования ограничены геополитической тематикой и стимулируются государственным интересом. Массовое внимание общественности притягивают вопросы внешней политики и информационные поводы, связанные с фигурой президента В.В. Путина.

Засвидетельствовано практически полное отсутствие аналитики по отдельным отраслям экономики, технологическому развитию, инвестиционному потенциалу и т.д. Все респонденты отмечают большую сложность с получением качественных экспертно-аналитических отчетов.

СМИ играют важнейшую роль в формировании имиджа России в Европе, они являются главным источником информации для лиц, принимающих решения, колоссальным образом влияя на их стратегию поведения.

Партийные центры: Великобритания

В сравнении с США традиция европейских аналитических центров значительно моложе, а сами аналитические центры еще в начале 1990-х годов были не столь многочисленны. Британский исследователь Саймон Джеймс связывает это с тем, что исторически европейские «мозговые центры» были встроены непосредственно в органы государственной власти. В то время как американ-

ская «spoils system»¹ подразумевает высокую текучесть кадров внутри государственного аппарата, британская госслужба может позволить себе сосредоточить экспертный потенциал принятия решений внутри системы². Британская система принятия решений также более закрыта. Наконец, в Великобритании отсутствовал важнейший фактор генезиса мощной сети аналитических центров — достаточные объемы частных пожертвований.

Историю возникновения первых британских аналитических центров часто связывают с именами Джереми Бентама, и Джеймса Милля (отца Джона Стюарта Милля) и распространением идей утилитаризма в середине XIX века³. Их идеи, публикуемые в *The Westminster Review*, широко обсуждались просвещенной публикой и косвенно оказывали влияние на принятие политических решений. Однако несмотря на внимание к их идеям со стороны политиков, работы утилитаристов того времени, как и деятельность *Королевского института объединенных служб*, сложно соотнести с современными аналитическими центрами. Начало работе полноценных аналитических центров было положено в 1926 году с учреждением *Королевского института международных отношений в Лондоне — Четтем Хаус*. Предпосылкой к его формированию стало проведение Парижской мирной конференции 1919 — 1920 годов, где проходила разработка мирных договоров по итогам Первой мировой войны. В то время как Четтем Хаус оставался площадкой для обсуждения внешнеполитических решений, для экспертной поддержки планирования внутренней политики в 1930 году был создан *Национальный институт экономических и социальных исследований* (англ. National Institute of Economic and Social Research, NIESR). NIESR в 1987 году разработал макроэкономическую модель британской экономики NiGEM (англ. National Institute Global Economic Model)⁴, которая сейчас используется в целях прогнозирования экономики не только Великобритании, но и некоторых стран ОЭСР.

Подлинное влияние на принятие решений британские аналитические центры стали оказывать в период разработки масштабных реформ Маргарет Тэтчер в 1970-е годы.

Подлинное влияние на принятие решений британские аналитические центры стали оказывать в период разработки масштабных реформ Маргарет Тэтчер в 1970-е годы. В силу устоявшейся партийной традиции британские аналитические центры проще разделить по идеологическим предпочтениям и, соответственно, отношению к правительству. Например, *Центр политических исследований* (Centre for Policy Studies, CPS), в учреждении которого принимала участие Маргарет Тэтчер, долгое время оставался политико-программной площадкой Консервативной партии. Именно в Центре политических исследований были разработаны ключевые документы программы социально-

¹ Spoils system — англ. система назначения, при которой политические должности распределяются между сторонниками партии, победившей на выборах

² Simon James, “The Idea Brokers: The Impact of Think Tanks on British Government”, *Public Administration*, Vol. 71 Winter 1993, P. 492

³ Andrew Denham, Mark Garnett, “The nature and impact of think tanks in contemporary Britain”, *Contemporary British History*, 1996, 10:1, P. 47

⁴ National Institute of Economic and Social Research, “National Institute Global Economic Model”, URL: <http://nimodel.niesr.ac.uk/>, декабрь 2015

экономического реформирования Тэтчер. В частности, был подготовлен знаменитый доклад CPS 1977 года «*Stepping Stones*», в котором содержались предложения по стратегии взаимодействия с профсоюзами и стабилизации государственных финансов. Совместно с другим консервативно ориентированным аналитическим центром – *Институтом экономических отношений* (англ. Institute of Economic Affairs) – Центр политических исследований участвовал в разработке программ для Консервативной партии. Особенно ценной экспертная поддержка аналитических центров стала в периоды после выборов 1983 и 1987 годов, когда кабинет Тэтчер находился под давлением серьезной критики. Находясь долгое время в Кабинете, тори не могли «перезарядить идеологические батареи⁵», как это легко сделать в положении оппозиции, поэтому они с готовностью воспринимали идеи, предлагаемые аналитическими центрами. С противоположной стороны предпринимались попытки создания альтернативных «мозговых центров». Левые идеи предлагались финансируемым из средств профсоюзов и частных пожертвований *Институтом исследований публичной политики* (англ. Institute for Public Policy Research). Институт собрал широкую междисциплинарную сеть экспертов и публиковал аналитические материалы по различным темам: начиная с защиты окружающей среды и ценообразования, заканчивая политикой евроинтеграции и образованием. Социально-демократическая партия, в свою очередь, пользовалась аналитическими продуктами *Фонда социального рынка* (англ. Social Market Foundation). В периоды масштабных социальных преобразований 80-х и 90-х годов аналитические центры только наращивали свое влияние. Лейбористы, придя к власти под руководством Тони Блэра, повторили опыт разработки новой идеологической платформы. Результатом такого переосмысления стала концепция Новых лейбористов, в разработке которой также участвовали аналитические центры.

Нам нужен свой Брукингс

В конце 1970-х в Великобритании была предпринята попытка создания аналога американского Института Брукингса. Финансирование для проекта предложил Фонд Форда (англ. *Ford Foundation*).

Инициатива вызвала недовольство академического сообщества, которое, опасаясь конкуренции, объявило, что для реализации такого проекта нет достаточного кадрового обеспечения.

Simon James, «The Idea Brokers: The Impact of Think Tanks on British Government», *Public Administration*, Vol. 71 Winter 1993, P. 492

Среди современных аналитических центров, которые оказывают влияние на политику, выделяются такие центры, как *Полития* (англ. Politeia, основан в 1995 году), *Цивитас* (англ. Civitas: The Institute for the Study of Civil Society, 2000), Политический обмен (англ. Policy Exchange, 2002), Реформа (англ. Reform, 2001), Центр социальной справедливости (англ. Centre for Social Justice, 2004) и РесПублика (англ. ResPublica, 2009)⁶.

⁵ Simon James, «The Idea Brokers: The Impact of Think Tanks on British Government», *Public Administration*, Vol. 71 Winter 1993, P. 496

⁶ Hartwig Pautz, «The Think Tanks behind 'Cameronism'», *The British Journal of Politics and International Relations*, Volume 15, Issue 3, pages 362–377, August 2013, P. 364

Россия исследуется преимущественно в рамках внешнеполитического анализа, а также в специализированных университетских центрах.

Россия исследуется преимущественно в рамках внешнеполитического анализа, а также в специализированных университетских центрах. В Великобритании, как и в США, существует специализированная ассоциация по русистике, однако она развивается не так динамично.

Франция

Во Франции ближе всего к общепринятому определению аналитических центров стоят несколько групп исследовательских структур: *национальные исследовательские институты, независимые группы политических исследователей* и «*мозговые центры*» французских «*новых правых*» (фр. Nouvelle Droite)⁷. Национальные исследовательские институты представляют собой сетевые структуры, которые пользуются своими тесными связями с университетами. По масштабу деятельности они сопоставимы с крупными американскими аналитическими центрами и часто характеризуются довольно стабильными отношениями с государством.

Группы исследований политики слабо институционализированы и представляют собой скорее объединения исследователей для решения конкретной проблемы. В качестве своей основной задачи они видят разработку решений, применимых на местном и национальном уровнях. Пример такой исследовательской группы – *Инициатива по местному самоуправлению и социальной экономике* (фр. Autogestion Initiative Locale et Economie Sociale – AILES). Большинство членов подобных групп аффилированы с национальными исследовательскими институтами либо с университетами и ведут активную внешнюю исследовательскую деятельность.

Мозговые центры «новых правых» — феномен, возникший в конце 70-х — начале 80-х годов как ответ интеллектуальной элиты на распространение марксистских идей в послевоенной Европе. Центрами идей «новых правых» стали *Группа исследований европейской цивилизации* (фр. Groupement de Recherche et d'Étude sur la Civilisation Européenne, GRECE, основан в 1968 году) и *Часовой клуб* (фр. Club de l'Horloge, 1974). Эксперты обоих клубов преимущественно играли роль в стимулировании общеполитической дискуссии по вопросам общественной повестки дня, однако их институционализированное влияние на непосредственное принятие решений было сравнительно невысоко.

Во Франции, как и в Великобритании, центры внешнеполитической экспертизы встроены в органы государственной власти. Значительное влияние на разработку внешней политики оказывают члены *министерского кабинета* (фр. les cabinets ministériels)⁸, куда помимо административного аппарата министра иностранных дел входят советники по международным отношениям.

⁷ Catherine Fieschi, John Gaffney, “French think tanks in comparative perspective” in *Think tank traditions: Policy research and the politics of ideas*, edited by Diane Stone and Andrew Denham (Manchester: Manchester University Press, 2004), P. 105

⁸ Catherine Fieschi, John Gaffney, “French think tanks in comparative perspective” in *Think tank traditions: Policy research and the politics of ideas*, edited by Diane Stone and Andrew Denham (Manchester: Manchester University Press, 2004), P. 113

Например, в министерский кабинет нынешнего министра иностранных дел Лорана Фабиуса входит несколько советников по вопросам сотрудничества с международными организациями, по политике в отдельных регионах (ЕС в целом, Балканы, Северная Африка и Ближний Восток, Россия и СНГ). Советником министра по стратегическим отношениям с Россией и странами СНГ с 3 сентября 2014 года является Гийом Олланди (Guillaume Ollagnier)⁹.

Крупнейшие центры внешнеполитической экспертизы Франции – Французский институт международных отношений (фр. Institut français des relations internationales, IFRI) и Французский институт международных и стратегических отношений (фр. Institut de relations internationales et strategiques, IRIS).

Французский институт международных отношений, IFRI

Центр исследований России и Новых независимых государств (фр. Centre Russie/NEI) был создан в 2004 году. Руководит центром **Татьяна Кастьева-Жан** (Tatiana Kastueva-Jean).

Коллекция работ центра публикуется в рамках проекта Russie.Nei.Visions на французском, английском и русском языках. Центр Россия / СНГ ведет исследования по 5 направлениям: экономика и общество, новые независимые государства, российская энергетическая политика, внешняя политика и безопасность, внутренняя политика России. В период с 2010 по 2015 годы Центр опубликовал 63 работы, значительная часть которых посвящена отношениям России с Европой и США. За это же время Центр провел 17 мероприятий, больше половины которых пришлось на 2014 и 2015 годы. IFRI активно сотрудничает с российскими экспертами (Федор Лукьянов, Иван Тимофеев, Игорь Бунин и другие), а также распространяет результаты своих исследований в СМИ.

Отличительная черта французских аналитических центров состоит в том, что они стремятся подчеркнуть свою финансовую независимость как от государства, так и от бизнеса.

Опрошенные в рамках исследования Rethinking Russia респонденты во Франции отмечают критическое снижение интереса к России по сравнению с советским периодом. Тем не менее, уровень осведомленности французских респондентов по российской повестке несопоставим с уровнем респондентов из Италии и Чехии. Наиболее вероятное объяснение данного парадокса состоит в высокой степени информированности экспертов, для которых Россия представляет центральный интерес (все респонденты имеют тесные связи с Россией) на фоне неосведомленности и утраты интереса к России со стороны политической элиты.

При этом так же, как и в Чехии, высок уровень отказов в предоставлении интервью в интеллектуальной среде. Большинство согласившихся участвовать в опросе показывают позитивное отношение к России. Несмотря на отсутствие среди французских респондентов представителей деловой среды, со слов остальных опрошенных наиболее позитивное восприятие России именно у бизнесменов и топ-менеджеров крупных компаний, работающих с Россией.

⁹ Gouvernement de la République française, “Ministre des Affaires Étrangères et du Développement International”, URL: <http://www.gouvernement.fr/ministre/laurent-fabius>, декабрь 2015

исключением), то бизнес сообщество активно приветствует расширение коммерческих отношений между двумя странами.

Италия

В Италии можно отметить небольшое количество узких специалистов по России, несмотря на наличие большого количества контактов между двумя странами в политической и деловой сфере.

В отличие от Франции и Чехии, итальянские СМИ дают достаточно объективную картину по тому, что происходит в России и ее позиции в геополитическом пространстве. Как и в других странах, СМИ играют важную роль в создании целостного восприятия России общественным мнением; отсутствие в них массовой критики по российской тематике влияет на формирование нейтрального отношения к России как у политической элиты, так и у представителей научно-академической среды.

Влияние аналитических центров на принятие решений

На основе проведенных интервью можно заключить, что аналитические центры не являются каналом прямого влияния на лиц, принимающих решения, но при этом они участвуют в формировании у ЛПР общего представления о России.

На вопрос, какие европейские или национальные аналитические центры готовят отчеты по России, с уверенностью отвечают только представители академических кругов в Италии и Франции. При этом, как правило, они называют один — два центра, материалами которых они пользуются. В Чехии назвать аналитический центр, занимающийся российской проблематикой, не смог никто. Чаще всего в разговорах с общественными деятелями и бизнесом всплывают названия таких глобальных аналитических центров, как Институт Брукингса, Центр Карнеги, Фонд наследия и Центр исследований Пью.

В Европе главным каналом передачи информации аналитических центров являются печатные СМИ.

В европейском сознании есть четкое разделение источников информации на «пророссийские» или «прокремлевские» аналитические центры или СМИ. И только в некоторых случаях звучит аналогичная коннотация («прозападные» или «проамериканские») в отношении американских или европейских источников информации, выступающих с резкой критикой России. Так, например, *Observatoire Franco-Russe*, *Institute of Democracy and Cooperation*, а также такие СМИ, как *Russia Today* или *Sputnik News* квалифицируются экспертами в качестве «прокремлевских», тогда как близкие ЦРУ и Пентагону американские аналитические центры получают описание «глобальных» или «международных». Лишь некоторые эксперты во Франции открыто говорят о субъективности крупных аналитических центров, оппозиционно настроенных России.

Среди ЛПР напрямую материалами независимых (от органов власти) аналитических центров пользуются только американские политические и общественные деятели. Они ссылаются на тот или иной отчет в своих

выступлениях или интервью СМИ, которые затем воспроизводятся по другим информационным каналам – блогам, выступлениям европейских лидеров, другим СМИ и т.д. В Европе аналитические центры (не только европейские, но в совокупности) являются каналом влияния, но не каналом трансляции информации. Эту функцию выполняют печатные СМИ: ежедневные в рамках освещения по фактам и еженедельные – в рамках более глубоких обзоров.

Европейские аналитические центры являются каналом влияния, но не каналом трансляции информации.

СМИ дают обзоры-резюме основных отчетов и упоминают аналитические центры при цитировании комментариев их экспертов. Если мнения экспертов, как правило, воспроизводятся однократно, то медиа-освещение отчетов воспроизводится многократно путем цепного цитирования по разным информационным каналам. Важно при этом отметить, что цитирование будет ограничиваться одной-двумя фразами, описывающими главную идею отчета и в короткий промежуток времени многократно воспроизводиться в прессе, блогах, выступлениях лидеров, что создает так называемый *buzz-эффект*.

Важно при этом отметить, что далеко не все отчеты получают свое освещение в прессе. Информационное сопровождение касается материалов крупных аналитических центров, у которых существуют налаженные взаимоотношения со СМИ и которые на регулярной основе предоставляют пресс-релизы своих материалов или сознательно провоцируют утечку информации по некоторым закрытым отчетам (например, в случае одного из скандально известных и широко цитируемых в европейской прессе в 2015 года отчета Office of Net Assessment о синдроме Аспергера).

Во французской прессе¹⁰ из 12 сообщений, касающихся отчетов по России, шесть приходится на американские аналитические центры (половина из которых близки Пентагону или ЦРУ), три – на российский аналитический центр Гайдара (ссылка на один и тот же отчет), 2 – на европейские (лишь один из них французский) и 1 – на центры в других странах.

Европейские аналитические центры по российской проблематике

Италия
Instituto Affari Internazionali (Рим)
Instituto per gli Studi di Politica Internazionale (Милан)
Франция
Centre d'Etudes Prospectives et d'Informations Internationales (действует при кабинете премьер-министра)
Institut français des relations internationales
Institut de Relations Internationales et Strategique
Obseratoire Franco-Russe
Швейцария
Graduate Institute
Geneva International Peace Research Institute

« У имиджа России во Франции две проблемы: коммунисты Россией разочарованы, так как для них там слишком либеральная экономика, а правые не любят Россию, считая, что она слишком похожа на СССР. »

Из интервью с профессиональным госслужащим, Франция

Персональный состав экспертов

В странах Европы на государственном уровне пока нет постоянного аналитического сопровождения по России, хотя многие эксперты говорят о постепенном нарастании внимания к этому вопросу и допускают усиление исследовательских отделов по России в рамках министерств иностранных дел. Роль аналитических центров в предоставлении отчетов различным государственным структурам в Европе пока невелика.

« В Европе мало ЛПР будут цитировать аналитические центры, однако в характере их выступлений это влияние будет просматриваться, оно есть, но на бессознательном уровне... Политики подвержены влиянию своих дипломатических служб, они доверяют их информации. Вопрос в том, кого слушают сотрудники министерств иностранных дел. »

Из интервью с политическим обозревателем, Франция

Внутренние кадры государства, прежде всего, сотрудники министерств иностранных дел и постоянные члены министерского кабинета по-прежнему являются главными консультантами официальных лиц государства. Вторыми по значимости являются внешние советники в окружении того или иного политика (часто они в прошлом имели отношение к государственной службе). Они могут привлекаться для выполнения анализа по точечным вопросам о России. Частота проведения подобных исследований зависит, прежде всего, от геополитической обстановки, из чего можно заключить, что преобладающая часть таких исследований касается внешней политики РФ, ее военной стратегии. Все респонденты так или иначе допускают увеличение количества подобных внутренних отчетов в последние несколько лет, однако не могут говорить об этом с уверенностью.

Независимые аналитические центры и частные консалтинговые компании не участвуют в предоставлении услуг по экспертному анализу для политических лидеров. Эта роль может отводиться только внутренним аналитическим центрам государственных ведомств. Вместе с тем, многие эксперты выражают сомнение относительно реального влияния экспертных рекомендаций на принятие решений политическими лидерами.

У респондентов возникает затруднение при ответе на вопрос касательно заметных экспертов по России. Гораздо быстрее респонденты отвечают на

вопрос относительно того, кто дает комментарии по России в СМИ. Здесь 80% опрошенных предлагают имена широко известных журналистов, писателей-руссистов, российских бизнесменов и общественных деятелей.

«*— Легко ли найти информацию о России?*

«*— Все зависит от того, какая информация вас интересует. Новостных материалов о геополитике, взаимоотношениях Россия — ЕС очень много. Что касается экономических обзоров, то их просто невозможно найти. Кроме как цифр о ВВП, инфляции и безработице. Даже на английском нет хорошей информации и, честно говоря, в русскоязычных источниках тоже.*

Из интервью с сотрудником инвестиционного банка, Италия

Деловыми СМИ, особенно *CNBC*, дается абсолютно непредвзятая оценка России. Среди представителей деловой среды отмечаются комментарии Олега Дерипаски, выступления Эльвиры Набиуллиной и Антона Силуанова, хорошие обзоры в *The Economist*. Наиболее глубокие обзоры по России можно найти в *The Economist* и в материалах, публикуемых *CNBC*. В Италии деловые события в России получают адекватное освещение в ежедневной газете *Sloe24*.

Освещение России в СМИ

«*Мы ограничиваемся освещением работы аналитических центров в прессе» (о среде стратегических бизнес аналитиков — прим. автора).*

Из интервью с топ-менеджером одного из агентств «большой четверки», специалистом по России, СНГ и Восточной Европе

Во Франции предоставление информации о России в СМИ зачастую носит оценочный характер, сообщения не всегда ограничены только фактическим материалом.

«*ЛПР говорят столько глупостей о России. Они не обладают актуальной информацией — цифрами по рождаемости, экономическому росту, структуре экономике. Сравнивают зависимость российской экономики от добычи нефти с Саудовской Аравией, сопоставляют Россию с Венесуэлой!*

Из интервью с Иваном Бло, французским политическим деятелем, бывшим депутатом Национальной ассамблеи

На телевидении российская тематика обсуждается в рамках вечерних ток-шоу. Именно на них часто встречаются выступления *Владимира Федоровского* или *Александр Адлера*, часто приглашаемых для комментариев по России. Для комментариев «по фактам» текущей ситуации обращение идет, прежде всего, к специальным корреспондентам французского телевидения в России.

По сравнению с Францией в Италии СМИ гораздо лучше расположены к России. Один из респондентов, хорошо знакомый с обеими странами, отмечает наличие гораздо большего объема материалов по России в итальянской прессе, нежели во французской. Он отдельно отмечает итальянский еженедельник *Rapogama*, в котором регулярно публикуются глубокие обзоры по России, которым сложно найти аналога во франко- или англоязычных изданиях.

К кому обращаются СМИ за комментариями по России?

Респонденты в Италии называют имена российского руководства экономического блока в рамках комментариев финансово-экономической политики.

Также звучат имена «больших бизнесменов из России», которые часто дают интервью европейским СМИ.

Все респонденты из Чехии так или иначе ссылаются на «общественных деятелей либерального крыла».

Среди экспертов по России также называются:

во Франции: французский писатель и бывший дипломат Владимир Федоровский (Vladimir Fédorovski), историк, журналист и специалист по международным отношениям Александр Адлер (Alexandre Adler), специалист по истории России Элен Каррер д'Анкокс (Hélène Carrère d'Encausse), президент Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль (Thierry de Montbrial), корреспондент France 24 Ксения Большакова (Ksenia Bolshakova), специалист по России аналитического центра по вопросам экономики СЕРИИ Жорж Соколофф (Georges Sokoloff), исследователь Французского центра международных и стратегических отношений Арно Дюбьен (Arnaud Dubien), бывший советник Министерства иностранных дел Франции Ален Корвез (Alain Corvez), писатель, директор центра политического и стратегического анализа Stratpoi.com Ксавье Моро (Xavier Moreau);

в Чехии: второй президент Чехии Вацлав Клаус (Vaclav Klaus) журналист и писатель Ян Петранек (Jan Petránek), политолог Михаил Романцов (Michael Romantsov), журналист Давид Штахлавский (David Štáhlavský);

в Италии: специалисты по международным отношениям Алессандро Коломбо (Alessandro Colombo), Витторио Эмануэле Парси (Vittorio Emanuele Parsi)

В Чехии, несмотря на очевидно негативное восприятие России в интеллектуальном сообществе, пресса, тем не менее, дает много фактической информации и мало оценочных мнений. Практически ежедневно в основных печатных изданиях освещаются новости из России, касающиеся не только внешней политики. Много информации касается российского бизнеса, экономики, законодательства. Внимание к российской повестке в деловой прессе (прежде всего, iNNed) очевидно, является ответом на общий интерес к России в бизнес кругах.

« Чтобы найти нужную информацию, иногда требуется нанять консалтинговую компанию. И такие отчеты стоят очень больших денег. »

Из интервью с топ-менеджером промышленной компании, Франция

Интерес к России среди экспертов и лиц, принимающих решения

Европейская дискуссия о России ограничена узким кругом вопросов. Фигура российского президента бесспорно является главным информационным поводом во Франции.

«*Медиа-покрытие осуществляется не столько в отношении России, сколько в отношении Владимира Путина. Это как папа Франциск и Ватикан. Репортажи о Ватикане – это в итоге репортажи о Папе. Так и с Россией: новости о России – на самом деле это новости о Путине.*»

Из интервью с политическим обозревателем, Италия

Среди вопросов, требующих более глубокой аналитической проработки, самое большое внимание отдается внешнеполитической стратегии России, ее военным планам. Дипломатические разногласия с ЕС и США, остававшиеся долгое время в центре внимания, сегодня постепенно отходят на второй план. В Чехии спектр вопросов остается тем же, однако военная стратегия России во внешней политике с большим отрывом лидирует в этом списке. В Италии прежде всего называются темы международных отношений (взаимоотношений России и ЕС, украинский вопрос, Сирия).

Внутренняя политика освещается редко. Никто из респондентов не называет внутреннюю политику в числе наиболее интересных тем в рамках исследования России. На конкретный вопрос, что интересует Европу в рамках внутренней политики или экономики, вообще жизни в России чаще всего упоминается деятельность оппозиции, как единственный информационный повод при освещении внутренней политики России. Только респонденты в Италии говорят об освещении деловыми СМИ экономической динамики. Все респонденты говорят об отсутствии готовой качественной аналитической информации по России.

Тем не менее общий информационный фон по России (вне аналитических отчетов) сильно отличается от страны к стране. Так, респонденты в Италии и Чехии отмечают в СМИ большое количество новостей из России, а во Франции, напротив – их явный недостаток.

«*– Какие проблемы чаще всего обсуждаются во Франции в связи с Россией?
– К сожалению, вопросы персоналий (Путин, олигархи, коррупция), вопросы дипломатического или даже, скорее, военного свойства (Грузия, Украина, Крым)... и экономические провалы. Успехи – никогда!*»

Из интервью с Ж.-Л. Гуро, писателем (премия Renaudot) и журналистом (геополитический журнал La Revue)

В политической среде большинство экспертов отмечает очевидное неглижирование российской проблематики в среде политиков и профессиональных госслужащих.

* Клод Бланшмэзон (Claude Blanchemaison) — Французский дипломат, с 2000 года по 2003 годы Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в России. Выпускник Института политических наук Парижа (1968), также окончил Высшую коммерческую школу и Национальную школу администрации при премьер-министре Франции (фр. *École nationale d'Administration, ENA*) (1973). В настоящее время представляет Францию в Азиатско-Европейском Фонде (англ. *Asia-Europe Foundation*) и преподает в Университете Париж-Дофин (фр. *Université Paris-Dauphine*).

В бизнесе происходит определённая переориентация с России на соседние страны и регионы: прежде всего, Казахстан, но также на страны Восточной Европы – Польшу, Чехию, Венгрию.

В деловой среде также отмечается падение интереса к российской проблематике. Тенденция наметилась еще в кризис 2007 – 2010 годов, но со времени введения санкций она абсолютно стабильна. В бизнесе происходит определённая переориентация с России на соседние страны и регионы: прежде всего, Казахстан, но также на страны Восточной Европы – Польшу, Чехию, Венгрию.

«Крупные итальянские банки и некоторые национальные агентства, которым требуется аналитика по России, используют внешние отчеты специализированных агентств, например, Oxford Analytica и других.»

Из интервью с проф. Леонардо Морлино, вице-ректором Университета LUISS, Италия

В экспертной среде отмечается малое количество узкоспециализированных исследователей, которые бы занимались только Россией. Чаще всего Россия входит в круг их интересов наряду с СНГ, Средней Азией или, что чаще всего, Восточной Европой и Балканами. Профессия «советолога» не пережила распада СССР и постепенно уходит в прошлое вместе с представителями старшего поколения исследователей. Важно и отметить, что именно они (эксперты 60 лет и старше) обладают наиболее глубокими знаниями о России, поддерживают постоянные связи со страной в рамках регулярных поездок, чтения российских СМИ, общения с российскими коллегами.

«Внимание к России сохранялось вплоть до середины 1980-х годов. Основным двигателем этого интереса был успех итальянской коммунистической партии в период 1950х – 1970х годов. Коммунисты-интеллектуалы очень часто выезжали в СССР и поддерживали связи с советскими лидерами. Либеральное крыло итальянских политиков, а вместе с ними и экспертов, также придавало особое значение СССР. Они внимательно анализировали то, что происходит в СССР, следили за его развитием и технологиями. Этот анализ был направлен на осознание советской военной угрозы со стороны СССР. В 1980х и 1990х интерес к России сохранялся, но это был уже совсем другой интерес как по его содержанию, так и по его интенсивности.»

Из интервью с профессором Леонардо Морлино, вице-ректором Университета LUISS, Италия

Интерес к современной России намного меньше того интереса, который Европа проявляла в отношении СССР и даже меньше, чем интерес к России в период 1990-х годов. Проявлением данной тенденции стало заметное сокращение количества специальных корреспондентов. Лишь крупные медиа-группы сохраняют постоянное присутствие журналистов на российской территории.

В 1990-е годы в Европе можно было наблюдать резкий скачок интереса к России, но он начал заметно уменьшаться всего через несколько лет после распада СССР. Приблизительно с 1995 года освещение российской повестки получает негативный характер. В СМИ центральными материалами становятся

Яркие новостные поводы о России в период 01.2014 –11.2015

Внешняя политика	Внутренняя политика
Сирия. Встреча Владимира Путина с Башаром Асадом	Оппозиция (Pussy Riot, убийство Немцова)
Украина и Крым	Уничтожении санкционных продуктов
Авиа-катастрофа в Египте	Региональные выборы

публикации о «русской мафии», «Семье» Ельцина, а аналитические центры выпускают отчеты о черном рынке, коррупции и преступности.

С середины 1990-х запросы на российские исследования постепенно, но уверенно снижаются. В последние годы есть некоторый подъем в рамках анализа военно-политических стратегий России. Структуры НАТО снова работают в этой области в момента начала украинского конфликта и воссоединения Крыма с Россией.

Региональный обзор

Азия

**Александр Габуев, руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе»
Московского Центра Карнеги**

Состояние исследовательских центров по России в Азии в период 2010 — 2015 годов сложно описать единственной системой качественных показателей. В синхроническом аспекте, во всех без исключения странах региона центры и программы изучения России развиты сравнительно хуже, чем центры и программы по изучению глобальных или важных для конкретной страны игроков. В диахроническом аспекте они развиты менее, чем во времена существования СССР и в первые постсоветские годы. В большинстве стран Азии, где существуют специальные центры и программы по изучению России, 2010 — 2015 годы пришлось на пик системных проблем в области русистики: падение интереса к современной России, уход старых специалистов и усугубление разрыва поколений, сокращение финансирования (в том числе из-за влияния мирового финансового кризиса 2008-2009 годов). В то же время в отдельных странах появляется интерес к связанной с Россией глобальной и/или региональной тематикой: энергобезопасность, БРИКС, региональная интеграция в Евразии и т.д.

В синхроническом аспекте, во всех без исключения странах региона центры и программы изучения России развиты сравнительно хуже, чем центры и программы по изучению глобальных или важных для конкретной страны игроков. В диахроническом аспекте они развиты менее, чем во времена существования СССР и в первые постсоветские годы.

На уровне отдельных государств Азии влияние на качество экспертизы по России оказывают следующие факторы: объем товарооборота с Россией и уровень политических связей на современном этапе; уровень и характер отношений между данной страной и СССР; размер ВВП; характер политического режима. Безусловным лидером в Азии по уровню развития центров исследования России является КНР, что обусловлено комплексом причин:

высоким интересом Пекина к изучению причин распада СССР и развала КПСС; большим резервом кадров, учившихся в России и Советском Союзе; сравнительно большим товарооборотом; значительными инвестициями со стороны авторитарного однопартийного режима в развитие страноведческой экспертизы в целом. Далее по уровню развития русистики идут Япония, Южная Корея, Индия, Израиль, Турция, Иран, Вьетнам.

Несмотря на свой экономический динамизм, растущую роль в мировой политике и существующие связи с Россией, Азия не является регионом, где исследования современной России развиты или являются приоритетом со стороны государства, крупного бизнеса или гражданского общества. При всем различии стран Азии между собой и состоянии развития русистики в них исследования России в Азии развиты гораздо меньше, чем в США или Западной Европе. Единственным исключением, и то с оговорками, можно назвать лишь Китай. В совершенно особой ситуации находятся также исследования России в странах Центральной Азии.

Исторические предпосылки развития русистики

Слабое развитие русистики в Азии имеет причины как исторические, так и современные. До начала XX века Россия, хотя и была одной из ведущих мировых держав, свои основные усилия концентрировала в Европе. Именно из Европы в Россию начиная с XVI века приходили завоеватели, временно занимавшие столицу — Москву. Именно на европейском театре Россия участвовала в крупнейших региональных военных кампаниях («наполеоновские войны», Первая мировая война и т.д.). Географически «восточное» направление российской внешней политики, связанное с борьбой с Османской империей и с другими европейскими державами — за ее наследство, — также было органичным продолжением отношений с другими крупными державами Западной Европы. Приращение же территорий Российской империи в восточном направлении происходило не за счет создания заморских колоний, а за счет либо присоединения слабо освоенных территорий, находившихся под контролем азиатских держав лишь номинально (Дальний Восток и конфликты с маньчжурской империей Цин), либо за счет покорения сравнительно слабых государств (ханства и эмираты Средней Азии). В результате колонии России непосредственно примыкали к метрополии, а активная переселенческая политика и культурная экспансия помогали создать гомогенные в этнокультурном плане территории — примером их устойчивости стало то, что после революции 1917 года и развала СССР Россия не потеряла многие колонизированные и освоенные лишь в XIX веке территории, включая Восточную Сибирь и Дальний Восток.

Главное последствие для русистики заключалось в том, что в Азии не возникло заморских колоний, где местная элита воспринимала бы культурный стандарт метрополии, изучала бы ее язык и культуру, а после деколонизации стала бы кадровой основой для изучения Запада и выстраивания связей с ним. Изучение России и русского языка в Азии в довоенные годы носило крайне ограниченный характер и объяснялось либо военными и дипломатическими нуждами (например, в Японии), либо активной пропагандой со стороны

Коминтерна (Китай). Однако воспитанные таким образом кадры не идут ни в какое сравнение с количеством и качеством специалистов по Великобритании в Индии и Сингапуре или по Франции – во Вьетнаме.

Ситуация изменилась после Второй мировой войны, когда СССР окончательно превратился в глобальную державу и произошло формирование биполярной системы. Однако и эти факторы не привели к взрывному росту количества и качества экспертизы по России во всех азиатских странах. Заметный рост знаний о России (СССР) наблюдался лишь в государствах социалистической ориентации, имевших тесные контакты с Москвой, мощные программы отправки студентов на обучение в СССР, а также помощь советских специалистов. Примеры – КНР, КНДР, Вьетнам, многие арабские республики Ближнего Востока (прежде всего, Сирия), отчасти, — Индия (формально была членом движения неприсоединения). Этот опыт позволил значительному количеству местных кадров освоить язык, изучить культуру (пусть и советский ее вариант), а также обзавестись сетью личных контактов. В других странах региона, ориентировавшихся на США, русистика по-прежнему развивалась в ограниченном формате.

Заметный рост знаний о России (СССР) наблюдался лишь в государствах социалистической ориентации, имевших тесные контакты с Москвой, мощные программы отправки студентов на обучение в СССР, а также помощь советских специалистов. Примеры – КНР, КНДР, Вьетнам, многие арабские республики Ближнего Востока (прежде всего, Сирия), отчасти, — Индия.

Развал СССР и формирование новой России нанесли значительный удар по русистике в Азии. Снижение международного авторитета и экономического потенциала РФ в сравнении с СССР привело к тому, что изучение России становилось все менее актуальным направлением. Хотя физические возможности для изучения расширились из-за «открытия» страны и больших возможностей для проведения исследований, спрос на знания о России со стороны правительств заметно сократился. На протяжении всего периода 1991 — 2015 годов действовал еще один важный фактор, объективно влиявший на качество и количество центров и программ по изучению России – это низкая вовлеченность РФ в региональную экономику. В 1990 — 2010 годах на долю АТР никогда не приходилось свыше 30% российского торгового баланса. Доля РФ в торговле внутри АТЭС не превышала 1,5%. Соответственно, экономически Россия была слишком незначительной силой, чтобы вызвать особый интерес со стороны бизнеса, правительств и граждан для развития рынка независимой экспертизы по этой стране.

Период 2010 — 2015 годов может стать рубежом для восприятия России и в мире в целом, и в Азии в частности. С экономической точки зрения интерес к РФ не возрос – из-за стагнации национальной экономики, начавшейся еще в 2013 году (рост на 1,3% вместо обещавшихся правительством 5%), а также падения цен на металлы и углеводороды. Однако в ходе украинского кризиса Россия заявила о себе как о мощном геополитическом акторе, готовом жестко отстаивать свое понимание национальных интересов, не особенно считаясь с

материальным ущербом (физическим и экономическим). Военная операция в Крыму произвела впечатления возрождения страны как военной державы, а способность экономики выдерживать санкции в сочетании с низкими ценами на нефть поменяли представление о способности РФ абсорбировать шоки. Начавшаяся же в сентябре 2015 года операция в Сирии позволила говорить об РФ как об одном из глобальных игроков, способных добиваться максимальных результатов при ограниченных ресурсах. Все эти факторы заставляют воспринимать Россию всерьез и могут привести к увеличению стимулов для ее изучения. С узко региональной же точки зрения, объявленный Москвой в 2014 году «поворот к Азии» заставляет по-новому взглянуть на Россию и возможности экономического сотрудничества. Наконец, в 2010 – 2015 годах Россия постаралась более активно участвовать в работе многосторонних объединений: был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), принято решение о расширении ШОС за счет Индии и Пакистана, создан Новый банк развития под эгидой БРИКС, Россия стала участником механизма Восточных азиатских саммитов (ВАС) и одним из соучредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

Китай

КНР, безусловно, является лидером по исследованиям России в Азии, и одним из сильных игроков на глобальном уровне. Обзор деятельности китайских «мозговых центров» позволяет идентифицировать как минимум 30 структур (ведомственных, в рамках Академии общественных наук, при университетах, а также независимых), которые реализуют исследования по современной России. Участники рынка отмечают стабильно высокий интерес к РФ как со стороны общества, так и со стороны элиты — лиц, принимающих решения (ЛПР) на уровне государства и крупных предприятий. Среди факторов, поддерживающих этот высокий интерес, чаще всего называются три.

Первый и главный фактор интереса к России – стремление проанализировать причины развала СССР и падения КПСС. Китайские лидеры убеждены, что анализ краха советской модели может помочь Коммунистической партии Китая (КПК) избежать ошибок и сохранить власть.

Первый и главный – стремление проанализировать причины развала СССР и падения КПСС. Китайские лидеры убеждены, что анализ краха советской модели может помочь Коммунистической партии Китая (КПК) избежать ошибок и сохранить власть. Первая кампания по изучению причин развала Советского Союза началась в 1991 году и продолжалась до 2002 года, когда у руля партии и государства в КНР находился Цзян Цзэминь. Вторая волна интереса приходится на годы правления Ху Цзиньтао (2002-2012), в особенности в периоды «цветных революций» на постсоветском пространстве (2003-2005) и «арабской весны» (2011-2012). Наконец, третий этап начался уже при нынешнем лидере Си Цзиньпине в декабре 2012 года и продолжается до сих пор. Китайский режим инвестировал большие средства для укрепления кадрового потенциала русистики, а также для создания достаточного количества организаций для трудоустройства новых специалистов. Помимо публикаций в открытых источниках (доклады, монографии и научные статьи)

китайские русисты готовят много закрытых материалов для сотрудников партии и высшего руководства (*нэйбу цанькао цзыляо*), а также участвуют в подготовке обучающих фильмов об уроках падения СССР для руководящих работников КПК (последняя серия таких фильмов была подготовлена в 2013 года).

Кремль и Чжуннаньхай совпадают во взглядах на роль западного лидерства в мире, на глобальные и региональные угрозы, выступают соучредителями Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также развивают партнерство в рамках БРИКС.

Второй фактор интереса к России – политическое партнерство между Пекином и Москвой. Кремль и Чжуннаньхай совпадают во взглядах на роль западного лидерства в мире, на глобальные и региональные угрозы, выступают соучредителями Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также развивают партнерство в рамках БРИКС. Хотя эти отношения нельзя назвать альянсом (невступление в военные альянсы с третьими странами является частью внешнеполитической доктрины Китая), Россия и КНР проводят масштабные военные учения (как в рамках ШОС, так и двусторонние), а также являются партнерами в рамках военно-технического сотрудничества (КНР – крупнейший клиент российского ВПК). Наконец, третий фактор – сравнительно большой товарооборот (91 млрд. долларов США в 2014 году, по итогам 2015 году ожидается объем около 60 млрд.).

Структура китайского сообщества по изучению России отражает общую модель организации прикладного страноведения в КНР. В современном Китае существует три крупные группы исследовательских организаций: институты в системе Академии общественных наук (АОН, аналог РАН по гуманитарным дисциплинам) и ее региональные подразделения, «мозговые центры» при ВУЗах и ведомственные исследовательские организации. Большая часть исследователей состоит в Китайской национальной ассоциации исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии.

Наибольшее штатное расписание, количество открытых публикаций, конференций и т.д. – у институтов в системе АОН. В плане русистики головным институтом является Институт изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии (бывший Институт СССР), в котором трудятся около 150 человек. Кроме того, значительный штат русистов у региональных отделений АОН в приграничных провинциях Хэйлуцзян, Цзилинь, Автономном районе Внутренняя Монголия, а также в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Меньше ресурсов у университетов, особенно если рассматривать каждый ВУЗ в отдельности и учитывать жесткую конкуренцию между ними. Самый большой центр вузовской русистики – Центр изучения России при Восточно-Китайском педагогическом университете в Шанхае, крупные центры есть при университетах Харбина и Урумчи. Наконец, ведомственные «мозговые центры» (а также близкие к ним специально созданные «независимые» центры) не столь заметны в публичном плане, однако пользуются куда большим влиянием внутри системы.

Китайская академия общественных наук CASS

Елена Коломина, магистр Китайского университета Гонконга

Китайская академия общественных наук CASS (КАОН) лидирует в ряде китайских рейтингов мозговых центров и признана как один из ведущих *«think tanks»* Китая западными специалистами. Основанная еще на заре Дэновских реформ в 1977 году, академия по-прежнему обладает высокой репутацией, и по уровню признания экспертизы в области общественных наук в Китае, пожалуй, никем не превзойдена.

Организационная структура CASS жестко вертикальна, 6 академических подразделений подчинены академической коллегии, всего в академии находятся 40 исследовательских институтов и несколько аффилированных центров. С самого момента основания CASS, во главе которой стал крупный политик Ху Цяому, интеграция академии с компартией не скрывается. Напротив, с учетом специфики политического процесса в современном Китае, близость к власти зачастую является значительным преимуществом для исследователей.

Активная вовлеченность в политический процесс путем **консультирования и участия во встречах с представителями власти**, делает CASS мозговым центром Китая, а не просто крупной академической единицей. Помимо выполнения основной исследовательской работы, CASS исполняет партийные заказы на исследовательские проекты. К примеру, Чжу Сюфэн оценивает количество таких запросов в 10-20 ежегодно.

Вместе с тем КАОН не следует относить к организации, удовлетворяющей исключительно партийные нужды. Напротив, в последние годы **зона самостоятельности академии неизменно расширялась**. Помимо закрытых докладов, попадающих на стол представителей власти, CASS уже на протяжении многих лет предоставляет аналитику по ряду направлений для публичного пользования. К этому относятся не только материалы, доступные на официальном сайте, но и многотиражная литература выходящая в свободную печать.

Одним из примеров тому может служить деятельность подразделения международных отношений, к которому относятся 9 исследовательских институтов, большинство из которых поделены по географическому признаку.

Так, к примеру, вопросами России занимается Институт евроазиатских исследований. За последнее пятилетие только этим подразделением издано около дюжины книг, посвященных России и, прежде всего, личности В.В. Путина. Помимо этого, институт выпускает доклады и отчеты по экономическому развитию России, удовлетворяя при этом интересы бизнеса.

В то время как можно только догадываться о том, насколько мозговые центры в целом и, CASS в частности, непосредственно влияют на разработку внешне- и внутри-политического курса Китая, CASS на сегодняшний день является одним из самых авторитетных поставщиков экспертизы по международным и внутренним делам в Китае.

Хотя «докладные записки» для высшего руководства пишут почти все организации, прямой доступ на столы членов Политбюро среди аналитических структур имеют именно ведомственные «мозговые центры», прежде всего, – Китайская академия современных международных проблем (КАСМО, бывшее подразделение Министерства государственной безопасности КНР, сохраняющее тесные связи с разведсообществом и сейчас). Именно аналитика КАСМО наряду с материалами МГБ, МИД и военных больше всего учитывается при принятии политических решений. Многие аналитики признают, что ведущую роль играют все же ведомства, в то время как ученые играют скорее вспомогательную роль.

Коммерческие же компании (прежде всего, государственные) имеют собственный обширный штат русистов, но порой прибегают и к услугам внешних центров. Активная цитируемость в СМИ и приглашение на аналитические программы на национальном телевидении являются одними из критериев востребованности экспертов со стороны общества, но никак не транслируются на роль экспертов в общегосударственной системе принятия решений – учитывая низкую роль общества в выработке политики.

Китайские эксперты, как ведомственные, так и академические, регулярно бывают в России (ведущие – 2-3 раза в год) и имеют контакты в экспертной среде. Речь идет как о партнерстве с конкретными организациями (Российский совет по международным делам, МГИМО, МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ), так и об участии в научных конференциях и заседаниях экспертных клубов (в том числе клуба «Валдай»).

Ключевые темы

История СССР

Внешняя политика России

Российский ТЭК

Основной фокус исследований, учитывая интересы руководителей КНР – это последние годы существования СССР, опыт постсоветской трансформации и институционального строительства в РФ, внутренняя политика в ее институциональном измерении (партийное строительство и т.д.). Второе магистральное направление исследований – внешняя политика России, в том числе российско-китайские отношения, отношения РФ с Западом, а также политика на постсоветском пространстве, особенно в Центральной Азии. Наконец, третье важное направление – российский ТЭК. В 2010-2015 годах рос интерес к внешней политике РФ на Кавказе и в Центральной Азии, изучалась интеграция на постсоветском пространстве и опыт создания ЕАЭС, увеличилось количество работ в сфере «путинологии». Участники рынка фиксируют запрос на исследования по российской экономике, однако именно это направление (а также внутриэлитная динамика в РФ и ситуация в регионах кроме Дальнего Востока) называются в числе проблемных и наименее изученных.

В связи с событиями 2014 — 2015 годов интерес к России в китайском обществе, а также среди ЛПР, заметно вырос. Все участники рынка считают, что экспертная среда КНР способна обеспечить необходимый уровень знаний и анализа. В то же время некоторые исследователи отмечают, что неспособность предсказать присоединение Крыма, войну на востоке Украины и участие России в сирийской кампании ставит перед сообществом новые задачи. Вопрос, вероятно, не столько в отсутствии ресурсов, сколько в глубине понимания России у нынешнего поколения специалистов. Одним из ответов должно стать выстраивание связей с сообществом русистов на Западе.

Япония и Южная Корея

Сообщества русистов в Японии и Южной Корее во многом схожи, поэтому могут быть типологически объединены в одну группу. Это объясняется схожестью внешних условий. Обе страны являются крупными диверсифицированными экономиками с большим технологическим потенциалом и нехваткой природных ресурсов; устоявшимися демократиями с волатильной партийной динамикой; географическими соседями России; военными союзниками США. В Японии интерес к России во многом определяется наличием территориального спора вокруг принадлежности южных Курильских островов, в Южной Корее – наличием ядерной угрозы со стороны КНДР и участием России в «шестисторонних переговорах».

Доминирующую позицию в русистике в обеих странах играют «мозговые центры», обслуживающие ведомственные интересы, а также крупнейшие университеты. В Японии крупнейшим и одним из наиболее влиятельных центров русистики считается Университет Хоккайдо в Саппоро, имеющий наибольший штат сотрудников. Другими влиятельными организациями являются Японский институт международных исследований (связан с МИД), а также Национальный центр исследований вопросов обороны («мозговой центр» сил самообороны Японии). В последние годы заметную роль стал играть фонд «Токио», аккумулировавший значительную поддержку со стороны бизнеса.

Доминирующую позицию в русистике в обеих странах играют «мозговые центры», обслуживающие ведомственные интересы, а также крупнейшие университеты.

В Южной Корее важную роль играют Сеульский национальный университет, а также университет Хангук. Среди «мозговых центров», близких к центрам принятия решений, важнейшим считается Корейский институт экономической политики (KEIP). Именно эти центры близки к ЛПР, они же являются видными источниками для комментариев в СМИ. В то же время общественное мнение играет заметную роль при формулировании политики на российском направлении (особенно в Японии), а палитра мнений весьма обширна. Важное практическое значение это имеет для Японии, где отношение общества к России из-за территориальной проблемы сужает пространство для маневра официального Токио.

Участники рынка фиксируют, что с момента распада СССР интерес к России стабильно падал. Пик падения пришелся на 1990 — 1999 годы, когда РФ была

экономически и политически слаба, а ее ресурсы не представляли значительного коммерческого интереса. Этот период характеризуется оттоком молодых кадров, сокращением финансовых ресурсов, исчезновением ставок в университетах, отсутствием корпоративного интереса. Наконец, в 2010 – 2015 годы интерес продолжает расти, в особенности в сфере внешней политики. События 2014 – 2015 годов интересны в Японии и Южной Корее, прежде всего, с точки зрения укрепления российско-китайского взаимодействия и перспектив превращения Москвы в младшего партнера Пекина. Ведущие темы в исследованиях в обеих странах – экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии, роль России в решении ядерной проблемы КНДР, освоение Дальнего Востока, российская энергетика, перспективы развития транспортного комплекса на Дальнем Востоке. В Японии по понятным причинам важную роль играет анализ динамики территориального конфликта.

Состояние русистики в Японии

Андрей Варкентин, аналитик проекта

Япония – страна, обладающая большим количеством аналитических центров, только относительно крупных организаций – 22, больше только в США и ЕС. Основными «фабриками мысли» являются

- Японский институт международных дел, созданный в 1959 году и тесно сотрудничающий с Правительством Японии и МИДом Японии. В дополнение к широкому диапазону исследовательских проектов, институт способствует развитию совместных исследований с другими институтами и специалистами внутри страны и за рубежом, исследует японскую внешнюю политику и консультирует правительство, публикует информацию о международных отношениях;
- Национальный институт оборонных исследований, созданный в 1952 году и выступающий в качестве правой руки Министерства обороны при проведении научных исследований в сфере безопасности и военной истории, а также высшего учебного заведения для подготовки офицеров высшего звена;
- Фонд Токио, созданный в 1997 году и представляющий конкретные политические предложения, основанные на глубоком анализе проблемы в сочетании с четким пониманием повседневной жизни и реальности на местах. Токийский Фонд также воспитывает будущих социально вовлеченных лидеров с широким взглядом и глубоким пониманием мира, как в Японии, так и за рубежом.

Общие настроения аналитических работ носят по отношению к РФ критический характер. При этом дискурс о России можно разделить на отрицательный (публикации о Северных территориях, сотрудничестве РФ-Китай), нейтральный (экономические отношения Японии и России, в основном, энергетическое сотрудничество) и редко положительное.

В позитивном ключе пишут о России эксперты, которые непосредственно обучались в России или странах социалистического лагеря. Например, Абиру Тайске, эксперт Фонда Токио в сфере энергетической политики России и российско-японских отношений, закончил магистратуру МГИМО, Ока Хироки, директор, Центр исследований северо-востока Азии при Университете Тохоку, учился в Монголии, читал лекции в Новосибирске.

Представители русистики обеих стран хорошо осведомлены о России, регулярно посещают ее, участвуют в работе двусторонних научных форматов, а также многосторонних клубов («Валдай», Ярославский политический форум). Развиты и горизонтальные связи. В Корее действует Корейская ассоциация славистики, в Японии – Японский совет по изучению России и Восточной Европы. При этом в последнее время начал преодолеваться разрыв поколений. Главная проблема, которую фиксируют участники рынка – невысокий корпоративный интерес к русистике, стремление компаний опираться на свои ресурсы.

Индия

Индия, несмотря на официальную риторику о двусторонней дружбе и былых связях времен СССР, опускается все ниже по уровню развития русистики. На то есть значительные объективные причины: небольшой товарооборот, ограниченность торговли несколькими крупными компаниями, доминирование ВТС в системе двусторонних отношений, низкий интерес к Индии в России, отсутствие конкурентоспособных отраслей за исключением ВПК, представляющих интерес для индийской экономики.

В Индии насчитывается около 20 центров, в той или иной форме занимающихся Россией. Единственный крупный – Центр российских исследований при Университете им. Джавахарлала Неру. Значимой организацией является российская программа Observer Research Foundation (ORF), ведущего независимого «мозгового центра» в Индии, имеющего влияние на ЛПР. Сообщество является малочисленным и разобщенным – в Индии нет ассоциации русистов, средний возраст участников рынка растет, а финансирование программ (государственное и корпоративное) – падает. При этом сами специалисты регулярно бывают в России, участвуют в двусторонних мероприятиях (и организуют их, например, Российско-индийский стратегический диалог) и работе «Валдая».

По отзывам участников рынка, доминирующее влияние на этом поле, тем не менее, играют военные – во многом из-за роли ВТС в структуре двусторонних отношений и неподверженности армии переменам, свойственным гражданской администрации из-за электорального противостояния двух крупнейших партий (Индийский национальный конгресс и «Бхарата Джаната Пати»). Мнение ЛПР о России на уровне государства формируется во многом именно военными специалистами, при этом лидеры ORF также участвуют в «разговоре» (в основном на темы БРИКС, регионального сотрудничества, реформы глобальной финансовой архитектуры и т.д.). Структурой сообщества определяются и основные темы исследований – внешняя политика России, развитие ВПК и армии, участие России в альтернативных структурах глобального управления, отношения РФ с Пакистаном, Ираном, Китаем, Центральной Азией.

Период 2010 – 2015 годов является частью нисходящего тренда в отношении интереса к России и доступных исследователям ресурсов. В этом плане события 2014 – 2015 годов не сильно повысили интерес, поскольку для Индии и события в Европе, и конфликт в Сирии не являются важными приоритетами (при этом фиксируется неустойчивый рост интереса к России в последние

месяцы именно из-за ситуации на Ближнем Востоке и укрепления ИГИЛ). Еще один фактор роста интереса – потенциал сотрудничества в БРИКС, но и здесь интерес не слишком заметный. Самых ЛПР уровень экспертизы в целом удовлетворяет, так как Россия видится как все менее релевантный для Индии партнер.

Тренды и перспективы

Результаты исследования показывают, что интерес к России существенно снизился в середине 1990-х годов в результате деградации российской экономики и снижения влияния страны на международной арене. Если в период холодной войны профессия «советолога» была востребована лицами, принимавшими решения, то с распадом СССР она постепенно исчезла. В 1990-е годы было существенно сокращено или прекращено полностью государственное финансирование исследований, что для большинства аналитических центров означало практически безальтернативное исчезновение данного исследовательского направления. Россия перестала выделяться в отдельное направление исследований и стала исследоваться в связке с государствами Восточной Европы, Балканами и Средней Азией.

Сами аналитические центры, сражаясь друг с другом за лучших экспертов и возможности для исследований, в последние годы стали более политизированы и конъюнктурно ориентированы.

Следствием такой ситуации стало «размывание» экспертного сообщества русистов и постепенное снижение качества аналитики по России. Все эксперты, опрошенные в рамках исследования, отмечают существенный недостаток или (в некоторых сферах) полное отсутствие готовой качественной аналитики по вопросам русистики. В качестве подтверждения данного тезиса периодически приводится неспособность экспертов прогнозировать стратегию России в конфликте на юго-востоке Украины, а также ее участие в сирийской кампании. В дополнение ко всему отсутствие организованного исследовательского сообщества негативно влияет на российскую публичную дипломатию и, в конечном итоге, на имидж России за рубежом.

В 2014 — 2015 годах наблюдался всплеск публикаций аналитических центров по России. Эксперты отмечают особый рост интереса в таких сферах как российская политика, экономика, военное строительство. Русисты стали более востребованы в СМИ — их все чаще приглашают на радио и телевидение для того, чтобы выступить с комментарием. Одновременно иницируются процессы по восстановлению программ поддержки русистики: в качестве примера можно привести восстановление программы Института Кеннана. Однако многолетний кадровый голод и отсутствие молодых специалистов, равно как и отсутствие программного систематического подхода к исследованиям, привели к тому, что эти публикации носят конъюнктурный и

поверхностный характер. С подобными оценками согласны как сами зарубежные эксперты, так и российские наблюдатели.

СМИ в этой связи выступают в качестве транслятора оперативных комментариев и публикаций аналитических центров. В сравнении с аналитическими центрами они обладают более широкой аудиторией и разнообразными возможностями позиционирования контента.

Сообщество американских русистов наиболее институционализировано, исследования ведутся если не систематически, то хотя бы регулярно. Американские эксперты также отмечают антироссийский характер публикаций о России, объясняя это низким уровнем торгового оборота между странами, и, как следствие, — низким потенциальным ущербом от генерируемых политических рисков (в отличие, например, от ситуации в американо-китайских отношениях). Россия в этих условиях — легкая мишень.

Как показывают результаты экспертных интервью, в Европе достаточно сильно влияние СМИ на лиц, принимающих решения. Важно, однако, что сами зарубежные аналитические центры во многом опираются на исследования российских коллег и их комментарии. В этой связи особенно актуальной видится задача российских «мозговых центров» по качественному освещению российских событий для международного исследовательского сообщества.

Очевидно, что в разной степени, деятельность аналитических центров оказывает влияние на лиц, принимающих государственные решения. Такого рода сотрудничество может строиться в различных форматах: от частного консультирования до функционирования аналитического центра как квазигосударственного органа. Вне зависимости от формата публикации аналитических центров создают определенный фон для общественно-политического дискурса, а потому важно развивать международное сотрудничество с зарубежными экспертами. В результате совместных экспертных мероприятий зарубежные специалисты лучше понимают российский контекст и могут высказывать более взвешенные суждения.

Драйверами исследовательской активности в отношении России можно назвать объем внешнеэкономического сотрудничества и позиции на международной арене. В этой связи потенциальным ресурсом для развития исследований России могут стать зарубежные корпорации, заинтересованные в сотрудничестве. В отношении же международной политики события последних лет показывают, что интерес к России в этом контексте будет только возрастать.

Приложение

Россия в проектах зарубежных аналитических центров

Название	Страна	Год основания	Руководитель	Частота публикаций о России
Австралийский институт	Австралия	1994	Бен Окуист	Редко
Австралийский институт международных отношений	Австралия	1933	Мелисса Конли Тинер	Периодически
Центр независимых исследований	Австралия	1976	Грэг Линдсей	Редко
Центр стратегических исследований	Австралия	1993	Джим Рольфи	Периодически
Institute for Economics & Peace	Австралия	2007	Обри Фокс	Часто
Институт международной политики Лови	Австралия	2003	Михаил Фуллилов	Часто
Австралийский институт стратегической политики	Австралия	2001	Питер Дженнингс	Часто
Центр политических разработок	Австралия	2010	Стивен Хоус	Часто
Восточноазиатское бюро экономических исследований	Австралия	2006	Петр Драйздейл	Периодически
Институт по связям с общественностью	Австралия	1943	Джон Роскам	Периодически
Сиднейский университет	Австралия	1989	Жерар Хендерсон	Периодически
Центр военно-стратегических исследований	Австралия	1966	Кетрин Бретт	Редко

Международный институт анализа прикладных систем	Австрия	1972	Павел Кабат	Часто
Венский институт международных экономических исследований	Австрия	1973	Элизабет Хаген	Часто
Центр экономических исследований	Азербайджан	1999	Калиб Тогрул	Редко
Центр экономического и социального развития	Азербайджан	2005	Вугар Байамов	Часто
Центр Стратегических исследований	Азербайджан	2007	Фархад Маммадов	Периодически
Центр распределительных, трудовых и социальных исследований	Аргентина	2002	Леонардо Гаспарини	Редко
Центр по реализации государственной политики содействия справедливости и роста	Аргентина	2000	Эдуардо Леви Йеяти; Фернандо Страфасе	Редко
Аргентинский совет международных отношений	Аргентина	1978	Адальберто Родригес Гиаварини	Часто
Латиноамериканский совет социальных наук	Аргентина	1967	Пабло Хентили	Часто
Фонд латиноамериканских экономических исследований	Аргентина	1964	Хуан Педпо Мунро	Редко
Фонд Свободы	Аргентина	1988	-	Периодически
Институт интеграции Латинской Америки и Карибов	Аргентина	1965	Густаво Белис	Редко
Аргентинский центр международных исследований	Аргентина	2005	Ариэль Гонсалес Левагги	Часто
Международный центр человеческого развития	Армения	2000	Армен Галстян	Периодически
Аналитический центр по глобализации и региональному сотрудничеству	Армения	2002	Степан Григорян	Часто
Исследовательский и Аналитический центр Афганистана	Афганистан	2002	Надер Надери	Периодически
Афганский Институт Стратегических Исследований	Афганистан	2012	Давуд Морадян	Редко
Институт Нассау	Багамские острова	1995	Рик Лове	Периодически

Бангладешский Институт Международных Стратегических Исследований	Бангладеш	1978	Абдур Рахман	Периодически
Брейгель	Бельгия	2005	Гунтрам Вульф	Часто
Центр европейской политики	Бельгия	1997	Пол Скайт Кристоферсен	Часто
Центр Европейской политики	Бельгия	1997	Херман Ван Ромпей	Часто
Центр исследований европейской политики	Бельгия	1983	Карел Ланноо	Редко
Эгмонт, Королевский институт международных отношений	Бельгия	1947	Марк Отте	Периодически
Европейский центр по международной политической экономии	Бельгия	2006	Патрик Мессерлин	Часто
Европейская служба парламентских исследований	Бельгия	2013	Этьен Бассо	Часто
Европейский институт профсоюзов	Бельгия	2005	Игнасио Фернандес Тохо	Редко
Международная группа по предотвращению кризисов	Бельгия	1995	Жан-Мари Геэнно	Часто
Центр изучения экономической и социальной действительности	Боливия	1978	Роберто Ласерна	Редко
Фонд "Миллениум"	Боливия	1990	Марио Наполеон Пачеко	Часто
Институт перспективных исследований в области развития	Боливия	2008	Ксимена Коронадо Тито	Редко
Бразильский центр международных отношений	Бразилия	2004	Роберто Фендт	Часто
Институ прикладных экономических исследований	Бразилия	1964	Жозе Эдуарду Элиас Ромау	Редко
Институт Фернандо Энрике Кардосо	Бразилия	2004	Сержио Фаусто	Редко
Институ Миллениум	Бразилия	2005	Присцилла Барбоза Перейра Пинто	Редко
Фонд Жетулиу Варгас	Бразилия	1944	Карлос Иван Симонсен Леаль	Периодически
Центра российских и восточно- европейских исследований Университета г. Бирмингем	Великобритания	1963	Ричард Коннолли; Джереми Моррис	Часто

Эмнести Интернешенл	Великобритания	1961	Салил Шетти	Часто
Центр Экономико-политических Исследований	Великобритания	1983	Ричард Портес	Часто
Международный центр институциональных исследований	Великобритания	1958	Джон Чипман	Часто
Демос	Великобритания	1993	Джейм Барлет	Периодически
Институт полярных исследований имени Скотта	Великобритания	1920	<u>Джулия Даудесвелл</u>	Часто
Европейский совет международных отношений	Великобритания	2007	Дик Устинг	Часто
Чатэм-Хаус, Королевский институт международных отношений	Великобритания	1920	Робин Ниблетт	Часто
Институт европейской политики в области охраны окружающей среды	Великобритания	1976	Дэвид Бэлдок	Редко
Институт исследований в области развития	Великобритания	1966	Мелисса Лич	Часто
Международный институт изучения радикализации и политического насилия	Великобритания	2008	Петер Нойманн	Периодически
Сеть по вопросам политики	Великобритания	1900	Питер Мендельсон	Редко
Институт Легатум	Великобритания	2009	Сиан Хансен	Часто
Идеи Лондонской школы экономики: международные дела, дипломатия и стратегия	Великобритания	2008	Майкл Кокс	Периодически
Фабианское общество	Великобритания	1884	Эндрю Харроп	Периодически
Центр Прохорова	Великобритания	2014	Евгений Добренко; Хенк де Берг	
Институт Правительства	Великобритания	2008	Петер Ридделл	Редко
РесПублика	Великобритания	2009	Филипп Блонд	Периодически
Организация мэров крупных городов	Великобритания	2003	Танн вом Хов	Редко
Институт Адама Смита	Великобритания	1977	Мадсен Пири	Периодически
Центр исследования экономической политики	Великобритания	1983	Ричард Портес	Периодически
Центр европейских реформ	Великобритания	1996	Чарльз Грант	Часто

Цивитас: Институт исследований гражданского общества	Великобритания	2000	Дэвид Грин	Часто
Институт экономических проблем	Великобритания	1978	Марк Литлвуд	Периодически
Международный институт окружающей среды и развития	Великобритания	1971	Эндрю Нортон	Часто
Международный институт стратегических исследований	Великобритания	1958	Мадсен Пири	Часто
Центр европейских, российских и евразийских исследований Университета Бирмингема	Великобритания	1963	Тим Хогтон	Часто
Центр российских, центрально- и восточноевропейских исследований Университета Глазго	Великобритания	2006	Ричард Берри	Периодически
Центр российских и восточноевропейских исследований Университета Оксфорда	Великобритания	1900	Рой Аллисон	Периодически
Российский институт Королевского колледжа Лондона	Великобритания	1900	Сэм Грин	Часто
Центр международного развития	Великобритания	2008	Джонатан Ли	Периодически
Центр политических исследований	Великобритания	1974	Морис Саатти	Часто
Центр стратегических исследований и анализа	Великобритания	2008	Алпаслан Озердем	Часто
Центр по изучению государственной политики	Великобритания	1976	<u>Ричард Роуз</u>	Периодически
Демос	Великобритания	1993	Клаудия Вуд	Редко
Европейский совет по международным отношениям	Великобритания	2007	Марк Леонард	Часто
Форум по европейской политике	Великобритания	1992	Лорд Тугендгат	Редко
Институт фискальных исследований	Великобритания	1969	Пол Джонсон	Редко
Институт общественно-политических исследований	Великобритания	1988	Ник Пирс	Редко
Институт стратегического диалога	Великобритания	-	Саша Гавличек	Периодически

Британско-американский совет по безопасности информации	Великобритания	1987	Тревор МакКрискен	Часто
Фонд новой экономики	Великобритания	1986	Анна Кут	Часто
Институт новой политики	Великобритания	-	Питер Кенвей	Периодически
Институт зарубежного развития	Великобритания	1960	Джеймс Кэмерон	Часто
Оксфордская исследовательская группа	Великобритания	1982	-	Часто
Полиси эксчендж	Великобритания	2002	Дин Годсон	Редко
Институт Рейтер по исследованию журналистики	Великобритания	2006	Дэвид Леви	Часто
Объединенный королевский институт услуг	Великобритания	1831	Майкл Кларк	Часто
Стейтвотч	Великобритания	1991	Тони Бунян	Часто
Центр мониторинга по сохранению мира	Великобритания	1979	Роберт Напир	Редко
Кильский институт мировой экономики	Германия	1914	Соня Петерсон	Часто
Фонд имени Конрада Аденауэра	Германия	1955	Ганс-Герт Потеринг	Часто
Институт изучения общества Макса Планка	Германия	1985	Дженс Бекерт	Периодически
Франкфуртский институт мира	Германия	1970	Гарольд Мюллер	Часто
Потсдамский институт климатических изменений	Германия	1992	Ганс Йоахим Шельнхубер	Периодически
Transparency International	Германия	1993	Эдда Мюллер	Часто
Центр исследования прикладной политики	Германия	1995	Вернер Виденфельд	Редко
Немецкий институт экономических исследований	Германия	1925	Грет Г. Вагнер	Редко
Греческий фонд европейской и зарубежной политики	Греция	-	Лукас Цоукалис	Часто

Грузинский фонд стратегических и международных исследований	Грузия	1998	Эка Метревели	Периодически
Центр исследовательских ресурсов Кавказа	Грузия	2003	Гурсель Алиев	Периодически
Датский институт международных исследований	Дания	2002	Нанна Видт	Часто
Копенгагенский институт исследований будущего	Дания	1970	Клаус Кьельдсен	Периодически
Датский институт по правам человека	Дания	1987	Йонас Кристофферсен	Часто
Датская ассоциация изучения европейского сообщества	Дания	1976	Кристалла Руэдер-Риннинг	Часто
Всемирный фонд демократии и развития	Доминиканская Республика	2000	Марко Эррера	Периодически
Египетский центр экономических исследований	Египет	1900	Шериф Эль-Дивани	Редко
Центр Стратегических Исследований Бегин-Садат	Израиль	1993	Томас О Хетч	Часто
Научно-исследовательский институт по Продвижению Мира имени Г.Трумэна	Израиль	1965	Наама Шпетер	Периодически
Центр обновления израильской демократии «Молад»	Израиль	2012	Михаель Манекин	Периодически
Институт "Реут"	Израиль	2004	Натали Офир-Флинт	Часто
Совет иностранных дел Израиля	Израиль	1989	Дэн Мэридор	Часто
Иерусалимский центр государственных дел	Израиль	1976	Доре Голд	Часто
Политический Форум Кохелет	Израиль	2012	Моше Кошпел	Часто
Институт исследований национальной безопасности	Израиль	2006	Амос Ядлин	Часто
Международный институт противодействия терроризму	Израиль	1996	Боаз Ганор	Редко
Центр исследования науки, технологии и политики	Индия	2005	В.С. Аруначалам	Периодически
Центр гражданского общества	Индия	1997	Льюис Миранда	Редко

Центр политических исследований	Индия	1973	Пратап Бхану Мехта	Периодически
Центр изучения развивающихся обществ	Индия	1963	Санхай Кумар	Периодически
Делийский центр по исследованию политики	Индия	1994	Сиддхарт Шрирам	Часто
Центр альтернатив развития	Индия	1984	Ашок Косла	Периодически
Институт энергии и ресурсов	Индия	1974	Р К Пачаури	Часто
Индийский совет по глобальным отношениям Gateway House	Индия	2009	Манхеет Крипалани	Периодически
Индийский научно-исследовательский центр по изучению политологии и общественной политики	Индия	2013	Н. Рам	Редко
Индийский Совет по исследованиям Международных Экономических Отношений	Индия	1981	Рахат Катуриа	Часто
Институт по исследованию и анализу обороны	Индия	1965	Шри Манохар Паррикар	Часто
Институт экономического роста	Индия	1958	Нитин Десай	Периодически
Институт по исследованию мира и конфликтов	Индия	1996	Атуль Чатурведи	Часто
Национальный Совет прикладных экономических исследований	Индия	1956	Нандан М Нилекани	Периодически
Фонд наблюдательного исследования	Индия	1990	Сунджой Джоши	Часто
Центр исследования сухопутных войн	Индия	2004	Балрах Сингх Нагал	Часто
Институт Объединенных Служб Индии	Индия	1870	П.К.Сингх	Часто
Института исследования вопросов развития имени Индиры Ганди	Индия	1987	С.Махендра Дев	Редко
Институт экономических исследований стран АСЕАН и Восточной Азии	Индонезия	2007	Хидетоши Нишимура	Периодически
Центр стратегических исследований	Иордания	1984	Муса Штейви	Редко

Институт политических и международных исследований	Иран	1983	Мостафа Захрани	Редко
Институт исследований Ирана и Евразии	Иран	-	Мехди Санаи	Часто
Центр стратегических исследований	Иран	1989	Али Акбар Велаяти	Часто
Институт экономических и социальных исследований	Ирландия	1960	Алан Барретт	Редко
Институт международных и европейских дел	Ирландия	1991	Том Арнольд	Часто
Центр изучения политики в Арктике	Исландия	2013	Маргрет Села	Периодически
Барселонский центр международных отношений	Испания	1973	Хорди Бакария Колом	Часто
Фонд международных отношений и внешнего диалога	Испания	1999	Педро Солбес	Часто
Фонд анализа и социальных исследований	Испания	2002	Хосе Мария Аснар	Часто
Реальный институт Элькано	Испания	2001	Эмилио Ламо де Эспиноса	Часто
ГРЭЙНС	Испания	1990	Изабелла Дефорж; Джон Хилари; Марк Рандассо	Редко
Фонд альтернатив	Испания	1997	Пере Портабела Рафолс	Периодически
Фонд Каролина	Испания	2000	Хесус Андреу Ардура	Редко
Европейско-средиземноморский центр изменения климата	Италия	2005	Лаура Панзера	Периодически
Институт международных политических исследований	Италия	1934	Джанкарло Арагона	Часто
Институт внешней политики	Италия	1965	Эttore Греко	Часто
Институт Бруно Леони	Италия	2003	Франко Дебенедетти	Часто
Институт Европейского университета	Италия	1976	Джозеф Х.Х. Вейлер	Часто
Центр международных исследований	Италия	2004	Андреа Маргелетти	Часто
Международный центр управления климатом	Италия	2009	Карло Карраро	Периодически

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан	Казахстан	1993	Карин Ерлан Тынымбайулы	Часто
Институт мировой экономики и политики	Казахстан	2003	Султан Акимбеков	Часто
Институт кооперации и мира Камбоджи	Камбоджа	1994	Поу Сотирак	Редко
Международный центр по предотвращению преступности	Канада	1994	Шанталь Берниер	Редко
Международный центр исследования проблем развития	Канада	1970	Монте Сольберг	Редко
Международный институт устойчивого развития	Канада	1990	Скотт Воун	Периодически
Институт Макдональда-Лурье	Канада	2010	Брайан Ли Кроули	Часто
Центр международных исследований в области политики	Канада	2007	Поланд Пэрис	Часто
Атлантический институт рыночных исследований	Канада	1994	Марко Наварро-Жени	Периодически
Каледонский институт социальной политики	Канада	1992	Кен Баттл	Редко
Фонд Западной Канады	Канада	1970	Дилан Джонс	Часто
Канадский центр политических альтернатив	Канада	1980	Брюс Кэмпбелл	Часто
Канадский институт обороны и международных отношений	Канада	2001	Дон Дуглас	Часто
Канадский международный совет	Канада	1928	Перрин Битти	Часто
Институт Хоу (Кларенса Декейтера Хоу)	Канада	1958	Уильям Б.П. Робсон	Редко
Центр исследования международной политики и обороны	Канада	1975	Стефани фон Хлатки	Периодически
Центр Инноваций в Сфере Международного Управления	Канада	2001	Рохинтон П. Медхора	Периодически
Центр политики и законодательства в сфере торговли	Канада	1989	Фил Рурк	Часто
Собрание комитета Канады	Канада	1954	Даниэль Ф. Музыка	Периодически

Совет Канадцев	Канада	1985	Мод Барлоу	Часто
Фонд Дэвида Сузуки	Канада	1990	Питер Робинсон	Редко
Институт Фрейзер	Канада	1974	Нильс Видуис	Часто
Институт глобальных проблем Лью	Канада	1998	Моура Куэйл	Периодически
Канадский налоговый институт	Канада	1945	Лари Чапмэн	Редко
Азиатско-тихоокеанский фонд Канады	Канада	1984	Юн Паи Ву	Часто
Институт экономики в Монреале	Канада	1987	Мишель Келли-Гагنون	Редко
Институт по проблемам Севера - Юга	Канада	1976	-	Периодически
Пембинский институт	Канада	1985	Эд Виттингхем	Часто
Форум по вопросам государственной политики	Канада	1987	Ларри Мюррей	Редко
Центр евразийских, российских и восточноевропейских исследований при Университете Торонто	Канада	1900	Гансен Рэндолл	Часто
Институт европейских и российских исследований Карлтонского университета	Канада	1900	Ашим Хуррельманн	Часто
Центр посткоммунистических исследований университета Святого Франциска Ксавьера	Канада	2003	Лавиния Стан	Часто
Исследовательский центр Аль-Джазира	Катар	2006	Салах Эддин Эльзеин	Периодически
Арабский центр исследования и изучения политики	Катар	2010	Азми Бишара	Часто
Африканский консорциум экономики и научных исследований	Кения	1988	Лемма Сенбет	Редко
Китайский Институт Международных Исследований	Китай	1956	Су Гэ	Периодически
Институт финансовых исследований Китайского Народного Университета	Китай	2013	Ван Вэнь	Часто
Институт Экономических Исследований Чун-Хуа	Китай	1981	Чун-Шу Ву	Редко
Китайский Институт Современных Международных Отношений	Китай	1980	Цуй Лиру	Часто

Исследовательский центр Госсовета по развитию	Китай	1980	Ли Вэй	Редко
Институт Мировой Экономики и Политики	Китай	1977	Чжан Юянь	Редко
Шанхайский Иснтитут Международных Исследований	Китай	1960	Чень Дунсяо	Часто
Тайваньский институт экономических исследований	Китай	1976	Чень Фу Джефф Лин	Редко
Институт Экономики Unirule	Китай	1993	Мао Юши	Редко
Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии	Китай	1965	Ли Юнцюань	Часто
Институт Политического Развития и Государственного Упрвления Пекинского Университета	Китай	1999	Сиз Чинкуй	Редко
Школа Международных Отношений и Публичной Политки Фуданьского Университета	Китай	1923	Чень Чжиминь	Периодически
Партийная Школа при ЦК Коммунистической Партии Китая	Китай	1933	Лю Юншань	Редко
Институт Стратегического Сотрудничества между Китаем и Россией при Униферситете Цинхуа	Китай	2011	Ли Чан	Часто
Шанхайская Академия Общественных Наук	Китай	1958	Чжань Ван	Периодически
Китайский Институт Реформ и Развития	Китай	1992	Чи Фулинь	Периодически
Китайская Академия Военных Наук	Китай	1958	Гао Цзинь	Редко
Национальный Исследовательский Институт Общественной Дипломатии	Китай	2014	-	Редко
Пудунская Акадеия Руководящих Кадров Китая	Китай	2005	Чжао Лецзи	Редко
Центр Стратегических и Международных Исследований, Пекинский университет	Китай	2013	Ван Цзиси	Периодически

Академия Общественных Наук в провинции Цзянсу	Китай	1980	Ван Чинву	Редко
Гуандунская Академия Общественных Наук	Китай	1958	Цзян Бинь	Редко
Китайский Центр Международного Экономического и технологического Обмена	Китай	1983	Яо Шеньхун	Редко
Исследовательский Центр Взаимодействия с соседними Странами	Китай	2012	Фэн Шаолэй; Шэнь Чжихуа	Периодически
Исследовательская Консалтинговая Группа - Горизонт	Китай	1992	Юэ Юань	Редко
Центр по изучению России при Восточно-Китайском педагогическом университете.	Китай	1999	Фэн Шаолэй	Часто
Китайский Народный Институт Иностранных Дел	Китай	1949	Ян Вэньчан	Периодически
Китайская Академия Сельскохозяйственных Наук	Китай	1957	Ли Цзяян	Периодически
Китайский Институт по Государственным делам	Китай	2002	Мао Шоулун	Периодически
Китайский Центр Международного Экономического Обмена	Китай	2009	Чжан Сяочан	Часто
Исследовательский центр «Columbia First»	Колумбия	2007	Альваро Урибе Велез	Часто
Фонд идей мира	Колумбия	1999	Мария Виктория Льоренте	Периодически
Фонд высшего образования и развития	Колумбия	1970	Леонардо Вильяр Гомес	Часто
Понимание преступности	Колумбия	2012	Стивен Дадли; Джереми Макдермотт	Часто
Институт политической науки	Колумбия	1987	Хосе Барон Суарес	Редко
Латиноамериканский факультет социальных наук	Коста-Рика	1957	Адриан Бонилья Сория	Редко
Арабский институт планирования	Кувейт	1980	Бадер О. Малаллах	Редко

Кувейтский институт научных исследований	Кувейт	1967	Наджи Мухамед Аль-Мутаири	Редко
Институт общественной политики	Кыргызстан	2005	Чинара Жакыпова	Часто
Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики	Кыргызстан	2010	Султанов Талант Исакович	Часто
Центральноазиатский институт свободного рынка	Кыргызстан	2006	Мирсулджан Налазалов	Часто
Латвийский Институт Международных Отношений	Латвия	1992	Андрис Спруде	Часто
Центр Общественной Политики	Латвия	2002	Даце Акуле	Часто
Балтийский Международный Центр экономико-политических исследований	Латвия	2001	Алф Ванас	Редко
Центр Европейских и Переходных исследований в Университете Латвии	Латвия	2000	Татьяна Муравска	Периодически
Институт Свободного Рынка Литвы	Латвия	1990	Жилвинас Силенас	Редко
Центр исследований арабского единства	Ливия	1975	-	Часто
Белорусский институт стратегических исследований	Литва	2007	Андрей Мицкевич	Часто
Центр Геополитических Исследований	Литва	2005	Грета Моника Тучкуте	Часто
Центр научных исследований и политики	Македония	2004	Жидас Даскаловски	Редко
Институт азиатской стратегии и лидерства	Малайзия	1993	Мирзан Махатир	Периодически
Центр общественно-политических исследований	Малайзия	1900	Михаэль Йеох	Редко
Институт стратегических и международных исследований	Малайзия	1983	Тан Сри Растам Мохд Иса	Часто
Малайзийский Институт Экономических Исследований	Малайзия	1985	Закариах Абдул Рашид	Периодически

Коллектив Анализа Безопасности и Демократии	Мексика	2007	Рауль Бенитес Мано	Редко
Мексиканский Совет по Внешней политике	Мексика	2001	Хайме Заблудовски; Клаудия Кальвин	Редко
Фундар, Центр анализа и исследований	Мексика	1999	Кристина Пиркер	Периодически
Мексиканский институт конкурентноспособности	Мексика	2004	Хуан Э.Пардинас	Часто
Институт безопасности и демократии	Мексика	2009	Эрнесто Лопес Портильо Варгас	Редко
Центр исследования свободного предпринимательства	Мексика	1900	Луис Пасос	Редко
Колледж Северной Границы	Мексика	1982	Тонатю Гильен Лопес	Редко
Центр анализа государственной политики - Изучение Мексики	Мексика	2009	Эдна Хайме	Редко
Исследовательский центр Эспиноса Иглесиас	Мексика	2005	Энрике Карденас Санчес	Редко
Институт стратегических исследований	Монголия	1990	Б.Даваадорх	Часто
Монгольский исследовательский центр развития	Монголия	1998	Цедендамба Батбайар	Периодически
Королевский институт стратегических исследований	Марокко	2007	Мохаммед Тавфик Мулин	Периодически
ОСР Центр политики	Марокко	2011	Карим Эл Аунауи	Периодически
Институт исследования государственной политики	Намибия	2001	Грэм Хопвуд	Периодически
Нигерийский институт внешней политики	Нигерия	1961	Бола А. Акинтеринва	Редко
Фонд Альфреда Мозера	Нидерланды	2013	Арджен Берквенс	Часто
Международный институт исследований и образования	Нидерланды	1981	Алекс де Йонг	Периодически
Недерландский институт исследования международных отношений Клингельдаль	Нидерланды	1983	Ко Колижн	Периодически
Фонд Веярди Бекмана	Нидерланды	1945	Феликс Роттенберг	Редко

Недерландский научный совет государственной политики	Нидерланды	1972	Алинда Ламейн	Редко
Гаагский институт международного права	Нидерланды	2011	Аби Вильямс	Редко
Гаагский центр стратегических исследований	Нидерланды	2007	Роб де Вейк	Часто
Клингендель, Институт международных отношений Нидерландов	Нидерланды	1983	Ко Колин	Часто
Институт Новой Зеландии	Новая Зеландия	2012	Оливер Хартвич	Редко
Новозеландский институт экономических исследований	Новая Зеландия	1958	Лоуренс Кубиак	Часто
Центр развития и окружающей среды	Норвегия	1990	Кристи Энн Столен	Периодически
Норвежский институт международных отношений	Норвегия	1959	Ульф Свердруп	Часто
Институт исследований проблем мира	Норвегия	1959	Кристиан Берг Харпвикен	Часто
Цивита	Норвегия	1900	Кристин Клемет	Часто
Центр по изучению Европы АРЕНА	Норвегия	1994	Эрик Оддвар Эриксен	Редко
Институт Фридтёфа Нансена	Норвегия	1900	Гейр Хоннеланд	Часто
Центр стратегических исследований ОАЭ	ОАЭ	1994	Джамал Санад Аль-Суваиди	Часто
Научно-исследовательский центр Персидского залива	ОАЭ	2000	Абдулазиз Сагер	Часто
Восточный научно-исследовательский центр	ОАЭ	2011	Самир Алтаки	Часто
Научно-исследовательский центр Аль-Месбар	ОАЭ	2007	Турки Аль-Дахил	Часто
Центр Исследований Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, Университет Синдха	Пакистан	1973	Хамадулла Какепото	Редко
Институт Альтернативных решений	Пакистан	2003	Кхалил Ахмад	Периодически
Исламабадский Институт Политических Исследований	Пакистан	1999	Инамул Хаке	Часто

Центр социальной политики и развития	Пакистан	1995	Кхалида Гхауз	Редко
Политический Институт Устойчивого Развития	Пакистан	1992	Абид Каийум Сулери	Редко
Институт политических исследований (Исламабад)	Пакистан	1979	Кхалид Рахман	Периодически
Институт региональных исследований	Пакистан	1982	Ариф Айуб	Периодически
Институт стратегических исследований	Пакистан	1973	Масуд Кхан	Часто
Центр Изучения Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии	Пакистан	1973	Хамадулла Какепото	Редко
Центр анализа и распространения экономики Парагвая	Парагвай	1990	Фернандо Маси	Редко
Аналитическая группа развития	Перу	1980	Мигель Харамильо Баананте	Редко
Группа гражданских инициатив	Перу	1992	Эпифанио Бака	Редко
Фонд Казимира Пуласки	Польша	2004	Збигниев Писарски	Часто
Центр социальных и экономических исследований	Польша	1991	Кристофер А. Хартвелл	Часто
Институт общественных дел	Польша	1995	Яцек Кухарчик	Периодически
Польский институт международных дел	Польша	1947	Анна Жилинска-Ракович	Часто
Центра восточных исследований	Польша	1990	Олаф Осика	Часто
Институт Дел Запада	Польша	1944	Михаил Новосельски	Часто
Институт Собески	Польша	2004	Лежек Скиба	Часто
Центр международных отношений	Польша	1996	Малгожата Баниковска	Часто
ДемосЕВРОПА - Центр для европейских стратегий	Польша	2006	Кржиштоф Блуз	Часто
Европейский центр Натолин	Польша	1993	Агниежка Джаковска-Озенберг	Часто
Центр им.Адама Смита	Польша	1989	Андрей Садовски	Редко
Институт исследования рынка, потребления и бизнеса	Польша	2007	Ричард Микальски	Часто
Фонд им. Стефана Батория	Польша	1988	Марсин Кроль	Часто

Либеральный клуб	Республика Беларусь	2007	Евгений Прейгерман	Часто
Центр европейской трансформации	Республика Беларусь	2010	Андрей Егоров	Часто
Белорусский центр европейских исследований	Республика Беларусь	1900	-	Редко
Исследовательский центр Института приватизации и менеджмента	Республика Беларусь	1999	Игор Пелипась	Часто
Белорусский экономический исследовательский центр	Республика Беларусь	2008	Павел Данейко	Часто
Организационно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь	Республика Беларусь	2008	Сергей Шпегун	Часто
Центр международных исследований факультета международных отношений Белорусского Государственного Университета	Республика Беларусь	2000	Достанко Елена	Редко
Институт политических исследований АСАН	Республика Корея	2008	Чан Мон Джун	Часто
Институт Восточной Азии	Республика Корея	2002	Сук Джон Ли	Часто
Институт Дальнего Востока	Республика Корея	1972	Да-Ку Юн	Периодически
Корейский институт развития	Республика Корея	1971	Джун-Кун Ким	Периодически
Корейский институт международной экономической политики	Республика Корея	1989	И Хон Ли	Часто
Корейский институт экономики и энергетики	Республика Корея	1986	-	Часто
Институт исследования России при Корейском университете иностранных исследований	Республика Корея	1972	-	-
Институт России, Восточной Европы, и Евразии при Сеульском Национальном университете	Республика Корея	1989	-	-
Центр международных исследований	Республика Корея	1900	Чан Че Сун	Периодически

Институт исследования национальной безопасности	Республика Корея	1977	-	Периодически
Илминский институт международных отношений	Республика Корея	1995	Ким Сун Хан	Часто
Институт исследования Востока и Запада	Республика Корея	1972	Ли Ён Хо	Редко
Институт Мира в Чеджу	Республика Корея	2006	Мун Тэ Ян	Часто
Исследовательский институт Хендаи	Республика Корея	1900	Кан Ин Су	Периодически
Молдавская Ассоциация Иностранной Политики	Республика Молдова	2003	Василий Неделчиуч	Часто
Институт развития и социальных инициатив	Республика Молдова	1900	Влад Люпан; Любомир Чиряц; Виктор Попа; Игорь Мунтену	Часто
ЭКСПЕРТ-ГРУП	Республика Молдова	1900	Адраиар Люпзор	Часто
Национальный исследовательский экономический институт Константина К. Киритеску	Румыния	1990	Люминита Киву	Редко
Институт Людвиг фон Мизес	Румыния	2001	Михаи-Владимир Топан	Редко
Европейский институт Румынии	Румыния	2000	Габриэла Драган	Периодически
Румынский Центр Европейской политики	Румыния	2009	Сиприан Чюцу; Драгос Дину; Кристиан Гинеа	Часто
Сальвадорский фонд экономического и социального развития	Сальвадор	1983	Хосе Анхель Квирос Нолтениус	Периодически
Белградский институт политики в сфере безопасности	Сербия	1997	Соня Стоянович Гажик	Часто
Институт Политических Исследований	Сингапур	1988	Янадас Деван	Периодически
Институт Исследований ЮВА - Институт Юсофа Исхака	Сингапур	1968	Тань Чинь Тьон	Редко
Сингапурский Институт Международных Отношений	Сингапур	1961	Саймон Тэй	Редко

Школа международных исследований им. Раджаратнама Наньянгского Технологического Университета	Сингапур	1996	Эдди Тэо	Часто
Фонд Ф.А.Хайека	Словакия	1991	Матус Посванц	Часто
Словацкая ассоциация внешней политики	Словакия	1993	Александр Дулеба	Периодически
Центр стратегических и международных исследований	США	1962	Джон Хамр	Часто
Институт демократического управления и инноваций имени Эша школы управления Кеннеди Гарвардского университета	США	2003	Энтони Сайх	Редко
Центр Эшбрук по Связям с Обществом	США	1983	Роберт Альт	Редко
Университет Аспен	США	1950	Уолтер Исааксон	Часто
Ассоциация Анализа Публичной Политики и Публичного Управления	США	1979	Джнй Волдфогел	Периодически
Атлантический совет	США	1961	Фредерик Кемп	Периодически
Институт публичной политики им. Джеймса Бейкера, Университет Райса	США	1993	Эдвард Джереджиен	Периодически
Центр Ануки и Международных Отношений им. Роберта и Рене Белфер, Школы Управления Кеннеди Гарвардского Университета	США	1973	Грэм Эллисон	Часто
Двухпартийный политический центр	США	2007	Марк Волш	Часто
Институт Брейксеру	США	2003	Майкл Шелленбергер	Периодически
Брукингский Институт	США	1916	Строб Талбот	Часто
Круглый Стол по Международной Экономике в Беркли	США	1982	Джон Зисман; Стивен Коэн	Редко
Совет Карнеги по Этике в Международных Отношениях	США	1914	Джоэл Розенталь	Часто
Фонд "Маленькие войны"	США	2008	Дэйв Дилеж; Дэн Келлим; Дэйв Максвелл; Билл Нэгл	Часто

Центр Йордана по изучению России при Нью-Йоркском Университете	США	2011	Янни Котсонис	Часто
Центр российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета	США	1948	Рави Абделал	Часто
Центра Евразийских, Российских и Восточно-Европейских Исследований Джорджтаунского Университета.	США	1959	Майкл Дэвид-Фокс	Часто
Центр Исследований России, Восточной Европы и Евразии при Мичиганском Университете	США	1993	Кристина Фехервери	Часто
Центр Российских, Европейских и Азиатских Исследований в Стэнфорде	США	1969	Павле Леви	Часто
Фонд Экономических Исследований "Атлас"	США	1981	Алехандро Чафуен	Периодически
Центр Анализа Европейской Политики	США	2005	Вэсс Митчелл	Часто
Центр Международной Безопасности и Сотрудничества	США	1970	Дэвид Релман; Эми Зегарт	Часто
The Political Risks Services Group	США	1979	Кристофер МакКи	Часто
Институт Российских, Евроазиатских и Восточноевропейских исследований им. Гарримана	США	1946	Александр Кулей	Часто
Институт Славянских, Восточноевропейских и Евразийских Исследований в Беркли	США	2000	Джон Коннелли	Часто
Российский и Восточноевропейский Институт, Университет Индианы	США	1958	Сара Филлипс	Часто
Центр Российских, Евроазиатских и Восточноевропейских исследований им. Меликяна, Университет Аризоны	США	1984	Стефен Батальден	Часто

Центр Международных и Региональных Исследований им. Уитни и Бетти МакМиллан, Йельский Университет	США	1960	Ян Шапиро	Часто
Центр России, Вотсочной Европы и Центральной Азии, Висконсинский Университет В Мадисоне	США	1993	Тэд Гербер	Часто
Российский, Вотсочноевропейский и Евразийский Центр в Иллинойсе	США	1959	Дэвид Купер	Часто
Институт мира США	США	1984	Стивен Дж. Хэдли	Часто
Институт философии и публичной политики	США	1976	Эндрю Лайт	Редко
Иглтонский институт публичной политики	США	1956	Рус В. Мандель	Редко
Исследовательский центр по вопросам этики имени Эдмонда Дж. Сафры	США	1986	Даниель Аллен	Периодически
Институт проблем окружающей среды и энергетики	США	1982	Кароль Вернер	Редко
Институт проблем правового обеспечения защиты окружающей среды	США	1969	Скотт Шанг	Периодически
Исследовательский центр по вопросам публичной политики и этики	США	1976	Вильям Р. Бурже	Часто
Исследовательский институт международной политики	США	1955	Алан Х. Люксенберг	Часто
Фонд экономического образования	США	1946	Вейн Олсон	Редко
Фридом Хаус	США	1941	Марк П. Лагон	Часто
Институт Джорджа К. Маршалла	США	1984	Джон Шелдон	Часто
Фонд Германа Маршалла	США	1972	Майа Комю	Часто
Институт международного развития и защиты окружающей среды	США	1993	Нева Р. Гудвин; Вильям Р. Мумав	Периодически
Хартланд Инститьют	США	1984	Джозеф Баст	Периодически
Стимсон Центр	США	1989	Эллен Лэйпсон	Часто

Фонд «Наследие»	США	1973	Брет Бернхардт	Часто
Институт политических исследований	США	1968	Дэвид Фиглио	Редко
Институт политических исследований	США	1963	Джон Кэвэнэг	Часто
Институт общественных и международных дел	США	2005	Дж. Стивен Отт	Редко
Институт стратегических исследований	США		-	Часто
Американский институт мира	США	1984	Нэнси Линдборг	Часто
Городской институт	США	1968	Сара Розен Уартел	Редко
Институт правосудия Вера	США	1961	Николас Тернер	Периодически
Вашингтонский институт ближневосточной политики	США	1985	Роберт Сатлофф	Часто
Центр экономики, правительства и государственной политики Вайденбаума	США	1975	Стивен Смит	Периодически
Женская организация окружающей среды и развития	США	1991	Марсела Товар-Рестрепо	Редко
Институт исследований и анализа национальной безопасности	США	2004	Филипп Андерсон	Редко
Гуверовский институт войны, революции и мира	США	1959	Лорен Широн	Часто
Институт Гудзон	США	1961	Кеннет Вайнштайн	Часто
Институт связей с общественностью Хьюберта Х. Хамфри	США	1977	Эрик Шварц	Редко
Хьюман райтс вотч	США	1978	Кеннет Рот	Часто
Независимый институт	США	1986	Дэвид Дж. Теру	Часто
Фонд информационных технологий и инноваций	США	2006	Роберт Д. Аткинсон	Часто
Институт сельскохозяйственной и торговой политики	США	1986	Джулиетт Мейджот	Периодически

Институт исследования энергии и окружающей среды	США	1987	Арджун Макхиджани	Редко
Институт глобальной этики	США	1990	Энтони Дж. Грей	Редко
Институт показателей и оценки здоровья	США	2007	Кристофер Дж. Л. Мюррей	Часто
Центр "Копенгагенский консенсус"	США	2006	Бьорн Ломборг	Редко
Международный научный центр имени Вудро Вильсона	США	1968	Джейн Харман	Часто
Институт мировой политики	США	1961	Кейт Малофф	Редко
Институт мировых ресурсов	США	1982	Эндрю Стир	Периодически
Институт Уорлдуотч	США	1974	Ид Грорк	Периодически
Институт современной России	США	2010	Лидия Духович	Часто
Фонд Джеймстаун	США	1984	Глен Ховард	Часто
Центр Новой Американской Безопасности	США	2007	Шон Бримли	Часто
Центр Прогресса Америки	США	1900	Ниера Танден	Часто
Центр военно-гражданских отношений	США	1994	Ричард Хоффман	Периодически
Центр климатических и энергетических решений	США	2011	Теодор Рузвельт IV	Часто
Центр климата и безопасности	США	1900	Франсеско Фемия; Кейтлин Уэррелл	Часто
Центр компаративных исследований иммиграции	США	1999	Джон Скрентни; Дэвид Фитцджеральд	Редко
Центр сложных операций	США	2008	Джозеф Коллинс	Часто

Центр Демократии и Технологий	США	1994	Нуала О'Коннор	Часто
Центр электронного правительства	США	1900	Тодд Сандлер	Часто
Центр экономических и политических исследований	США	1999	Дин Бейкер; Марк Уэйсброт	Часто
Центр анализа образовательной политики	США	1900	Мишель Рейнингер	Часто
Центр Эффективного Правительства	США	1983	Дайана Стюарт	Часто
Центр Глобального развития	США	2001	Лоуренс Саммерс	Часто
Образовательный центр нераспространения ядерного оружия	США	1994	Генри Д.Соколовски	Часто
Оклендский Институт	США	2004	Анурадха Миттал	Часто
Тихоокеанский научно-исследовательский институт общественной политики	США	1979	Кларк С. Джадж	Часто
Институт Мировой экономики Петерсона	США	1981	Питер Дж.Питерсон	Часто
Благотворительные Фонды Пью	США	1948	Ребекка В.Римел	Часто
Исследовательский центр Пью	США	2004	Майкл Димок	Часто
Ассоциация политических исследований	США	1981	Тарсо Луи Рамос	Часто
Инициатива политики заключения	США	2001	Питер Вагнер	Редко
Проект оборонных альтернатив	США	1991	Карл Конетта	Редко
Институт прогрессивной политики	США	1989	Уилл Маршал	Часто
Исследовательский центр имущества и окружающей среды	США	1982	Терри Л.Андерсон	Часто

Рэнд Корпорейшн	США	1948	Майкл Д.Рич	Часто
Фонд Ризон	США	1978	Дэвид Нотт	Часто
Ресурсы для будущего	США	1952	Ричард Л.Шмаленси	Часто
Институт Санта Фе	США	1984	Майкл Мобуссин	Редко
Проект "Вынесение Приговора"	США	1986	Анджела Дж.Вэвис	Редко
Центр Шоренстейн для СМИ, политики и государственного управления	США	1986	Томас Е. Паттерсон	Часто
Исследовательский Совет социальных наук	США	1923	Ира Кацнельс	Часто
Центр Стимсона	США	1989	Эллен Лаипсон	Часто
Центр глобальной энергетической политики	США	1900	Джейсон Бордофф	Часто
Центр изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии при Вашингтонском университете	США	2004	Скотт Раднич	Часто
Центр славянских и восточноевропейских исследований Университета Огайо	США	1965	Яна Хашамова	Часто
Центр российских и постсоветских исследований им. Вальтера Э. Хавигхерста Университета Майами	США	1900	Карин Давиша	Часто
Центра восточноевропейских, русских и евразийских исследований Университета Чикаго	США	1965	Сюзан Гал	Часто
Center for Russian, East European and Eurasian Studies	США	1984	Мэри Небургер	Часто

Центр российских и восточноевропейских исследований Университета Питтсбурга	США	1900	Эндрю Коницер	Часто
Центр славянских, евразийских и восточноевропейских исследований Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл	США	1991	Дональд Релейг	Часто
Монтерейский институт международных исследований	США	1955	Джефф Дейтон-Джонсон	Часто
Школа международных отношений Эллиота Университета Джорджа Вашингтона	США	1988	Хью Эгнью	Часто
Центр российских, восточноевропейских и евразийских исследований Университета Канзаса	США	1965	Виталий Чернецкий	Часто
Center for Russian, East European and Eurasian Studies at University of Oregon	США	1968	Дженифер Престо	Часто
Центр глобальных интересов	США	2012	Николай Злобин	Часто
Национальный консорциум по изучению терроризма и средств противодействия терроризму	США	2005	Гэри Лафри	Часто
Институт Актона	США	1990	Крис Алан Манер	Часто
Американский совет по вопросам формирования капитала	США	1997	Марк А. Блумфельд	Часто
Американский институт предпринимательства	США	1938	Туфли М. Фридман	Часто
Американский совет по международным отношениям	США	1982	Герман Причнер	Occasionally
Американский законодательный совет	США	1973	Джон Пископо	Часто
Американский институт прессы	США	1946	Том Розенстиль	Часто
Арабо-Американский институт	США	1985	Майя Берри	Редко

Институт публичной дипломатии и международных коммуникаций	США	2005	Шон Адай	Редко
Институт исследований бедности	США	1966	Лоуренц Бергер	Редко
Институт анализа международной безопасности	США	2011	Галь Лифт	Часто
Институт исследований дипломатии	США	1978	Барбара К. Бодини	Часто
Институт политики	США	1966	Мэгги Вильямс	Часто
Интерамериканский Диалог	США	1982	Карла А. Хилс	Редко
Международный центр женских исследований	США	1976	Сара Дегнан Камбоу	Редко
Международный центр исследований продуктовой политики	США	1975	Шенген Фан	Редко
Институт Лексингтон	США	1998	Мак Карей	Часто
Манхеттанский институт исследования политики	США	1978	Лоуренц Дж. Мун	Часто
Институт международного лидерства МакКейна	США	2012	Курт Фолькер	Часто
Центр Меркатуса	США	1980	Тайлер Ковен	Редко
Институт миграционной политики	США	2001	Михаэль Фикс	Редко
Национальное бюро экономических исследований	США	1920	Джеймс М. Потерба	Часто
Национальный центр политического анализа	США	1983	Катерин Даниель	Редко
Лаборатория журналистики Нимана	США	1938	Анн Мари Липински	Редко
Фонд Новой Америки	США	1999	Анн-Мари Слотер	Часто
Фонд Карнеги за международный мир	США	1901	Вильям Дж. Бернс	Часто
Центр по правам человека им. Г. Карра	США	1999	Шарли Клементс	Часто
Квартал центр	США	1982	Мэри Энн Питерс	Часто
Политический институт Каскад	США	1991	Вильям Б. Конерли	Периодически
Институт Катона	США	1977	Джон Элисон	Часто

Центр изучения международных отношений и международной безопасности Мэриленда	США	-	Джон Штейнбрунер	Часто
Центр Международного Развития при Гарвардском Университете	США	-	Марсела Эскобари	Редко
Международный сетевой информационный центр изучения Земли	США	1989	Роберт Чэн	Редко
Центр Международной Политики	США	1975	Кэтрин Магро	Часто
Центр изучения международной торговли и безопасности	США	-	Скотт Джонс	Редко
Центр изучения национального политического курса	США	1980	Скотт Бэйтс	Часто
Центр изучения боевых действий на море	США	1981	Томас Кулора	Периодически
Центр изучения новых угроз безопасности США	США	2007	Мишель Флорноу	Часто
Центр прогрессивных реформ	США	2002	Роберт Верчик	Периодически
Центр социальной сплоченности	США	1989	Питер Бейл	Редко
Центр репродуктивных прав	США	1992	Нэнси Нортхуп	Редко
Центр изучения политического курса в сфере безопасности	США	1988	Френк Геффни Младший	Периодически
Центр стратегической и бюджетной экспертизы	США	-	Эндрю Крепиневич младший	Периодически
Центр стратегических и международных исследований	США	1962	Джон Хэмр	Часто
Центр изучения национальных интересов США	США	1994	Генерал Чарльз Бойд	Часто
Центр изучения трансатлантических отношений	США	-	Дэниэл Хэмилтон	Периодически
Центр по определению бюджетных и политических приоритетов	США	1981	Роберт Гринстейн	Редко
Центр Публичной Дипломатии	США	2003	Цзян (Джей) Ван	Периодически
Фонд Столетия	США	1919	Брэдли Абелю	Редко

Коалиция за развитие экономики, основанной на принципах экологической ответственности	США	1989	Энн Стосболл	Периодически
Комитет по экономическому развитию	США	1942	Стив Одланд	Периодически
Институт бизнес конкуренции	США	1984	Ханс Бадер	Редко
Совет по международным отношениям	США	1921	Карла Хиллз	Часто
Центр освещения конфликтов, насилия и трагедий в журналистской деятельности	США	1994	Брюс Шапиро	Периодически
Институт безопасности и международных исследований	Таиланд	1981	Тхитинан Понгсудхирак	Редко
Ассоциация Либеральной Мысли	Турция	1992	Атилла Яйла	Периодически
Центр исследования экономики и зарубежной политики	Турция	2005	Синан Уйген	Часто
Центр передового опыта по защите от терроризма	Турция	2005	-	Часто
Фонд турецких экономических и социальных исследований	Турция	1994	Озге Актас Мазман	Периодически
Центр глобальных политических трендов	Турция	2009	Менсур Акгун	Периодически
Международная организация по стратегическим исследованиям	Турция	2004	Оздем Санберк	Часто
Турецкий институт изучения внешней политики	Турция	1974	Сейфи Ташан	Редко
Центр экономики и исследований внешней политики	Турция	1900	Синан Олген	Часто
Центр Стратегических Наблюдений	Турция	2011	Юсуф Чинар	Периодически
Фонд Политических, Экономических и Социальных исследований	Турция	1900	Бурханеттин Дюран	Периодически
Центр Стратегических Исследований при Министерстве Иностранных Дел Турции	Турция	1995	Профессор Али Ресул Усул	Периодически

Фонд исследований экономической политики Турции	Турция	2004	М. Рифат Хисарджыклыоглу	Часто
Центр Изучения Политического Курса Турции	Турция	1900	Умит Сонмез	Периодически
Центр экономических исследований	Узбекистан	1999	Баходур Эшонов	Редко
Институт общественных трансформаций	Украина	1994	Олег Соскин	Часто
Киевский центр политических исследований и конфликтологии	Украина	1993	Михаил Погребински	Часто
Международный центр перспективных исследований	Украина	1994	Василий Филипчук	Часто
Центр Разумкова	Украина	1994	Анатолий Рачок	Часто
Институт Евроатлантического сотрудничества	Украина	2001	-	Часто
Международный научно-исследовательский институт экономики развития Университета ООН	Финляндия	1984	Финн Тарп	Периодически
Центр передового опыта "Альтернативы российской модернизации"	Финляндия	2012	Маркку Кивинен	Периодически
Центр передового опыта по изучению европейской политики и взаимоотношений Европы и России Жана Монэ	Финляндия	2011	Ханна Оянен	Периодически
Финский институт международных дел	Финляндия	1961	Тейя Тииликайнен	Часто
Институт исследований мира Тампере	Финляндия	1969	Тарья Вейринен	Редко
Институт исследований в области безопасности	Франция	2002	Антонио Миссироли	Часто
Институт Европейского Союза по исследованию безопасности	Франция	2002	Антонио Миссироли	Часто
Французский институт международных отношений	Франция	1979	Тьерри де Монбриаль	Часто

Центр исследования будущего и международной информации	Франция	1978	Фредерик Абивен	Редко
Группа исследующих будущее	Франция	1960	Гуго де Жувенель	Периодически
Французский институт международной и стратегической политики	Франция	1991	Паскаль Бонифас	Часто
Центр международных исследований	Франция	1952	Алан Дьекхоф	Часто
Фонд стратегических исследований	Франция	1992	Камиль Гранд	Часто
Институт Босфор	Франция	2009	Серап Атан	Редко
Терра Нова	Франция	2008	Франсуа Шерек	Периодически
Институт экономики	Хорватия	1939	Дубравка Журлена Алибегович	Периодически
Институт экономических исследований	Чехия	2004	Мартин Грегор	Часто
Пражский институт исследований в области безопасности	Чехия	2002	Роджер В. Робинсон	Часто
Свободный институт	Чехия	1990	-	Редко
Институт международных отношений	Чехия	1957	Петр Краточвил	Часто
Центр общественных исследований	Чили	1980	Элиодоро Маттэ Ларрайн	Редко
Экономическая комиссия по Латинской Америке и Карибскому бассейну	Чили	1948	Алисия Барсена	Редко
Корпорация Латиноамериканских исследований	Чили	1976	Александро Фослей	Периодически
Фонд Чили	Чили	1976	Маркос Кулка	Редко
Свобода и развитие	Чили	1990	Луис Ларрайн	Редко
Фонд Хайме Гусмана	Чили	1991	Ховино Новоа	Редко
Swisspeace	Швейцария	1988	Лоурент Гоегшель	Редко
Организация Ага Хана по развитию	Швейцария	1967	Ага Хан	Периодически
Всемирный экономический форум	Швейцария	1971	Клаус Шваб	Часто
Центр исследований безопасности	Швейцария	1986	Андреас Венгер	Периодически
Римский клуб	Швейцария	1968	Роберто Печчеи	Часто

Стокгольмский международный институт исследования проблем мира	Швеция	1966	Дэн Смит	Часто
Международный форум миротворческих операций	Швеция	1996	Анника Хиддинг Норберг	Редко
Стокгольмский институт окружающей среды	Швеция	1989	Йохан Л.Кюйленстиерна	Периодически
Шведский институт изучения европейской политики	Швеция	2002	Ева Хёгрен	Периодически
Тимбро	Швеция	1978	Карин Свонборг-Хёваль	Редко
Центр исследований управления и регулирования кризисов	Швеция	1900	Анна Фонштедт	Часто
Шведское агентство по исследованию проблем обороны	Швеция	1900	Жан-Олоф Линд	Часто
Центр европейских исследований Университета Гётеборга	Швеция	1995	Линда Берг	Редко
Шведский институт международных отношений	Швеция	1938	Матс Карлссон	Часто
Институт политических исследований в Шри-Ланка	Шри-Ланка	1988	Саман Калегاما	Периодически
Региональный Центр Стратегических Исследований	Шри-Ланка	1993	Имтиаз Ахмед	Редко
Эквадорский центр экологического права	Эквадор	1996	Мария Ампаро Албан	Редко
Эквадорский институт политической экономики	Эквадор	1991	Дора де Ампуэро	Редко
Центр изучения Европы и России	Эстония	2011	Пирет Эйн	Часто
Сообщество исследования политики в области продуктов питания, сельского хозяйства и природных ресурсов	ЮАР	2003	Линдиве Мажеле Сибанда	Редко
Институт свободного рынка	ЮАР	1975	Герман Машаба	Редко
Институт глобального диалога	ЮАР	1995	Сифамандла Зонди	Редко
Институт исследования безопасности	ЮАР	1991	Джэки Сильерс	Периодически

Южноафриканский институт внешней политики	ЮАР	1934	Фред Фасвана	Часто
Южноафриканский институт расовых отношений	ЮАР	1929	Франс Кронье	Периодически
Институт исследования Южной Африки	ЮАР	1960	Крэн Содииен	Периодически
Центр по урегулированию конфликтов	ЮАР	1968	Адекеи Адебажо	Периодически
Центр разработки научно-исследовательской политики	ЮАР	1990	Харун Борат	Редко
Институт Банка Развития Азии	Япония	1997	Наоюки Есино	Редко
Японский Центр Международного Обмена	Япония	1970	Акио Окавара	Редко
Японский институт развития	Япония	1982	Сёити Кобаяси	Редко
Японский институт международных отношений	Япония	1959	Тайзо Нисимура	Часто
Национальный институт оборонных исследований	Япония	1952	Тосио Сайто	Часто
Национальный институт по улучшению исследований	Япония	1974	Дзиро Усио	Редко
Научно-исследовательский институт мира и безопасности	Япония	1978	Наоюки Акикуса	Редко
Научно-исследовательский институт экономики, торговли и промышленности	Япония	2001	Накадзима Ацуси	Редко
Токийский фонд	Япония	1997	Масахиро Акияма	Часто
Институт развивающихся экономик	Япония	1958	Такахаси Сирайси	Периодически
Институт исследований международной политики	Япония	1988	Ясухиро Накасоне	Часто
Центра исследований северо-востока Азии	Япония	1996	Ока Хироки	Периодически
Институт исследований Дайва	Япония	2008	Тоширо Муто	Редко
Институт экономических исследований Северо-Восточной Азии	Япония	1993	Ёшиаки Нишимура	Часто

Институт будущих технологий	Япония	1971	Рё Хирасава	Редко
Институт исследований роста Азии	Япония	1989	Коичи Суеёши	Редко
Японский центр экономических исследований	Япония	1963	Широ Сайти	Редко
Японский форум международных отношений	Япония	1987	Имаи Такаши	Часто
Институт исследований НЛИ	Япония	1988	Джуничи Норо	Редко
Институт международных монетарных отношений	Япония	1995	Тоёо Гётэн	Часто
Японский институт национальных основ	Япония	2007	Ёшико Сакураи	Часто
Исследовательский институт JICA	Япония	1974	Ичиро Тамбо	Редко

Rethinking Russia, 2016

